

ISSN 2587-6503

БЮЛЛЕТЕНЬ

КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

2025. №1

ISSN 2587-6503 (Print)

**Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН
Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS**

2025. № 1

Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год.
ISSN 2587-6503 (Print)
2025. № 1

Журнал «Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН» («**Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS**») зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-77946 от 19.02.2020.

Журнал «Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН» («**Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS**») — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований в области исторических, филологических и социологических наук. Журнал предоставляет возможность познакомиться с оригинальными результатами новейших фундаментальных и прикладных исследований российских и зарубежных авторов по наиболее актуальным проблемам. В издании публикуются научные работы по источниковедению, археологии, фольклористике и литературоведению, социальной структуре, социологии.

Журнал публикует статьи на русском, английском, калмыцком и монгольском языках.
Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).
Подписной индекс в каталоге Агентства «Книга-Сервис»: 33086

Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

Published since 2017.

Issued 4 times per year.

ISSN 2587-6503 (Print)

2025. No. 1

The journal *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, reg. certificate ПИ № ФC77-77946 of 19 February 2020.

The *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is a peer-reviewed open access periodical that publishes results of comprehensive historical, philological, and sociological studies. The journal introduces original outcomes of contemporary fundamental and applied explorations conducted by Russian and foreign authors on the most topical issues. The publication focuses on a range of disciplines as follows: source studies, archaeology, folklore and literary studies, social structure, sociology.

The journal publishes articles in Russian, English, Kalmyk, and Mongolian.

Indexed with Russian Science Citation Index.

Subscription code (Kniga-Servis Agency) — 33086

Главный редактор

канд. фил. наук

В. В. Куканова

Редколлегия:

Бакаева Э. П., д-р ист. наук; *Баянова А. Т.*, канд. фил. наук;
Ванчикова Ц. П., д-р ист. наук; *Голенкова З.Т.*, д-р филос. наук; *Дампилова Л. С.*, д-р фил. наук; *Денисова Г. С.*, д-р соц. наук;
Дулина Н. В., д-р соц. наук; *Жуковская Н. Л.*, д-р ист. наук;
Зайцев И. В., д-р ист. наук; *Иванова И. Н.*, д-р фил. наук;
Казиева А. М., д-р фил. наук; *Кляус В. Л.*, д-р фил. наук;
Кольцов П. М., д-р ист. наук; *Кринко Е. Ф.*, д-р ист. наук;
Лукьяшко С. И., д-р ист. наук; *Лушников Д. А.*, д-р соц. наук; *Манджиева Б. Б.*, д-р фил. наук;
Музраева Д. Н., канд. фил. наук, д-р ист. наук;
Очиров У. Б., д-р ист. наук; *Пюрбеев Г. Ц.*, д-р фил. наук;
Ринчинов О. С., канд. физ.-мат. наук, д-р ист. наук;
Ситдииков А. Г., д-р ист. наук;
Фокин А. А., д-р фил. наук; *Хабунова Е. Э.*, д-р фил. наук;
Ханинова Р. М., д-р фил. наук; *Ярмаркина Г. М.*, канд. фил. наук

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,

Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: publ.kscras@gmail.com

Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Переводчик: Б. О. Номинханова

Дизайн: Д. В. Татнинов

Верстка: А. Н. Когданов

© КалмНЦ РАН, 2025

© Коллектив авторов, 2025

Editor-in-Chief

V. V. Kukanova,
Cand. Sc. (Philology)

Editorial Board:

Bakaeva E. P., Dr. Sc. (History); *Bayanova A. T.,* Cand. Sc. (Philology);
Vanchikova Ts. P., Dr. Sc. (History); *Golenkova Z. T.* Dr. Sc. (Philosophy)
Dampilova L. S., Dr. Sc. (Philology); *Denisova G. C.,* Dr. Sc. (Sociology); *Dulina N.*
V., Dr. Sc. (Sociology); *Zhukovskaya N. L.,* Dr. Sc. (History);
Zaytsev I. V., Dr. Sc. (History); *Ivanova I. N.,* Dr. Sc. (Philology);
Kazieva A. M., Dr. Sc. (Philology); *Klyaus V. L.,* Dr. Sc. (Philology);
Koltsov P. M., Dr. Sc. (History); *Krinko E. F.,* Dr. Sc. (History);
Lukjashko S. I., Dr. Sc. (History); *Lushnikov D. A.,* Dr. Sc. (Sociology);
Mandzhieva B. B., Dr. Sc. (Philology);
Muzraeva D. N., Cand. Sc. (Philology), Dr. Sc. (History);
Ochirov U. B., Dr. Sc. (History); *Ochir-Goryaeva M. A.,* Dr. Sc. (History); *Pyurbeev*
G. Ts., Dr. Sc. (Philology); *Rinchinov O. S.,* Cand. Sc. (Physics, Mathematics), Dr.
Sc. (History); *Sitdikov A. G.,* Dr. Sc. (History);
Fokin A. A., Dr. Sc. (Philology); *Khabunova E. E.,* Dr. Sc. (Philology); *Khaninova*
R. M., Dr. Sc. (Philology);
Yarmarkina G. M., Cand. Sc. (Philology)

Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Address of the Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

8, Ilishkin St., Elista 358000,

Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone no.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: publ.kscras@gmail.com

Website: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Traslator: B. O. Nominkhanova

Design: D. V. Tatninov

Page layout: A. N. Kogdanov

© KalmSC RAS, 2025

© Composite authors, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Источниковедение

Азванова Н. М. «Калмыцко-русский словарь» В. М. Дилигенского как исторический источник	8
Туранская А. А. «Тангутское» собрание из Павловского дворца в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: история поступления и краткое описание	19

Литературоведение

Иванова И. Н. Поэтика драматургии Р. М. Ханиновой: мифофольклорный аспект	32
Саракуева А. М., Узденова Ф. Т. Аксиологические ориентиры в этико-эстетической парадигме калмыков и карачаево-балкарцев (на материале творчества Р. М. Ханиновой и Л. Л. Жабеловой)	43
Исаков А. В., Дампилова Л. С. Этнокультурные символы в визуальной поэзии Риммы Ханиновой	61
Санькова А. А. Тема Великой Отечественной войны в прозе Риммы Ханиновой	69
Ханинова Р. М. Мотив Вечного огня в калмыцкой лирике о Великой Отечественной войне	87

Социология

Бадараев Д. Д., Бадонов А. М., Михалев А. А. Самозанятые в социально-профессиональной структуре населения Республики Бурятия	99
Бадмаева Н. В. Анализ системы среднего профессионального образования в регионах юга России	117
Латыш Г. В. Демографическое развитие Дальнего Востока России (XVII–XX вв.)	132
Санджиева И. Э. Развитие малого и среднего предпринимательства на Юге России: динамика и региональные особенности	146

Рецензия

Козин С. В., Жидяева Т. П. Рецензия на коллективную монографию «Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность» / под ред. чл.-корр. РАН Ж. Т. Тощенко. М.: Весь мир, 2024. 462 с.	164
---	-----

CONTENT

Source Studies

Azvanova N. M. Kalmyk-Russian Dictionary by V. M. Diligensky as a Historical Source	8
Turanskaya A. A. The Tangut Collection from the Pavlovsk Palace in the Manuscript Department of the Russian National Library: History of Acquisition and Brief Description	19

Literary Studies

Ivanova I. N. Poetics of R. M. Khaninova's Dramaturgy: Mythofolkloral Aspect	32
Sarakueva A. M., Uzdenova F. T. Axiological Guidelines in the Ethical and Aesthetic Paradigm of the Kalmyks and Karachay-Balkar (based on the works of R. M. Khaninova and L. L. Zhabelova)	43
Isakov A. V., Dampilova L. S. Ethno-cultural Symbols in the Visual Poetry of Rimma Khaninova	61
Sankova A. A. The Great Patriotic War Theme in the Prose of Rimma Khaninova	69
Khaninova R. M. The Motive of the Eternal Flame in Kalmyk Lyrics about the Great Patriotic War	87

Sociology

Badaraev D. D., Badonov A. M., Mikhalev A. A. Self-employed in the socio-professional structure of the population of the Republic of Buryatia .	99
Badmaeva N. V. Analysis of the Secondary Vocational Education System in the Regions of Southern Russia	117
Latish G. V. Demographic Development of the Russian Far East (17th –20th Centuries)	132
Sandzhieva I. E. Development of Small and Medium-sized Enterprises in the South of Russia: Dynamics and Regional Features	146

Book Review

Kozin S. V., Zhidyaeva T. P. Review of the Collective Monograph "The Life World of Workers: Sustainability versus Precarity" (Edited by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Zh. T. Toshchenko). Moscow: All World, 2024. 462 p.	164
---	-----

УДК / UDC 31

«Калмыцко-русский словарь»

В. М. Дилигенского как исторический источник

Нелли Максимовна Азванова¹

Kalmyk-Russian Dictionary by V. M. Diligensky as a Historical Source

Nelly M. Azvanova¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation) Российская Федерация)

младший научный сотрудник

Junior Research Associate

0009-0000-7306-7351. E-mail: nel_max[at]mail.ru

Аннотация. *Введение.* «Калмыцко-русский словарь» В. М. Дилигенского (1852) занимает особое место среди памятников калмыцкой письменности XIX в. и представляет собой ценный исторический источник для изучения не только языка, но и культурных, этнических и социальных процессов, происходивших в калмыцком обществе в период его интеграции в состав Российской империи. *Цель* исследования — комплексный анализ «Калмыцко-русского словаря» В. М. Дилигенского как исторического источника, отражающего особенности развития культуры и межэтнических контактов в XIX в. *Задачи* исследования: охарактеризовать историко-культурный контекст создания словаря, включая миссионерскую деятельность среди калмыков; проследить влияние общественно-политических и культурных изменений на структуру и наполнение словаря; оценить вклад словаря в формирование и сохранение письменной традиции калмыцкого языка, а также его значение для лингвистического источниковедения. *Материалы и методы.* Основным источником послужил «Калмыцко-русский словарь» В. М. Дилигенского. В ходе исследования применялись следующие методы: текстуальный, лингвистический и историко-культурный анализ. *Результаты.* Исследование показало, что «Калмыцко-русский словарь» В. М. Дилигенского отражает значительный пласт лексики калмыцкого языка середины XIX в. Анализ словаря выявил широкий спектр лексики, связанной с бытом, религией, хозяйством, что отражает специфику жизни калмыков в период ак-

© КалмНЦ РАН (KalmSC RAS), 2025

© Азванова Н. М. (Azvanova N. M.), 2025

тивной миссионерской деятельности. *Вывод.* «Калмыцко-русский словарь» В. М. Дилигенского — не только лексикографический памятник XIX в., но и уникальный исторический источник, позволяющий реконструировать калмыцкое общество того времени, охарактеризовать процессы языкового взаимодействия и динамику развития калмыцкого языка в условиях полиэтнической среды, отраженные в лексикографическом памятнике.

Ключевые слова: калмыцко-русский словарь, В. М. Дилигенский, исторический источник, тодо бичиг, миссионерская деятельность, языковые контакты

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Азванова Н. М. «Калмыцко-русский словарь» В. М. Дилигенского как исторический источник // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 1. С. 8–18. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-8-18

Abstract. *Introduction.* Kalmyk-Russian Dictionary by V. M. Diligensky (1852) occupies a special place among the monuments of Kalmyks' writing of the 19th century and is an important historical source for the study of the language as well as the cultural, ethnic and social processes in the Kalmyk society as it integrated into the Russian Empire. The *purpose* of the study is a comprehensive analysis of the Kalmyk-Russian Dictionary by V. M. Diligensky as a historical source reflecting the peculiarities of the development of the Kalmyk language, culture and interethnic contacts in the 19th century. Research *objectives:* to identify and analyze the lexical material of the dictionary in terms of reflecting the state of the 19th century, its dialectal features and contacts with other languages; to characterize the historical and cultural context of the dictionary's creation, including missionary activities among the Kalmyk; to trace the impact of the socio-political and cultural changes on the structure and content of the dictionary; to evaluate the contribution of the dictionary to the formation and preservation of the written tradition of the Kalmyk language, as well as its significance for linguistic source studies. *Materials and methods* the main source was the Kalmyk-Russian Dictionary by V. M. Diligensky. The following methods were used for the research: textual, linguistic and historical-cultural analysis. *Results.* The study showed that the Kalmyk-Russian Dictionary by V. M. Diligensky reflects a significant layer of the vocabulary of the Kalmyk language of the middle of the 19th century. The analysis of the dictionary revealed a wide range of vocabulary related to everyday life, religion and agriculture which reflects the specifics of Kalmyk's life during the period of the active missionary activity. *Conclusion.* The Kalmyk-Russian Dictionary by V. M. Diligensky is not only a lexicographic monument of the 19th century, but also a unique historical source that allows us to reconstruct the Kalmyk society of that time, characterize the processes of linguistic interaction and the dynamics of the development of the Kalmyk language in a multi-ethnic environment, reflected in this lexicographic monument.

Keywords: Kalmyk-Russian dictionary, V. M. Diligensky, historical source, Todo Bichig, missionary activities, language contacts

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 22022700134-6 "The Southeastern Belt of Russia: a Study of the Political and Cultural History of Social Communities and Groups".

For citation: Azvanova N. M. Kalmyk-Russian Dictionary by V. M. Diligensky as a Historical Source. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2025. No. 1. Pp. 8–18. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-8-18

1. Введение

«Калмыцко-русский словарь» В. М. Дилигенского представляет собой уникальный источник, отражающий не только базисную лексику калмыцкого языка, но и культурные, социальные и религиозные аспекты жизни калмыков в XIX в. В контексте стремительной христианизации калмыцкого народа, осуществляемой Русской православной церковью и миссионерами, данный словарь стал важным инструментом для передачи христианских и буддийских учений и адаптации их к особенностям каждой из двух культур.

Лексикографические труды, созданные миссионерами, в том числе В. М. Дилигенским, отражают не только состояние языка калмыков, но и особенности межэтнических контактов, религиозной политики и образовательных инициатив того времени. Значение лексических материалов словарей отметили исследователи, уточнив, что это «ценный материал для современной калмыцкой лексикологии. Фактически они заложили многие ключевые направления исследований в этой области, актуальные и по сей день. С другой стороны, это важнейшие письменные памятники в истории культуры калмыков» [Баянова, Куканова 2016: 101–102]. Но при этом следует вывод, что «ранние калмыцкие словари не отличались лексическим разнообразием, не отражали полностью актуальную лексику и содержали главным образом небольшую часть словарного запаса» [Баянова, Куканова 2016: 100].

Словарь В. М. Дилигенского, являясь ценным свидетельством взаимодействия двух культур, позволяет отчасти реконструировать языковые связи между калмыцким и русским народами, а также процессы ассимиляции и культурного обмена, происходившие в период активной миссионерской деятельности.

«Калмыцко-русский словарь» В. М. Дилигенского стал объектом исследования преимущественно лингвистов и филологов¹ и практически не привлекался учеными-историками в качестве источника. Филологи, анализируя словарный материал, рассмотрели структуру словарной статьи, лексико-тематическое разнообразие, а также описали ряд грамматических особенностей, характерных для калмыцкого языка того периода [Мирзаева, Долеева 2022]. Исследователи подчеркнули важность словаря как лингвистического источника, в котором задокументировано состояние калмыцкого языка середины XVIII в.

В научной литературе В. М. Дилигенский упоминается в основном как составитель букваря калмыцкой грамматики (1849 г.) и в связи с его просветительской и миссионерской деятельностью [Дорджиева 1995; Колесова 2000; Орлова 2006; Алексеева 2010; Баянова 2012; Баянова, Сибгатулина 2020]. О незаменимости родного языка при обучении и воспитании

¹ Так, например, С. В. Мирзаевой и А. О. Долеевой в 2022 г. были описаны предварительные результаты, полученные в ходе анализа двуязычных словарей на базе лингвистической платформы LingvoDoc [Мирзаева, Долеева 2022: 1159]. Материалом исследования послужили пять словарей старокалмыцкого языка, в их числе был калмыцко-русский словарь В. М. Дилигенского.

детей писал В. М. Дилигенский еще за несколько десятилетий до появления метода Н. И. Ильминского, автора концепции системного решения проблем миссионерского просвещения инородцев России, что отмечал А. Б. Панькин [Панькин 1997: 40, 42; Панькин 2001: 111–112].

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью подобных источников, несмотря на более чем 150-летнюю историю изучения письменных источников на ойратской письменности «тодо бичиг» («ясном письме»). Между тем именно двуязычные словари, созданные православными миссионерами, служат уникальной базой для реконструкции этнокультурных процессов, анализа влияния русской культуры на калмыцкое общество.

Цель исследования — комплексный анализ «Калмыцко-русского словаря» В. М. Дилигенского как исторического источника, отражающего особенности развития культуры и межэтнических контактов в XIX в.

2. Материалы и методы

В настоящем исследовании основным источником послужил «Калмыцко-русский словарь» В. М. Дилигенского (1852). Вся библиотека Казанской духовной академии была передана в ведение Центрального архива Татарской АССР. Данные архивные документы и рукописи, представляющие собой богатую коллекцию об истории самой Казанской духовной академии и об истории и культуре восточных народов, которые ее преподаватели и студенты изучали на достаточно высоком для того времени научном уровне. Рукописи, переданные на хранение в Центральный архив Татарской АССР, вошли в описи №№ 2, 5, 6, 7 фонда № 10 «Казанская духовная академия». 24 декабря 2021 г. Словарь калмыцко-русский В. М. Дилигенского был включен в Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации под регистрационным номером 850¹. Большое сожаление вызывает тот факт, что этот уникальный рукописный словарь так и не был издан.

Для изучения содержания словаря применялись следующие методы: структурный метод, позволивший описать структуру словаря; семантический анализ, в результате которого выявлено лексико-тематическое разнообразие; лингвистический анализ — выявление диалектных черт и заимствований из русского языка; историко-культурный анализ — рассмотрение словаря как источника по истории культуры, религии и образования калмыков. Особое внимание уделялось отражению в словаре реалий калмыцкого быта, религиозных терминов, а также влияния русской культуры и языка.

3. Описание «Калмыцко-русского словаря» В. М. Дилигенского

В Государственном архиве Республики Татарстан в фонде под № 10 «Казанская духовная академия, г. Казань», в деле под № 20 описи 7

¹ Словарь калмыцко-русский В.М. Дилигенского [электронный ресурс] // URL: <https://unikdoc.rusarchives.ru/850-slovar-kalmycko-ruskiy-diligenского> (дата обращения: 15.05.2025).

хранится рукопись «Калмыцко-русского словаря» В. М. Дилигенского. Василий Матвеевич Дилигенский не является ни выпускником, ни преподавателем Казанской духовной академии. Он родом из Пензенской губернии (ныне — Республика Мордовия) и учился в Пензенском духовном училище. Известно, что уже с 1824 г., в возрасте 14–15 лет, Василий Матвеевич Дилигенский вместе с крещеным калмыком Кудрявцевым¹ принимает активное участие в обращении калмыков в христианство [Бурякова 2024: 16].

На листах 1 и 174 рукописи стоят штампы библиотеки Казанской духовной академии и на титульном листе штамп с № Инв. 113 и № Хр. Кат. 158 Б. К. Д. А., что позволяет понять, что данная рукопись хранилась в указанной выше библиотеке. Рукопись была отправлена В. М. Дилигенским в Казань с целью издания книги. Во второй половине XIX в. Казань была одним из крупных центров российского книгопечатания. Ведущее место среди печатных заведений занимала типография Казанского университета, поскольку данная типография располагала шрифтами на языках нерусских народов [Матвеева 2017: 422]. Активным издателем и заказчиком типографии Казанского университета выступала Казанская духовная академия, по заказам которой печатались труды ее преподавателей и студентов. Обращение академии к услугам типографии университета было вовсе не случайным, поскольку печать для нее производилась здесь на льготных условиях [Габдельганеева 1994: 9].

Год создания словаря 1852 г. Обнаруженный в коллекции Государственного архива Республики Татарстан рукописный калмыцко-русский словарь, составленный протоиереем Василием Матвеевичем Дилигенским, до некоторого времени считался утерянным [Туранская и др. 2018: 35]. Рукопись оформлена черными чернилами, имеется множество пометок (простым карандашом, либо карандашами красного и синего цветов) галочками и крестиками, есть несколько дополнений простым карандашом, сделанные другим почерком в местах, где было пропущено значение слов. Объем рукописи 350 страниц или 174 листа, бумага имеет следующие размеры 35 x 22,5 см. Слова, а также словосочетания на «ясном письме» («тодо бичиг») расположены в три столбца, всего приблизительно насчитывается более 12 500 слов, т. е. словарь является одним из самых больших по объему среди известных калмыцко-русских словарей, созданных миссионерами.

4. Вклад В. М. Дилигенского в формирование коллекции калмыцких рукописей Казанской духовной академии

В. М. Дилигенский не только создавал учебные материалы, но и собрал большую коллекцию калмыцких рукописей в ходе активной миссионерской деятельности. К. В. Орлова в своей монографии «История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в.» отмечает, что В. М. Дилигенский подарил библиотеке Казанской духовной академии буддийские

¹ Инициалы не установлены.

рукописи: «Йиртинцуйин толи» («Зеркало мира»), «Ойуни зула» («Лампада разума»), «Ариун идэн хани кювюн тоуджи кемекю мактал», отрывок из «Дорджи джодба» («Алмазной сутры») [Орлова 2006: 180]. Об этом же сообщает П. Э. Алексеева в своей статье «Давние корни двуязычия», опубликованной в сборнике «О людях и времени», и добавляет, что «Казанская духовная академия оказывала внимание Дилигенскому, проявлявшему интерес к изучению калмыцкого языка» [Алексеева 2010: 106]. Далее, ссылаясь на архимандрита Гурия [Гурий 1915: 451–453], К. В. Орлова уточняет, «что за все это в 1843 г. Дилигенский был удостоен звания члена-корреспондента конференции Казанской духовной академии», а «Астраханская консистория посоветовала ему продолжать занятия переводами, изыскивать и приобретать памятники калмыцкой литературы и посылать их в КДА» [Орлова 2006: 180].

В Государственном архиве Республики Татарстан сохранились сведения о присылке калмыцких рукописей членом-корреспондентом конференции, священником походно-улусной церкви Астраханской епархии Василием Дилигенским для Академической библиотеки. Так, в деле 1852 г. хранится следующий документ, написанный В. М. Дилигенским: «Имею честь представить при сем в Конференцию четыре калмыцких рукописи, собранных мною в разных хурулах, чрез посредство знакомых Гелюнгов; из них первая, под названием Эрденийн Санк — драгоценное сокровище; вторая, Йеке кюльген — великое средство ко спасению; третья Шагжин Ламайн санал — размышление ламы, и четвертая Сакуусун — хранитель от ересей и расколов. При сем нужным считаю присовокупить, что бумаги, следующие ко мне из Конференции, нужно адресовать в Мало-дербетевское улусное правление чрез Царицын. Священник Василий Дилигенский» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5997. Л. 1–2]. В этом же деле имеется другой документ, где В. М. Дилигенский описывает еще одну рукопись, «испрошенную мною у знакомого зайсанга и своеручно списанную. Рукопись эта особенно имеет то достоинство, что писана собственно наречием калмыцким, — наречием, почти разговорным, но довольно облагороженным; между тем, очень замечательна и по своему содержанию: в ней описаны бедствия, встретившие калмыков на берегах Волги, вскоре по переселению их, а также и первоначальное устройство между ими чиноначалия» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5997. Л. 4].

5. Место составления словаря В. М. Дилигенским

Как упомянуто выше, словарь состоит почти из 12 тысяч слов, и только пять из них топонимы, в т. ч. город Царицын (ныне — г. Волгоград), река Волга и название волжского острова, лежащего ниже Царицына, близ Сарепты по горной стороне Волги. Это, безусловно, наводит на мысль, что словарь составлен именно в Царицыне. Дает основание так думать и тот факт, что В. М. Дилигенский состоял учителем в училище, основанном в 1838 г. для новокрещенных калмыков в г. Царицыне [Бурякова 2024: 17], хотя он был определен на почетническое место к Успенскому собору г.

Царицына уже в 1826 г. [Бурякова 2024: 16]. В. М. Дилигенский был учителем в течение 11 лет [Бурякова 2024: 19].

В пользу того, что В. М. Дилигенский проводил работу по составлению словаря именно в окрестностях Царицына, свидетельствует анализ лексики с точки зрения диалектной принадлежности. В современном калмыцком языке существует три основных диалекта [Убушаев 2006: 5], причем бузавский говор включает особенности как торгутского, так и дербетского диалектов [Убушаев 2006: 15], так как исторически донские калмыки были сформированы из разных хотонов торгутов и дербетов [Убушаев 2006: 207].

В словаре В. М. Дилигенского представлена лексика, которая в настоящее время идентифицируется как слова дербетского говора (например: *арһмж* 'веревка', *бичиг* 'письмо'; *бурчг* 'дробь', *илдн* 'лишай', *кирү* 'иной', *меклх* 'обмануть', *зан* 'слон', *живр* 'крылья', *тулкур* 'ключ', *тайыг* 'трость', *хавсн* 'ребра', *шор* 'шпага, штык', *хамаран* 'куда', *хагсу* 'сухой', *өөмх* 'плавать' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 5, 43об., 47, 12об., 65, 92, 130об., 134об., 115, 102об., 52, 159, 54, 72, 14об.; Бардаев 1985: 102–104] и др.). Встречаются и слова, ставшие характерными для торгутского говора (*бурцг* 'горох', *серэ* 'острога', *шат* 'лестница' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 47, 159об., 168; Бардаев 1985: 102–103] и др.).

Соседство калмыков с немецкой колонией Сарепта, основанной в 1765 г. на берегу р. Сарпа, к югу от г. Царицына и ставшей в настоящее время частью г. Волгограда, оказало значительное влияние на хозяйственный уклад жизни калмыков, которые проживали в окрестностях Сарепты. Как известно, Сарепта стала важным торговым и культурным центром, что способствовало обмену не только товарами, но и идеями, языком и культурными практиками [Вашкау 2002: 12; Алексеева, Музраева 2006: 117]. Поселенцы, освобожденные от службы и налогов, имеющие разные льготы и землю, поставили каменную церковь, аптеку, организовали рынок, открыли свечную, табачную фабрику, мыловарню, винокуренный завод и первый в России горчично-маслобойный завод, разбивали сады и виноградники [Курышев 2016: 48]. В результате взаимодействия калмыков с немецкими поселенцами в языке могли появиться заимствованные понятия, связанные с сельским хозяйством и ремеслами. Например, присутствие в словаре таких терминов, как *üdürme* 'гумно', *buxar taralang* 'оставленная пашня', *anĭisun* 'плуг', *хауалуксан үазар* 'вспаханная земля', *buxolalaxu* 'сваливать сено в стога или копны', *üzümčĭ* 'виноградарь' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 29, 45об., 1об., 53, 45об., 29об.], могли быть результатом этого взаимодействия.

В словаре представлено большое количество рыболовных терминов. Состав рыболовецкой терминологической лексики включает названия промысловых рыб, рыболовных снастей, орудий лова, которые используют для рыболовного промысла. Например: *хахoulidaxu* 'удить, ловить рыбу', *küügidekü* 'ловить рыбу на удочку или багром', *tour gülme* 'рыболовная сеть', *güröčĭ* 'рыбак', *xarsun* 'чешуя рыб', *хауадусутай заҕасун* 'костля-

вая рыба', *keltegei zaγasun* 'карась', *ǰirmaγai* 'мелюзга, икра рыбы', *γoxo-bēr tataxu* 'тянуть на уде или крюком' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 53, 53, 89об., 89, 50об., 53, 62об., 135об., 86об.], что свидетельствует, на наш взгляд, о том, что данная группа лексики стала входить в состав базисной лексики, другими словами, стала отражать повседневные занятия калмыков, проживавших вблизи р. Волги и р. Сарепты. В XVII в. неуклонно сокращались кочевья [Батмаев 2024: 1534], что приводило к тому, что калмыки стали переходить к другим хозяйственным занятиям, в том числе к рыболовству. Для калмыков стала хорошо знакомой постоянная работа на рыболовных учугах, ватагах и станах [Батмаев 2024: 1534].

Таким образом, процесс аккультурации, в ходе которого одна культура усваивает элементы другой культуры, привел к переходу ряда слов из пассивного запаса в активный (т. е. базисный) в ответ на изменения в калмыцком обществе.

6. Отражение традиционной жизни калмыков через призму лексического состава словаря

В Словаре В. М. Дилигенского получает отражение общего уклада жизни калмыцкого народа, некоторые обычаи и нравы, присущие калмыкам в целом, определенной социальной группе и т. п., другими словами, повседневная жизнь народа. Словарь является ценным источником для этнографических исследований. Словарь включает не только языковые элементы, но и культурные аспекты, такие как традиции, обычаи и мировосприятие калмыков, что делает его важным ресурсом для изучения этнографии и социологии калмыцкого народа. В словаре широко представлена базисная лексика, употребительная в разговорной речи. Кроме этого, материал, включенный в словарь, содержит термины и понятия того времени, передающие самобытность калмыцкого народа:

1) наименования предметов быта, орудий и одежды калмыков, например: *ousur* 'широкая лента, пояс около кибитки'; *arγasun* 'сухой навоз для потопки'; *enige* 'верхняя часть дверей или окон'; *iligür* 'лопаточка у каменщиков'; *ixumī* 'орудия для выдолбливания, круглое долото'; *nömörkei* 'плащ от дождя, накинутый сверху одежды'; *baqlaγa* 'куча сложенных снопов'; *xot* 'хомут, ковер, подкладываемый под ношу верблюда' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 15об., 5об., 7, 12об., 19об., 37, 38об., 68] и т. д.

2) наименования религиозных понятий, в том числе философские, например: *orkimǰi* 'красная перевязь через плечо гелюнгов'; *ōdō bolxu* 'приход, явление или шествие знатных или божественных особ'; *ölzöyitei ödör* 'пятнадцатый день или полнолуние, так называемого белого месяца'; *nomiyin beye* 'третья природа Божества или Бурхана, природа совершенного отвлечения'; *burxan* 'Бурган, название божества и буддистов'; *bömörceq* 'шарообразный, неправильный шар, шарики на четках'; *asuri* 'род могущественных злых духов, обитающих в преисподней, с добрыми духами на земле'; *uduγan* 'шаманка, волшебница'; *ada* 'злое существо, производящее сумасшествие и бешенство, фурия' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 17, 23, 25, 35об., 47, 48об., 6об., 21об., 5] и т. д.

3) наименования, связанные с луком, например: *eliken* 'внутренняя сторона лука'; *numuni bariul* 'средняя часть лука, где его придерживают рукой'; *erkebči* 'роговое кольцо на большом пальце, для защиты его при натягивании лука'; *numu tamšalyaxu* 'спустить тетиву натянутого лука'; *erekebčileku* 'схватить стрелу большим пальцем при натягивании лука'; *numuni tebke* 'костяные наставки на конце лука' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 9, 36, 9об., 36, 9об., 36]; и мн. др.

В словаре приводятся буддийские термины. Возможно, что калмыцко-русский словарь В. М. Дилигенского создавался с учетом интересов русских миссионеров, поскольку словарь не просто содержит буддийские термины, а в нем даются их достаточно адекватное на тот период толкование, которое было необходимо для понимания религиозных и культурных аспектов жизни калмыков, чтобы более эффективно взаимодействовать с ними.

Словарь помогает понять социальные изменения в жизни калмыков в XIX в. Лексика, представленная в словаре, включает слова, связанные с новыми социальными структурами, образованием и экономикой, что отражает изменения в жизни калмыцкого народа под влиянием русской администрации и культурных изменений. Например: *axalāči* 'старшина' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 2об.] — заимствование из русского значения, обозначающее новую выборную или назначаемую должность в системе управления; *zaγāldulyan* 'судебная жалоба' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 131об.] — появление понятия государственного, а не только традиционного родового суда; *alban* 'налог' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 3об.] — фиксирует переход от традиционной, основанной на родоплеменных отношениях системы обязанностей, к регулярному государственному налогообложению; *xudaldayin yazar* 'рынок, базар, ярмарка' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 74] — заимствование, связанное с регулярной оседлой торговлей; *tönggün* 'деньги, серебро' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 95об.] — распространение денежного обращения, в отличие от обмена; *suudiq* 'стул' [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20. Л. 154об.].

7. Казанская духовная академия как центр рецензирования

Материал словаря В. М. Дилигенского, как и ряд других аналогичных рукописных лексикографических трудов второй половины XIX в., свидетельствует о сложившейся системе научно-административной экспертизы подобных сочинений, одним из центров которой выступала Казанская духовная академия. Данное учреждение, обладавшее авторитетным миссионерским отделением и кафедрами языков иноверцев, в том числе и калмыцкого, стало ключевым интеллектуальным центром по изучению и оценке знаний о народах Поволжья, Урала и Сибири. Рукописи словарей, составляемые учителями и самими миссионерами, направлялись в Казанскую академию, где работал переводческий комитет (комиссия), возглавляемый Н. И. Ильминским [Гималиев 2016: 53], что было частью общей практики конфессионально-ориентированного востоковедения. Казанская духовная академия выполняла функцию лингвистического экспер-

та, чье заключение о полноте, точности и «правильности» переводческого труда могло влиять на решение о его публикации или использовании в учебных целях.

Кроме того, как утверждает Ю. Н. Халиуллин, «во второй половине XIX в. типография Казанского университета становится самой мощной и уникальной типографией России. В ней имелись шрифты практически всех языков мира. Имелись кегли японских и китайских иероглифов, санскритского, армянского, монгольского и уйгурского языков» [[Халиуллин 2014](#)].

8. Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что рукописный «Калмыцко-русский словарь» В. М. Дилигенского представляет собой уникальный и многоаспектный исторический источник, значение которого выходит далеко за рамки сугубо лингвистического справочника. Его анализ демонстрирует, что лексикографический памятник является своего рода «лингвистической картой» социальных трансформаций, прошедших калмыцким обществом в XIX в. в процессе интеграции в административную, экономическую и культурную систему Российской империи. Важно подчеркнуть, что словарь был создан в конкретном и значимом социокультурном контексте, в г. Царицыне, где более десяти лет В. М. Дилигенский состоял учителем для новокрещенных калмыков. Это обстоятельство напрямую связывает цель создания словаря с практическими задачами христианского просвещения и адаптации калмыков к новой социальной реальности.

Словарь фиксирует не статичное состояние «традиционного» языка, а динамичный процесс его адаптации к новым реалиям. Выявленные слои лексики — от заимствованных административных терминов и экономических понятий до новых образовательных и бытовых — служат прямыми лингвистическими свидетельствами системных социальных и культурных изменений. Эти неологизмы и семантические сдвиги в исконных словах отражают становление новой социальной иерархии, внедрение оседлых форм хозяйства, развитие светского образования и трансформацию материальной культуры.

Источники

ГА РТ — Государственный архив Республики Татарстан.

Литература

- Алексеева 2010 — Алексеева П. Э. О людях и времени: сборник статей. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 176 с.
- Алексеева, Музраева 2006 — Алексеева П. Э., Музраева Д. Н. Я. И. Шмидт и калмыки: взаимообогащение двух культур (по материалам переписки 1800–1810 гг.) // Сарепта: историко-этнографический вестник: 240-летию основания колонии Сарепта на Волге посвящается. Вып. 1. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2006. С. 104–122.
- Бардаев 1985 — Бардаев Э. Ч. Современный калмыцкий язык / Лексикология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 153 с.

- Батмаев 2024 — *Батмаев М. М.* Влияние русской бытовой и экономической культуры на калмыцкое общество в XVIII веке: рыболовство и отходничество // Былые годы. 2024. № 19 (4). С. 1533–1541.
- Баянова 2012 — *Баянова А. Т.* Первые калмыцкие буквари как источники духовной культуры калмыков // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 3 (15). С. 50–55.
- Баянова, Куканова 2016 — *Баянова А. Т., Куканова В. В.* Ранние словари: история книги и книга в истории (на примере рукописных словарей калмыцкого языка) // Полевые исследования. 2016. № 3. С. 92–103.
- Баянова, Сибгатуллина 2020 — *Баянова А. Т., Сибгатуллина Р. Р.* Материалы о калмыках из фонда 10 «Казанская духовная академия» в Государственном архиве Республики Татарстан // Монголоведение. 2020. № 1. С. 90–104. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-1-90-104
- Бурякова 2024 — *Бурякова Е. А.* Создатель калмыцкого букваря — священник Василий Дилигенский // Пензенские епархиальные ведомости. 2024. № 2 (1572). С. 13–26.
- Вашкау 2002 — *Вашкау Н. Э.* Сарепта в истории Нижнего Поволжья // Сарепта и народы Поволжья в истории и культуре России: сб. науч. ст. по материалам науч. конф. (г. Волгоград, 2001 г.) Волгоград: Фирма Л.Б.Ф., 2002. С. 5–19.
- Габдельганеева 1994 — *Габдельганеева Г. Г.* Книгоиздательская и типографская деятельность Казанского университета второй половины XIX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1994. 20 с.
- Гималиев 2016 — *Гималиев В. Г.* О первых переводах на чувашский язык // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2016. № 2. С. 52–57.
- Гурий 1915 — *Гурий (Степанов).* Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Т. 1. Кн. 2. Казань: [б. и.], 1915. 700 с.
- Дорджиева 1995 — *Дорджиева Г. Ш.* Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII — начало XX вв.). Элиста: Джангар, 1995. 126 с.
- Колесова 2000 — *Колесова Е. В.* Востоковедение в синодальных учебных заведениях Казани (середина XIX – начало XX веков): дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2000. 206 с.
- Курышев 2016 — *Курышев А. В.* Эволюция общинного уклада колонии Сарепта на протяжении XIX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 3. С. 43–53.
- Матвеева 2017 — *Матвеева Г. В.* Миссионерская книга в печатной продукции типографии Казанского университета второй половины XIX века // Искусство и художественное образование в контексте межкультурного взаимодействия. Мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Казань, 20 октября 2017 г.). Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2017. С. 421–426.
- Мирзаева, Долеева 2022 — *Мирзаева С. В., Долеева А. О.* Обработка словарей старокалмыцкого языка на платформе Lingvodoc: предварительные результаты // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 5. С. 1159–1172. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1159-1172
- Орлова 2006 — *Орлова К. В.* История христианизации калмыков: середина XVII — нач. XX в. М.: Вост. лит., 2006. 207 с.
- Панькин 1997 — *Панькин А. Б.* Образование для калмыков (истоки, реалии, перспективы) / под ред. В. В. Серикова. Элиста: Джангар, 1997. 224 с.
- Панькин 2001 — *Панькин А. Б.* Этнокультурный парадокс современного образования. Волгоград: Перемена, 2001. 446 с.
- Туранская и др. 2018 — *Туранская А. А., Яхонтова Н. С., Носов Д. А.* Краткий каталог рукописей и ксилографов в Государственном архиве Республики Татарстан (тибетские, монгольские, ойратские тексты) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2018. № 1. С. 32–56.
- Убушаев 2006 — *Убушаев Н. Н.* Диалектная система калмыцкого языка. Элиста, Джангар, 2006. 256 с.
- Халиуллин 2014 — *Халиуллин Ю. Н.* Наследники восточной латыни // Независимая газета. 2014. №217 (6265).

УДК / UDC 94(57), 091.3, 930.255

«Тангутское» собрание из Павловского дворца в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: история поступления и краткое описание¹

Анна Александровна Туранская¹

The Tangut Collection from the Pavlovsk Palace in the Manuscript Department of the Russian National Library: History of Acquisition and Brief Description

Anna A. Turanskaya¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН (32, Нахимовский пр-т, 117997 Москва, Российская Федерация) ¹ Institute of China and Contemporary Asia of the RAS (32, Nakhimovsky Ave., 117997 Moscow, Russian Federation)

кандидат филологических наук, Cand. Sc. (Philology), Research Associate
научный сотрудник

 0000-0003-4293-5771. E-mail: turanskaya[at]mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории происхождения и идентификации тринадцати тибетских рукописей, поступивших в Рукописный отдел Российской национальной библиотеки из Павловского дворца в 1929 г. Первоначально обозначенные как тангутские, они были выделены в отдельный фонд и оставались неидентифицированными до 1988 г., после чего были присоединены к основной коллекции тибетских рукописей и ксилографов (Тиб. НС) Российской национальной библиотеки. В собрание Павловского дворца материалы поступили до 1828 г. На это указывает краткое описание всех единиц хранения, составленное известным историком, лингвистом и археографом Фридрихом (Федор Павлович) фон Аделунгом (1768–1843). Текстологический и археографический анализ рукописей выявил, что двенадцать единиц хранения имеют калмыцкое происхождение. Хотя установить точное происхождение этих немногочисленных материалов не представляется возможным, они, как и другие подобные артефакты, представ-

ляют значительный интерес для изучения локальной ойратско-калмыцкой традиции создания тибетоязычных рукописей. Представленные в статье материалы имеют важное значение для изучения истории формирования востоковедных коллекций в России, а также проливают свет на ранние этапы каталогизации тибетографичных рукописей в отечественной научной практике.

Ключевые слова: рукописное наследие, калмыцкая письменная традиция, тибетские рукописи, Российская национальная библиотека, Павловский дворец

Для цитирования: Туранская А. А. «Тангутское» собрание из Павловского дворца в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: история поступления и краткое описание // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 1. С. 19–31. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-19-31

Abstract. The article deals with the provenance and identification of thirteen Tibetan manuscripts that were transferred to the Manuscript Department of the Russian National Library (RNL) from the Pavlovsk Palace in 1929. Initially labeled as Tangut, these manuscripts were placed in a separate collection and remained unidentified until 1988, when they were incorporated into the main collection of Tibetan manuscripts and xylographs (Tib. NS) of the Russian National Library. The materials entered the Pavlovsk Palace collection prior to 1828, as evidenced by a brief description of all items compiled by the renowned historian, linguist, and archaeographer Friedrich (Fyodor Pavlovich) von Adelung (1768–1843). Textological and archaeographic analysis of the manuscripts has revealed that twelve of the thirteen items are of Kalmyk origin. Although it is not possible to determine the precise provenance of these materials, they, like other similar artifacts, are of significant value for the study of the local Kalmyk-Oirat tradition of producing Tibetan-language manuscripts. The materials presented in the article are of particular importance for understanding the history of the formation of Oriental manuscript collections in Russia and shed light on the early stages of cataloguing manuscripts in Tibetan language in Russian scholarly practice.

Keywords: manuscript culture, Kalmyk literature tradition, Tibetan manuscripts, National Library of Russia, Pavlovsk Palace

For citation: Turanskaya A. A. The Tangut Collection from the Pavlovsk Palace in the Manuscript Department of the Russian National Library: History of Acquisition and Brief Description. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025. No. 1. Pp. 19–31. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-19-31

1. Введение

В ходе каталогизации тибетских рукописей и ксилографов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (далее — РНБ) среди прочих тибетографичных материалов было выявлено 13 ед. хр., поступивших в библиотеку из Павловского дворца. В Отчете Библиотеки о поступлениях представлена следующая информация: «Из дальневосточных рукописей за отчетный период поступили: ... переданное в 1929 году из Павловского дворца-музея небольшое собрание из тринадцати рукописей, написанных, согласно приложенной записке Ф. П. Аделунга, на тангутском языке и содержащих буддийские молитвы и сочинения религиозного и астрологического содержания. Одна из этих рукописей написана

твореным серебром на черной бумаге, остальные — китайской тушью и кинovarью на обычной бумаге» [Краткий отчет Рукописного отдела за 1914–1938 гг.: 260].

Поскольку поступили эти материалы с пометкой «на тангутском языке», а специалиста на тот момент в библиотеке не было, то они были выделены в отдельный фонд «Тангутское собрание Новая Серия¹. Ф. 929», где и хранились до 1988 г., когда были идентифицированы как тибетские известным российским тангутоведом К. Б. Кеппинг (1937–2002) и присоединены к фонду «Тибетские рукописи и ксилографы. Новая серия. Ф. 930» (далее — Тиб. НС) под шифрами Тиб. НС 105–117.

2. История приобретения материалов

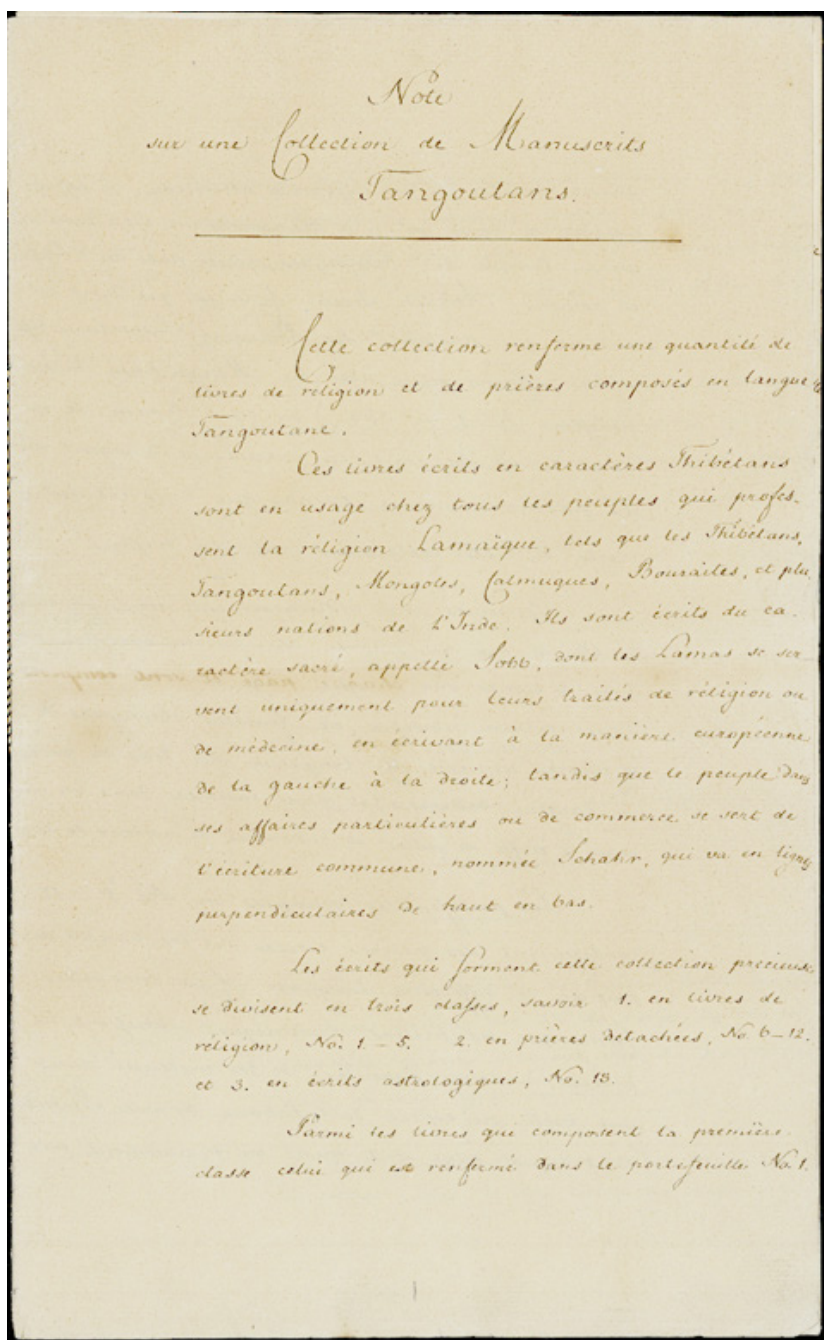
Упомянутые единицы хранения поступили из так называемой библиотеки Росси², созданной в Павловском дворце по проекту архитектора К. И. Росси (1775–1849) в 1822–1824 гг. Основу этого книжного собрания составили 33 тома из «Дорожной библиотеки» Екатерины II (1729–1796), переданные в дар великому князю Павлу Петровичу (1754–1801). Пополнение коллекции продолжалось до 1828 г. и осуществлялось при активном участии вдовствующей императрицы Марии Федоровны (1759–1828), а также ее библиотекарей, среди которых были наставник великих князей Николая и Михаила — Ф. П. Аделунг и преподаватель истории и статистики великих княжон — А. К. (Г. Ф.) Шторх (1766–1835). После 1830 г. поступления практически прекратились, за исключением многотомных и периодических изданий, заказанных еще при жизни императрицы.

Поскольку вместе с тибетографичными материалами хранится описание известного лингвиста и востоковеда Ф. П. Аделунга³ (см. факс. 1), то

¹ Все рукописи, поступившие в Императорскую публичную библиотеку (далее — ИПБ) после публикации каталога восточных рукописей и ксилографов Б. Дорном в 1852 г. (так называемое «Основное собрание») [Dorn 1852], традиционно систематизировались в «Новые серии» (далее — НС).

² Подробнее см. [Архангельская 1936: 49–50; Несин 1996: 102–103].

³ Ф. П. Аделунг родился в Пруссии, в г. Штеттине (совр. Щецин), в семье старшего аптекаря военно-полевой службы. Получив начальное образование в штеттинской общественной школе, в 1870 г. он переехал в Лейпциг к своему дяде, известному лингвисту и филологу И. К. Аделунгу (1736–1806); см. о нем [Basler 1953]. По окончании Лейпцигского университета Ф. П. Аделунг служил в Митаве (ныне Елгава, Латвия) секретарем в Приказе общественного призрения в 1795–1797 гг., а в 1800 г. приехал в Санкт-Петербург на место цензора при немецком театре и вскоре был назначен его директором. В 1803 г. стал наставником великих князей Николая и Михаила Павловичей. В 1809 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук и почетным членом Харьковского и Дерптского (ныне — Тартуского) университетов. С 1818 г. Аделунг поступил на службу в Министерство иностранных дел чиновником особых поручений, а в 1824 г. был назначен начальником учебного отделения восточных языков (в дальнейшем Институт восточных языков) при Азиатском департаменте. Академическую известность Аделунгу принесла библиография санскритского языка [Adelung 1837]. За работу «Критико-литературное

Факс. 1. Описание «тангутских» рукописей Ф. П. Аделунга [РНБ. Тиб. НС 118]

обозрение путешественников по России до 1700 г. и их сочинения» [Adelung 1846] Академия наук удостоила его полной Демидовской премии (подробнее о нем см.: [Здобнов 1951; Кирикова 2018]). Богатая коллекция книг и рукописей, оставшаяся после его смерти, по Высочайшему повелению, была приобретена у наследников для библиотеки Санкт-Петербургского университета

можно предположить, что поступили материалы в библиотеку Павловского дворца до 1828 г., когда умерла Мария Федоровна и Ф. П. Аделунг покинул пост библиотекаря.

3. История поступления материалов в РНБ

В Публичную библиотеку (далее — ПБ) материалы попали в 1929 г., когда осуществлялась грандиозная распродажа музейных собраний, и в рамках реформирования Павловского дворца в музей по решению Наркомпроса около 3 000 ценных изданий были изъяты из библиотеки К. И. Росси и частично переданы в ПБ. Архив библиотеки Павловского дворца, к сожалению, полностью сгорел в 1944 г., что не позволяет установить точное время поступления тибетских рукописей в собрание.

Ниже представлено примечание к собранию тибетских материалов, сделанное Ф. П. Аделунгом:

Note sur une Collection de Manuscrits Tangoutans.	Примечание к коллекции тибетских рукописей.
Cette collection renferme une quantité de livres de religion et de prières composés en langue Tangoutane.	Эта коллекция содержит множество религиозных книг и молитв, составленных на тангутском языке.
Ces livres écrits en caractères Thibétans sont en usage chez tous les peuples qui professent la religion Lamaïque, tels que les Thibétans, Tangoutans, Mongoles, Calmuques, Bouraites, et plusieurs nations de l'Inde. Ils sont écrits du caractère sacré, appelé Sabb, dont les Lamas se servent uniquement pour leurs traités de religion ou de médecine, en écrivant à la manière européenne de la gauche à la droite; tandis que le peuple dans ses affaires particulières ou de commerce se sert de l'écriture commune, nommée Schahr, qui va en lignes perpendiculaires de haut en bas.	Эти книги, написанные тибетскими буквами, используются всеми народами, которые исповедуют ламайскую религию, такими как тибетцы, тангуты ¹ , монголы, калмыки, буряты и некоторые народности Индии. Они написаны священным шрифтом, называемым <i>саб</i> , который ламы используют исключительно для своих религиозных или медицинских трактатов, и пишутся по европейскому образцу — слева направо; в то же время народ в своих частных делах или в торговле использует обычное письмо, называемое <i>шар</i> ² , которое идет вертикальными линиями сверху вниз ³ .
Les écrits qui forment cette collection précieuse se divisent en trois classes, savoir 1. en livres de religion, No. 1–5. 2. en prières détachées, No. 6–12. et 3. en écrits astrologiques, No. 13.	Тексты, составляющие эту ценную коллекцию, делятся на три категории, а именно: 1. религиозные книги, № 1–5, 2. отдельные молитвы, № 6–12, и 3. астрологические труды, № 13.

и ИПБ.

¹ Вероятно, под тангутами Ф. П. Аделунг имел в виду тибетцев из Амдо (регион Восточного Тибета).

² Два базовых типа тибетского письма: устав (тиб. *gzab*) и полуустав (тиб. *gshar*).

³ Не вполне понятное замечание. Возможно, Ф. П. Аделунг имел в виду монгольское вертикальное письмо.

<p>Parmi les livres qui composent la première classe celui qui est renfermé dans le portefeuille No. 1. paroît mériter la plus grande attention. Il est du nombre de ceux qu'on a découverts en 1720 dans un ancien temple des Calmuques, situé près de l'Irtsch et nommé Ablain Kied. Ce n'est que dans cet endroit que suivant Mr. Pallas (Sammlung historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften Vol. 2. p. 369) on en a trouvé de ce genre. Il esrt écrit en caractères d'argent sur du parchemin noir, tandis que tous les autres écrits de cette collection sont sur papier.</p>	<p>Среди книг, составляющих первый класс, наибольшего внимания, по-видимому, заслуживает та, которая содержится в папке № 1. Эта книга — одна из тех, что были обнаружены в 1720 г. в древнем калмыцком храме, расположенном недалеко от Иртыша и носившем название Аблай-хит. Только в этом месте, по словам г-на Палласа [Pallas 1801: 369], были обнаружены [манускрипты] такого рода. Написана она серебряными буквами на черном пергамене, тогда как все остальные тексты в этой коллекции писаны на бумаге¹.</p>
<p>Ces livres sont ordinairement écrits en encre de Chine sur du papier chinois ou européen, ont 5 ou 6 lignes sur chaque page, et sont composés d'un certain nombre de feuilles oblongues de 9 pouces environ de longueur sur trois ou quatre de largeur, détachées, et mises ensemble dans un morceau d'étoffe de coton et entourées de cordons de soie.</p>	<p>Такие книги обыкновенно написаны китайской тушью на китайской или европейской бумаге, имеют по 5 или 6 строк на каждой странице и состоят из некоторого количества продолговатых листов длиной около 9 дюймов и шириной три или четыре дюйма, отдельных, сложенных вместе в отрез хлопчатобумажной ткани и перевязанных шелковыми шнурами.</p>
<p>Les portefeuilles marqués en No. 6–12 contiennent des prières écrites sur des bandes de papier de différente longueur. C'est sous cette forme que le prêtres Lamaïques adressent les prières à leurs divinités, en les mettant dans une boete ou espèce de tambour, appelé Kurudu, dans lequel elles sont mises en mouvement par le Lama moyennant une corde attachée au fuseau autour duquel la machine tourne; ce qui d'après le Lamaïsme suffit pour être portées à la connoissance du dieu auquel ells sont adressées. V. Pallas Sibirische Reisen T. 2.</p>	<p>В папках, отмеченных № 6–12, находятся молитвы, написанные на бумажных полосках разной длины. Именно в такой форме ламайские священники обращают молитвы к своим божествам, помещая их в коробку или своего рода барабан, называемый <i>Хурдэ</i>², в котором они приводятся в движение ламой с помощью веревки, прикрепленной к валу, вокруг которого вращается механизм; этого, согласно ламайскому учению, достаточно для того, чтобы донести [молитвы] до сведения божества, к которому они обращены. См. Палласа «Путешествия по Сибири», т. 2.³</p>

¹ Ф. П. Аделунг ошибочно трактует материал первой рукописи как пергамент. В действительности она также изготовлена из бумаги, только не европейской / российской, а восточной (китайской или тибетской).

² Монг. *kürdün*, тиб. *'khor lo* — молитвенное колесо в буддийском храме.

³ Имеется в виду книга П. С. Палласа «Reise durch verschiedene Provinzen des Rußischen Reichs» («Путешествие по разным провинциям Российского государства») 1773 г.

Les deux cercles renfermés dans le porte-feuille No. 13 sont du genre des combinaisons astrologiques, appelées Rachallien Summun, lesquelles appliquées l'une sur l'autre servent aussi quelquefois d'almanac perpetual.	Два круга в папке № 13 относятся к разряду астрологических комбинаций, называемых <i>Рахулын Сумун</i> ¹ , которые, накладываясь друг на друга, иногда также служат вечным календарем.
Catalogue d'une Collection de Manuscrits Tangoutans.	Каталог коллекции тибетских рукописей.
No. 1. Un livre composé de 61 feuilles détachées de 10 pouces de long sur 3½ de large, en beaux caractères quarrés d'argent sur du parchemin noir, de cinq lignes sur chaque page.	№ 1. Книга, состоящая из 61 отдельного листа длиной 10 дюймов и шириной 3½ дюйма, написанная красивыми квадратными серебряными буквами на черном пергамене, по пять строк на каждой странице.
No. 2. Un livre en 39 feuilles, sur papier européen, en letter noires, de cinq lignes sur chaque page.	№ 2. Книга из 39 листов, на европейской бумаге, черными буквами, по пять строк на каждой странице.
No. 3. Un livre de 22 feuilles sur papier, en caractères noirs et rouges.	№ 3. Книга из 22 листов, черными и красными буквами.
No. 4. Un livre en 18 feuilles sur papier, en lettres noires et rouges.	№ 4. Книга из 18 ² листов, черными и красными буквами.
No. 5. Un livre en 50 feuilles en lettres noires et rouges un peu moins grandes que celles des livres précédents.	№ 5. Книга из 50 листов, написанная черными и красными буквами, немного меньшими по размеру, чем в предыдущих книгах.
No. 6. Quatorze feuilles détachées ou autant de prières, de 20 pouces de long sur 4½ de large, ecrites sur papier en lettres noires sur des lignes jaunes.	№ 6. Четырнадцать отдельных листов или столько же молитв, длиной 20 дюймов и шириной 4½ дюйма, написанных на бумаге черными буквами по желтым линиям.
No. 7. Six feuilles ou prières, comme les précédentes, mais en lettres plus petites, sur un fond jaune.	№ 7. Шесть листов или молитв, как и предыдущие, но меньшими буквами на желтом фоне.
No. 8. Ecrit ou prière composée de huit feuilles collées l'une sur l'autre, de 20 pouces de longueur sur 4½ de largeur chacune; en lettres noires sur des lignes jaunes.	№ 8. Текст или молитва, состоящая из восьми листов, склеенных друг с другом, каждый длиной 20 дюймов и шириной 4½ дюйма; черными буквами по желтым линиям.
No. 9. Dix bandes de papier très étroites, avec une ou deux lignes en letter noires sur un fond jaune.	№ 9. Десять очень узких полосок бумаги с одной или двумя строками черными буквами на желтом фоне.
No. 10. Dix papiers, comme les précédents.	№ 10. Десять [полосок] бумаги, как и предыдущие.

¹ Ф. П. Аделунг воспользовался термином, введенным П. С. Палласом при описании тибетских и монгольских календарей (подробнее см.: [Pallas 1801: 231]).

² У Ф. П. Аделунга указано неправильное количество листов. 3 листа ошибочно посчитаны как часть следующей рукописи (см. ниже).

No. 11. Onze prières, comme les précédentes.	№ 11. Одиннадцать [полосок] бумаги, как и предыдущие.
No. 12. Quinze morceaux de papier très étroits, dont chacun ne contient qu'une seule ligne.	№ 12. Пятнадцать очень узких полосок бумаги, каждый из которых содержит только одну строку.
No. 13. Deux cercles de papier teint en jaune, de 7 pouces de diamètre, divisés en huit parties, dans lesquelles se trouvent des caractères épars.	№ 13. Два бумажных круга, окрашенные в желтый цвет, диаметром 7 дюймов, разделенные на восемь частей, в каждой из которых находятся разрозненные символы.
Frédéric Adelung.	Фредерик Аделунг.

4. Каталог рукописных материалов, поступивших из Павловского дворца

Ниже представлен краткий каталог «тангутского» собрания Павловского дворца:

№ 1. Тиб. НС 105 (см. факс. 1, 2)

Титульный лист: 'Phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa rdo rje gcod pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo bzhugs s.hyo («Сутра Святой Праджняпарамиты, рассекающей ваджру»).

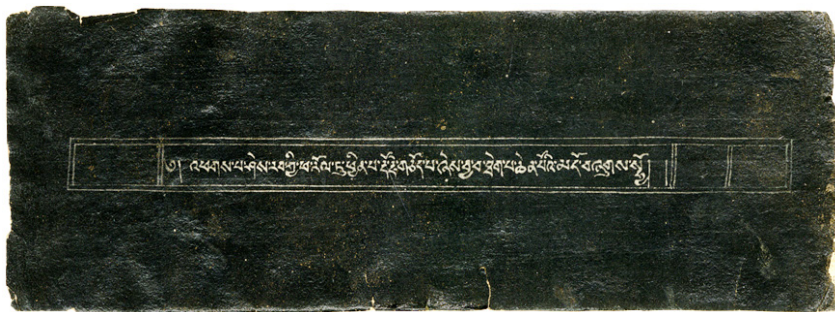
Рукопись, потхи, 61 л., 7,2 × 20,6 см, 5 стк.

Бумага восточная, черного цвета, серебряные чернила, калам.

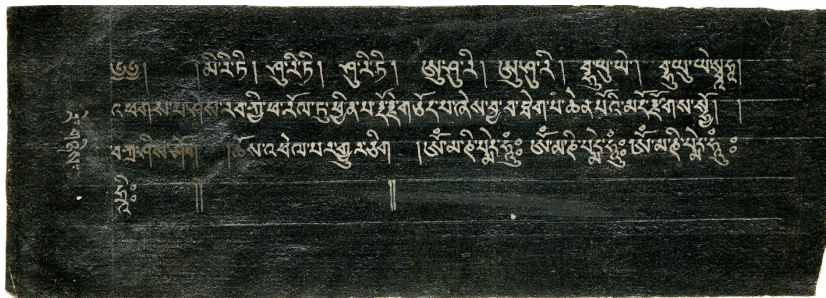
Рукопись неполная (отсутствует л. 2). Фолиация на тибетском (1, 3–62).

№ 2. Тиб. НС 106

Титульный лист: Rdo rje'i pa zhes bya ba'i zhugs s.ho = 'Phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa rdo rje gcod pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo.

Факс. 2.
«Ваджрачч-
хедика су-
тра» [РНБ.
Тиб. НС 105.
Л. 1а]

Факс. 3.
«Ваджрачч-
хедика су-
тра» [РНБ.
Тиб. НС 105.
Л. 62а]

Рукопись, потхи, 39 л., 6,5 × 19,4 см, 5 стк.

Бумага русская с филигранью «Pro Patria», чернила, калам.

Фолиация на тибетском, начиная с титульного листа.

№ 3. Тиб. НС 107

Титульный лист: Rdo rje gcod pa zhugs so = 'Phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa rdo rje gcod pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo.

Фрагмент рукописи, потхи, 22 л., 6,9 × 19,5 см, 5 стк.

Бумага русская, черные, красные чернила, калам.

Фолиация на тибетском (1–22); фолиация на некоторых листах дублируется на ойратском.

№ 4. Тиб. НС 108

Титульный лист отсутствует. = 'Phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa rdo rje gcod pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo.

incip.: / pa la mi sgrag cing mi dngang la kun du dngang bar mi 'gyur de dag ni...

Фрагмент рукописи, потхи, 22 л., 6,9 × 19,8 см, 5 стк.

Бумага русская, черные, красные чернила, калам.

Рукопись неполная (отсутствуют л. 1–11). Фолиация на тибетском (12–43).

№ 5. Тиб. НС 109

Титульный лист: 'Phags pa shes rab kyi pha rol tu phyin pa rdo rje gcod pa zhes {bya} ba bzugs so.

Рукопись, потхи, 47 л., 7 × 19,7 см, 6 стк.

Бумага русская с филигранью «СК», «Pro Patria»¹, черные, красные чернила, калам.

Рукопись неполная (отсутствуют л. 2, 48). Фолиация на тибетском (1, 3–47, 49).

№ 6. Тиб. НС 110

Вложения для молитвенных барабанов с дхарани Гухьясамаджи (тиб. gsang 'dus)², Вайрочана-сарвадургати-паришодха[ны]

(тиб. kun rig sa+rba du+rga ti pa ri shod ha), Ямантаки (тиб. ya mñan ta ka) и дхарани, очищающей все грехи (тиб. nyese pa kun sel sngags)

Рукопись, 14 отдельных листов, 9,8 × 44 см, 4 стк.

Бумага русская, чернила, калам.

Текст на листах выделен светло-желтой краской.

№ 7. Тиб. НС 111

Вложения для молитвенных барабанов с дхарани Белого Махакалы (тиб. mgon dkar), Ямантаки (тиб. ya mñan ta ka), Ушнишавималы (тиб. gtsug tor dri med).

Рукопись, 6 отдельных листов, 9,8 × 44 см, 4 стк.

Бумага русская, чернила, калам.

Текст на листах выделен светло-желтой краской.

№ 8. Тиб. НС 112

Вложения для молитвенных барабанов с дхарани богини Тары.

Рукопись, свиток (из 8 листов), 9,8 × 301 см, 4 стк.

Бумага русская, чернила, калам.

Первые семь листов пронумерованы тибетскими буквами от *ka* до *ja*, последний лист без номера. Текст на листах выделен светло-желтой краской.

¹ Годы применения 1823–1832. См. [Клепиков 1959: № 432].

² Здесь и далее дхарани подписаны в рукописях, тибетские имена приводятся по этим подписям.

№ 9. Тиб. НС 113 (см. факс. 4)

Вложения для молитвенных барабанов с дхарани Ушнишавималы (тиб. gtsug tor dri med) и Вайшраваны (тиб. bai shra ba na).

Рукопись, 10 рулонов, 1–3 × 120–310 см, 1 стк.

Бумага русская, чернила, калам.

Текст выделен светло-желтой краской.

Факс. 4. Вложения для молитвенных барабанов с дхарани Ушнишавималы [РНБ. Тиб. НС 105. Л. 113]

№ 10. Тиб. НС 114

Вложения для молитвенных барабанов с дхарани Ушнишавималы (тиб. gtsug tor dri med) и Вайрочана-сарвадургати-паришодха[ны] (тиб. kun rig sa+rba du+rga ti pa ri shod ha).

Рукопись, 10 рулонов, 1–3 × 115–310 см, 1 стк.

Бумага русская, чернила, калам.

Текст выделен светло-желтой краской.

№ 11. Тиб. НС 115

Вложения для молитвенных барабанов с дхарани Ушнишавималы (тиб. gtsug tor dri med) и Вайшраваны (тиб. bai shra ba na).

Рукопись, 11 рулонов, 1–3 × 112–300 см, 1 стк.

Бумага русская, чернила, калам.

Текст выделен светло-желтой краской.

№ 12. Тиб. НС 116

Вложения для молитвенных барабанов с дхарани Махакалы (тиб. mgon po), Калачакры (тиб. dus 'khor), Вайшраваны (тиб. gnam sras), Лхамо (тиб. lha mo), Ушнишавималы (тиб. gtsug tor dri med), Чакрасамвары (тиб. bde mchod) и дхарани, очищающей все проступки (тиб. nyes pa kun sel sngags)

Рукопись, 15 рулонов, 2,5–6 × 35–44 см, 1 стк.

Бумага русская, чернила, калам.

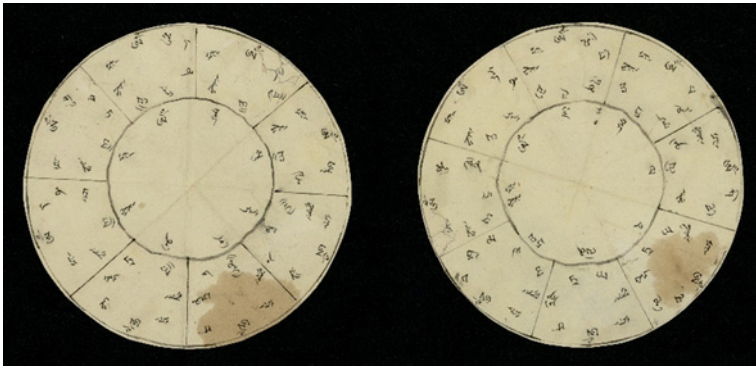
Текст выделен светло-желтой краской.

№ 13. Тиб. НС 117 (см. факс. 5)

Защитные круги с мантрами: в центре вписаны мантры божеств богатства — Васудхары и Джамбхалы.

Рукопись, Ø 15,5 см.

Бумага русская, чернила, калам.

Факс. 5. Защитные круги с мантрами [РНБ. Тиб. НС 105. Л. 117]

5. Описание рукописей и рукописных фрагментов, поступивших из Павловского дворца

Примечание включает довольно пространное описание самих материалов без идентификаций текстов, которые в настоящее время с легкостью осуществимы. Первые пять рукописей (Тиб. НС 105–109) являются списками крайне популярного буддийского сочинения — «Ваджраччхедика сутры» (санскр. *ārya vajracchedikā nāma-prajñāpāramitā mahāyāna sūtra*), краткого изложения буддийского учения Праджняпарамиты. Наибольший интерес из них представляет рукопись Тиб. НС 105, которую, судя по пометкам в Примечании, Ф. Аделунг считает происходящей из ойратского монастыря Аблай-хит¹.

Список состоит из 62 нумерованных листов небольшого формата (7,2 × 20,6 см), изготовлен на плотной многослойной восточной бумаге, выкрашенной черной краской, текст и боковые линии рамки² нанесены серебряной краской. К основному тексту сутры (л. 1b1–61b3) добавлена

¹ В последнее десятилетие появилось большое количество публикаций, посвященных фрагментам буддийских книг из ойратских монастырей Семь Палат (Дархан-цоржи-хит) и Аблай-хит (на территории современного Восточного Казахстана), с которых началось собирание тибетских и монгольских рукописей в Санкт-Петербурге и в Западной Европе. Разрозненные фрагменты хранятся ныне по меньшей мере в тринадцати собраниях России, Франции, Англии, Германии и Швеции. Самая большая часть — в Институте восточных рукописей РАН, наследнике Азиатского Музея (осн. в 1818 г.), в который были переданы все восточные рукописи из библиотеки Академии наук. Некоторое количество листов из Семи Палат и Аблай-хита поступили в нее в 1720-е гг. В 1734 г. участники Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) Герхард Фридрих Миллер (1705–1783) и Иоганн Георг Гмелин (1709–1755) прислали в Санкт-Петербург около полутора тысяч листов из Аблай-хита. Трудно сказать, передавал ли кто-либо в дальнейшем в библиотеку Академии наук еще листы из этих ойратских монастырей. См., например, статьи в специальном выпуске журнала “Revue d’Etudes Tibétaines”, no. 71: Tibet and the Oirats — The Oirat Legacy and the Origins of Tibetology / Ed. by A. Zorin and Ch. Ramble. June 2024.

² Использование вместо рамки двух «палисадников», расположенных по краям листа, гораздо чаще встречается в тибетских и ойратских книгах, нежели в монгольских. Вероятно, эти «палисадники» являются остатками линий, обозначающих пределы текста на свитках и позднее на книгах-«гармониках» [Капа 1972: 124–125].

мантра, в которой, как считается, содержится сущность (*хридая*) «Ваджраччхевики» (л. 61b/3–62a/1), за которой следует колофон (л. 62a/2) и две благопожелательные формулы на тибетском языке, трижды написанная шестисложная мантра Авалокитешвары и слог *hrīḥ* (л. 62a/3–4).

Приведенное Ф. П. Аделунгом суждение П. С. Палласа о том, что тексты на черной бумаге (не пергамене) были обнаружены только в Аблай-хите, не выдерживает критики. Такие книги изготавливали во всех уголках тибетско-монгольского буддийского мира, включая ойратские и, как их разновидность, калмыцкие центры буддизма. Поэтому атрибуция рукописи как аблай-хитской, основанная только на этом аргументе, не заслуживает серьезного внимания.

Текстологический анализ позволил установить, что в рукописи представлен особый вариант тибетского перевода сутры, свойственный западно-монгольским, калмыцким, рукописям XVIII в.¹ Тщательный анализ почерков тибетографичных калмыцких рукописей XVIII в. до сих пор не производился, однако нам представляется, что почерк писца в данной единице хранения похож на эту письменную традицию. Остальные четыре рукописи (Тиб. НС 106–109), имеющие менее «парадное» оформление, также включают калмыцкую версию и текстологически практически не отличаются от Тиб. НС 105.

Семь единиц хранения представляют собой фрагменты свитков–вложений молитвенных барабанов с дхарани различным божествам. Судя по внешнему виду, узкие полоски бумаги с дхарани были вынуты из молитвенных барабанов, дальнейшая судьба которых не известна². К вложениям, традиционно помещаемым в молитвенные барабаны и различные статуи, следует также отнести защитные круги с мантрами, получившие шифр Тиб. НС 117.

Таким образом, все единицы хранения в небольшом собрании из Павловского дворца, за исключением декорированной рукописи на черной бумаге, имеют калмыцкое происхождение, насколько можно судить по бумаге (российского производства), почеркам и оформлению (см. опись ниже).

Несмотря на то, что идентифицировать точное происхождение этих немногочисленных материалов не представляется возможным, они, как и все подобные материальные объекты, имеют значение для изучения локальной ойратско-калмыцкой традиции создания рукописей на тибетском языке.

В самой Калмыкии подавляющее большинство предметов буддийско-

¹ Об особенностях калмыцкой версии «Ваджраччхевики» см. [Zorin 2021: 243–246]. В качестве примера можно упомянуть лишь одну из них. В начале текста, где описываются действия Будды перед началом проповеди, он, согласно двум другим вариантам сутры (каноническому и использованному в сборнике «Сунгдуй»), умывает лицо (*zhal bsil te*), тогда как в рассматриваемом варианте речь идет о стопах (*zhabs bsil te*).

² Возможно, сами барабаны были переданы в другое музейное хранилище Санкт-Петербурга.

го культа, включая книги, были безвозвратно утрачены в период депортации калмыков (Операция «Улусы») в районы Урала, Сибири и Средней Азии в 1943–1944 гг. В различных книжных собраниях России имеются относительно небольшие собрания калмыцких рукописей как на ойратском, так и на тибетском языках.

Источники и литература

- Архангельская 1936 — *Архангельская Н. Э.* Павловск. Художественные сокровища Ленинграда и его окрестностей. Вып. 1. Л.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ ЛО, 1936. 111 с.
- Здобнов 1951 — *Здобнов Н. В.* История русской библиографии до начала XX века. 2-е изд. М.: АН СССР, 1951. 512 с.
- Кара 1972 — *Кара Д.* Книги монгольских кочевников (Семь веков монгольской письменности). М.: Наука, 1972. 195 с.
- Кирикова 2018 — *Кирикова О. А.* Аделунг Федор Павлович, фон // Ученые — фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник: А–В / науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2018. С. 12–13.
- Клепиков 1959 — *Клепиков С. А.* Филигрانی и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М.: Всесоюзная Книжная палата, 1959. 306 с.
- Краткий отчет Рукописного отдела за 1914–1938 гг. — Краткий отчет Рукописного отдела за 1914–1938 гг. со вступительным историческим очерком [Т. К. Ухмыловой «Прошлое и настоящее Рукописного отдела», с. 8–34] / под ред. Т. К. Ухмыловой и В. Г. Геймана. Л.: 2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» Печатный двор» им. А. М. Горького, 1940. 302 с.
- Несин 1996 — *Несин В. Н.* Павловск Императорский и Великокняжеский, 1777–1917. СПб.: Нева, 1996. 288 с.
- РНБ — Российская национальная библиотека.
- Adelung 1837 — *Adelung F.* Bibliotheca sanscrita Literatur der Sanskritsprache. St. Petersburg: Gedruckt bey Karl Kray, 1837. 430 s.
- Adelung 1846 — *Adelung F.* Kritisch-literärische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind. St. Petersburg: Gedruckt bey Karl Kray, 1846. 480 s.
- Basler 1953 — *Basler O.* Adelung Johann Christoph // Historische Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1953. Vol. 1. S. 63–65.
- Dorn 1852 — *Dorn B.* Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St. Pétersbourg. St. Pétersbourg: Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, 1852. 717 p.
- Pallas 1801 — *Pallas P. S.* Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Theil 2. St. Petersburg: Kayserl. Akademie der Wissenschaften, 1801. 438 s.
- Zorin 2021 — *Zorin A.* On the version of Vajracchedikā-prajñāpāramitā-sūtra used in the 18th century Kalmyk scrolls // Revue d'Etudes Tibétaines. 2021. No. 58. Pp. 237–266.

УДК / UDC 82. 091

Поэтика драматургии Р. М. Ханиновой: мифофольклорный аспект

Ирина Николаевна Иванова¹

Poetics of R. M. Khaninova's Dramaturgy: Mythofolkloral Aspect

Irina N. Ivanova¹

¹Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, корп. 20, ул. Пушкина, 355009 Ставрополь, Российская Федерация) ¹ North-Caucasus Federal University (1, bldg. 20, Pushkin St., 355009 Stavropol, Russian Federation)

доктор филологических наук, профессор Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-6423-3829. E-mail: ivanovairinna[at]mail.ru

Аннотация. Цель исследования — анализ художественного воплощения калмыцких легенд, эпоса и малых фольклорных жанров в драматургическом творчестве современного калмыцкого поэта, писателя, ученого-филолога и драматурга Р. М. Ханиновой. *Результаты.* Драматургия Р. М. Ханиновой — практически не исследованная литературоведами область ее художественного творчества, включающего поэзию, прозу, переводы и т. д. Огромное значение калмыцкого эпоса и фольклора в пьесах «Легенда о джангарчи» и «Небожитель и младенец» неоспоримо, однако автор не иллюстрирует легенду и не пересказывает фольклорный текст, а создает на его основе оригинальные произведения, ставшие органической частью художественного мира писателя и включенные в единую систему эстетических «взаимоотношений» с другими произведениями (поэма «Час речи» как прототекст пьесы-притчи «Небожитель и младенец»). Собственный сюжет на основе достаточно скупой фабулы легенд, юмор, живой язык, деликатно осовремененный автором, углубленная по сравнению с первоисточником психология персонажей, стихотворная форма «Небожителя...» или включение поэзии в прозаический текст «Легенды...» — все это делает обе рассматриваемые в статье пьесы интересным и ярким явлением современной отечественной драматургии.

© КалмНЦ РАН (KalmSC RAS), 2025

© Иванова И. Н. (Ivanova I. N.), 2025

Ключевые слова: драма, легенда, «Джангар», калмыцкий фольклор, современная калмыцкая драматургия, Р. М. Ханинова

Для цитирования: Иванова И. Н. Поэтика драматургии Р. М. Ханиновой: мифофольклорный аспект // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 1. С. 32–42. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-32-42

Abstract. The *purpose* of the article is to analyze the artistic embodiment of Kalmyk legends, epics and small folklore genres in the dramatic work of the modern Kalmyk poet, writer, philologist and playwright R. M. Khaninova. The *results* of the study. The dramaturgy of R. M. Khaninova is an area of her artistic work that has been practically unexplored by literary critics, including poetry, prose, translations, etc. The great importance of the Kalmyk epic and folklore in the plays “The Legend of Dzhangarchi” and “The Celestial and the Infant” is undeniable, however, the author does not illustrate the legend or retell the folklore text, but creates original works based on it, which have become an organic part of the writer’s artistic world and are included into a single system of aesthetic “relationships” with other works (poem “The Hour of Speech” as the prototext of the play-parable “The Heavenly Dweller and the Baby”). Their own plot based on a rather stingy plot of legends, humor, lively language, delicately modernized by the author, in—depth psychology of the characters compared to the original source, the poetic form of “The Celestial ...” or the inclusion of poetry in the prose text “Legends ...” — all this makes both plays considered in the article an interesting and vivid phenomenon of modern Russian drama.

Keywords: drama, legend, “Dzhangar”, Kalmyk folklore, modern Kalmyk dramatic art, R. M. Khaninova

For citation: Ivanova I. N. Poetics of R. M. Khaninova’s Dramaturgy: Mythofolkloral Aspect. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025. No. 1. Pp. 32–42. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-32-42

1. Введение

Творчество Р. М. Ханиновой — поэта, писателя, переводчика, преподавателя, литературоведа, доктора филологических наук — становится предметом внимания современных ученых-филологов [Петрова 2002: 108–120; Ничипоров 2004: 79–85; Ничипоров 2016: 305–309; Бурыкин 2005а: 98–113; Бурыкин 2005б: 107–113; Фокин 2005: 179–183; Топалова 2007: 223–227; Топалова 2014; Джушхинова 2008: 183–186; Зумаева 2009: 333–335; Дампилова 2010: 72–78; Куканова 2011: 132–139; Метафоры и метаморфозы 2014; и др.]. В основном объектом исследования является поэзия, реже — художественная проза и мировидение поэта в целом. Драматургия же, представленная двумя пьесами — «Легенда о джангарчи» (2009) и «Небожитель и младенец» (2009), пока еще поводом для литературоведческой рефлексии не становилась.

К рассматриваемым пьесам Р. М. Ханиновой в полной мере можно отнести выводы исследователя пространства новейшей отечественной драматургии Е. А. Шутовой: «Современная российская драма исследует отношение человека и всеобщего, поднимая вечные онтологические вопросы» [Шутова 2023: 140].

Естественно, что обращение к онтологическим вопросам и «всеобщему» часто предполагает ориентацию на фундаментальную этико-эстетическую парадигму, в качестве которой выступают миф, фольклор и эпос. Особенно это касается писателей и драматургов, принадлежащих к этносам, имеющим такую мощную народнопоэтическую традицию, как у калмыков. Надо заметить, что современная русская драматургия, в отличие от прозы, не находится со своей фольклорной основой в таком же интенсивном диалоге, как драматургия народов Кавказа или Калмыкии (достаточно вспомнить, например, пьесу «Бумбин орн» («Страна Бумба») Б. Б. Басангова (1939) [Басангов 1971: 15–80], написанную к пятисотлетию юбилею эпоса «Джангар»). С другой большой датой — 400-летием добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства — связана пьеса Р. М. Ханиновой «Легенда о джангарчи», занявшая второе место в конкурсе пьес, который был посвящен этому событию, и сконцентрировавшая в себе, помимо основного сюжета легенды, немало других сюжетов и мотивов, интересных персонажей, пословиц и поговорок, забавных сценок, представляющих народную культуру калмыков, но написанных на живом современном языке.

2. Материалы и методы

Предметом нашего исследования является художественное воплощение калмыцких легенд, эпоса и малых фольклорных жанров в драматургии Р. М. Ханиновой. Основным применяемый в работе метод, наиболее адекватный предмету, — метод описательной поэтики, отчасти мифопоэтический метод. Автор учитывает работы коллег, пишущих о современной драматургии в целом [Руднев 2018; Шутова 2023; и др.] и о различных аспектах творчества Р. М. Ханиновой: «микром мире калмыцкой поэзии» с «особым художественным кодом» [Бурькин 2005а: 98], «теснейшей связи художнического начала с философским» в традициях буддийского миропонимания [Зумаева 2007: 223], «евразийском менталитете» [Дампилова 2010: 78] и, конечно, этнонациональном компоненте как базовой составляющей художественного мира поэта [Джушхинова 2008; Зумаева 2009]. На наш взгляд, основные черты творческой индивидуальности Р. М. Ханиновой, отмеченные современными исследователями, проявляются в полной мере и в драматургии, обладающей, тем не менее, своими специфическими особенностями.

Материалы для исследования выступают пьесы Р. М. Ханиновой «Легенда о джангарчи» (2009) [Ханинова 2009а: 24–45; Ханинова 2009б: 30–48], «Небожитель и младенец» [Ханинова 2015: 186–199].

3. Результаты и дискуссия

«Традиция — не вещь, которая передается как соль и перец за обеденным столом, она может прорасти в человеке изподволь, как прорастает в нас тень предков, даже если мы не встречались с ними лично» [Руднев 2018: 3]. Именно такую работу с традицией мы видим в «Легенде о джан-

гарчи», не иллюстрирующей основной сюжет рядом более или менее близких к нему картин, но творчески воссоздающей его, развивая, усложняя, психологизируя, делая живым и современным. Сам текст легенды, записанной в начале XIX в., представляет историю достаточно скупую, без подробностей, в присущей этому жанру сдержанной эстетике изложения фактов [Семь звезд 2004: 54–56]. Характерно, что легенда относится ко времени, вполне историческому и относительно недавнему (упоминаются Убаши-хан и Цебек-Дорджи, т. е. речь идет о последней трети XVIII в.), однако хронотоп основанной на легенде пьесы справедливо игнорирует историчность (время действия обозначено как «давние времена», место — «в степи», принципиально безграничной, т. е. это, скорее, время и место мифа — нечто происходит «всегда» и «везде»). Интересно также, что безымянный герой первоисточника и Очир в пьесе — одновременно и «один из многих» певцов, не первый, поскольку «Джангар» к концу исторического времени легенды, разумеется, давно был известен, и в то же время он — первый, принесший эпос из подземного царства на землю. Это странно для легенды, но в логике мифа (подлинно «давних времен») и эпоса — вполне нормально, и именно эту логику принимает и пьеса как художественное произведение.

Более того, легенда становится неотчуждаемой от творческой практики настоящих джангарчи. Так, Б. Н. Путилов приводит утверждение известного Мукебюна Басангова (1878 г. р.) о том, что его в детстве «поборола» оспа, и он попал в страну смерти, где «Эрлик-хан отпустил его, дав в награду, по его же просьбе, искусство джангарчи» [Путилов 1997: 45]. Другими словами, легенда рассказана как нечто произошедшее с Мукубеном Басанговым лично, как если бы он и был тем первым певцом из легенды. Это еще раз подтверждает мифологичность времени легенды, циклического, а не линейного: ведь именно в мифе событие случается не однократно, как в обычном времени, а происходит «всегда».

Эпический дар получен Очиром от самого Эрлика-хана, для встречи с которым герою приходится умереть, причем это не иллюзорная, мнимая смерть, а настоящая, пусть и временная (в легенде певец три дня пребывает мертвым, Очир в пьесе сомневается в своем статусе, но все же в Нижний мир попадает его душа-тень, а не тело). Распространенный мотив в европейском и азиатском фольклоре: чтоб обрести певческий дар, надо умереть или претерпеть великие мучения, перенести серьезные испытания.

Обретение песен от Эрлика-хана может вызвать у зрителя / читателя вопросы, однако эта проблема решается автором пьесы вполне убедительно. Отец Очира высказывает сомнение:

«Б а д м а. Что за песни такие, которые разрешил петь Эрлик-хан? Нет ли здесь подвоха какого-то? Не опасны ли они для людей?»

О ч и р. Нет, отец. Не беспокойтесь, люди. Их пел мне джангарчи в Нижнем мире» [Ханинова 2009б: 47].

Песни уже существовали, их уже знал (исполнял? придумал впервые?) таинственный джангарчи из подземного мира, «расколдованная» Очиром статуя.

Эрлик-хан, один из важнейших персонажей пьесы (и легенды), — в то же время и один из интереснейших и сложных божеств-трикстеров в мировой мифологии. Он отнюдь не воплощение зла, в пьесе он выступает в роли дарителя и справедливого судьи, а не злого антагониста: Очира преследуют и хотят ему помешать эрлики (нарицательное имя, множественное число), а также мангасы, мусы и шулмуски, но не сам мудрый и справедливый Эрлик-хан. «В мифологии монгольских народов и саяно-алтайских тюрков владыка царства мертвых, верховный судья в загробном мире, дьявол, демиург», Эрлик Номин-хан — «царь закона», который (весьма неожиданно для бога) «в прошлом был монахом, достигшим высокой степени святости и обретшим сверхъестественное могущество» [Мифы народов мира 1992: 675]. У алтайцев вообще именно он дает человеку душу. О связи искусства с «темным» началом (от просто «почвенного», земного и подземного до откровенно демонического и злого) говорит множество легенд в диапазоне от древнейшей мифологии до романтизма и модерна. Так, например, герою огузского эпоса Коркуту кобыз помогают сделать именно шайтаны, что, однако, не делает злом исполнительское искусство как таковое [Мифы народов мира 1992: 5].

Открыто выраженная связь «светлых» песен с «темным» началом (но божественным!) — очень глубокая и плодотворная мысль как калмыцкой легенды, так и пьесы Р. М. Ханиновой.

Отсюда же и целый ряд запретов и предостережений, связанных с исполнением «Джангара»: им нельзя слишком увлекаться, поскольку эпос может заморозить человека так, что тот забудет обо всем остальном, и род его прервется [Семь звезд 2004: 54], его нельзя петь, когда заблагорассудится («Исполнительский акт предполагал строгую временную и календарную регламентацию» [Петров, Селеева 2025: 107]), нельзя прерывать песню (главу), не закончив, нельзя петь без позволения и благословения гелюнга (как в случае Очира) и т. п. «Джангар» — не развлечение, а серьезное дело, требующее самопожертвования и самоотверженности, от него зависит национальное и культурное выживание народа, что понимает в финале семья Очира. Он «помилован» Эрликом-ханом и возвращен в мир именно как джангарчи, сделавший правильный выбор (заметим, что и лама Сохор-Тарба в аналогичной ситуации выбирает в качестве награды не что-либо материальное, а сказки [Ханинова 2008: 36–37], одну из которых, о воробье-оптимисте, дарит читателю сказитель Эрлика).

Современные исследователи великой исполнительской традиции ставят проблему «легитимности» эпического дара, ссылаясь при этом на свидетельства ныне действующих джангарчи. Последние утверждают «два нарративных сценария» [Петров, Селеева 2025: 93], одним из которых является обучение у старшего, опытного певца, другим — непосредственное призвание высшими силами, получение дара мистическим путем, подобным призванию шамана, которым нельзя стать просто по желанию.

Некоторые современные джангарчи рассказывают о снах особого рода, в которых может являться, например, Белый старец (один из значи-

мых персонажей пьесы Р. М. Ханиновой, санкционирующий происходящее с Очиром), иные божества или духи других джангарчи-предшественников, причем сакральная значимость подобных видений не подвергается сомнению.

«Несмотря на превалирование рациональной практики обучения сказительству, современные джангарчи могут рассказать о получении сказительского дара путем мифологической инициации» [Петров, Селеева 2025: 107]. О том же феномене говорит и известный исследователь эпического сказительства Б. Н. Путилов: «У сказителей сохранились шаманские убеждения в существовании незримых властителей поэзии и искусства. Они верят в свое избранничество и имеют собственных духов-покровителей» [Путилов 1997: 61].

Поразительно, насколько в легенде, созданной во времена буддизма как превалирующего мировоззрения калмыков, соединяются тенгрианская и шаманистская традиции, образующие неповторимое единство, позволяющее писателям и поэтам разнообразные художественные интерпретации. Поэтому вполне органично участие в сюжете и богатырей «Джангара» (Алый Хонгор, Савр Тяжелорукий, Строгий Санал), и великой богини Окон-Тенгри, пожертвовавшей своим сыном ради людей, но в пьесе сочетающей величие и мудрость с чисто женским кокетством, и Белого старца, и представителей низшей демонологии (ведущих очень смешные диалоги, снижающие пафос происходящего в лучших традициях классической драматургической эстетики).

Зато, например, Цебек-Дорджи, тайши, действующий в легенде как покровитель певца, в пьесе отсутствует, равно как и другие ханы (нойоны, зайсанги), одарившие певца в легенде. Однако присутствуют простые хотонцы, родственники и соседи Очира — народ, ради которого герой выдержал все испытания и принес песни.

«Джангарчи во все времена были плотно связаны с государственными институтами: связи сказителей с ойратской и калмыцкой правящей аристократией были особенно прочными вплоть до начала XX века; высшая знать покровительствовала искусству джангарчи и выступала в роли меценатов» [Петров, Селеева 2025: 107].

Однако персонаж Р. М. Ханиновой получает свою инициацию сказителя непосредственно от высших сил и далее, на земле, от своего народа, минуя инстанцию власти. Очир понимает свою основную задачу как сохранение духовной культуры и воли народа к будущему: «Чем больше людей услышат эту песню, тем быстрее разнесут ее по степи. Чем больше люди будут петь эти песни, тем сильнее и мудрее станут они. Чем дольше будут люди беречь эти песни, тем скорее достигнут своей мечты. Умнога эти песни сделают мудрее, сильного — еще сильнее, слабого — здоровее!» [Ханинова 2009б: 47].

В оригинале легенды отсутствует любовная история.

В пьесе же Р. М. Ханиновой она, пожалуй, не менее значима, чем основной сюжет обретения дара. Образ небесной девы Саглар — авторская фантазия,

однако эстетически и функционально он представляет собой контаминацию фольклорно-эпических женских образов. Если проводить параллели непосредственно с «Джангаром», то ее условный «прототип», — скорее, не Шавдал, супруга Джангара, довольно пассивная и более декоративная, а Герензал, возлюбленная Алого Льва Хонгора, активно-деятельная и самоотверженная, также спасающая героя от смерти и заменившая собой ложную невесту Зандан Герел (в качестве «ложных невест», распространенного в мировой мифологии мотива, в пьесе выступают шулмуски, пытающиеся соблазнить / отвлечь героя). Дева-лебедь выступает в качестве волшебного помощника, сопровождает, дает кольцо-оберег (*«А может, меня Саглар защищает? И я под властью небесных покровителей? Иногда Саглар появляется и возвращается к отцу. Когда она со мной, мне спокойнее. Наверное, главное в женщине для мужчины — это чувство покоя»*) [Ханинова 2009а: 44].

Саглар — не только фантастический персонаж, воплощающий мотив чудесного брака для героя, она — олицетворение лучших качеств калмыцкого женского идеала. Героиня — тип волшебной покровительницы, воительницы, владеющей мечом (на равных участвует с Очиром и богатырями в битве с мусами), при этом она насмешлива и лукава, но лишь в рамках дозволенного традиционной этикой девичьего кокетства: в серьезных случаях она дает верные этические оценки (сказка о слезах верблюдницы) и, посмеиваясь иногда над Очиром, признает его главенство и традиционную мужскую роль.

В образе Саглар ощутимо влияние и европейского архетипа Анимы (лишь в союзе с женственной частью своей души Очир может достичь цели), нашедшего художественное воплощение в значимых для европейской и русской культуры образах Софии Премудрости Божьей, Вечной Женственности, Прекрасной Дамы, Мировой Души и т. п.

Впервые она является герою в голубом цвете (цвет Софии, другие девушки-лебеди традиционно в белом), дважды связанная с Вечным Синим Небом, как дочь Тенгри и как воплощение софийного культурного архетипа. О своей связи с образом Мировой Души она говорит открыто: *«Да, конечно, боюсь. Но мы должны помогать друг другу. Все живое должно страдать живому. У каждого — своя душа. И все они сольются в одну общую душу, в которой будет вся любовь мира. Для этого, как Небо и Земля сходятся у горизонта, так и мы должны идти навстречу друг другу»* [Ханинова 2009а: 39].

Саглар в определенном смысле совершает подвиг самопожертвования, выбирая смертного и человеческую участь, и вполне естественно как ее присутствие в свите Окон-Тенгри, пожертвовавшей ради людей ребенком, так и ее органичное вхождение в человеческий мир в роли невестки Бадмы и Буги.

Однако основной сюжет «Легенды о джангарчи» — все же обретение дара поэтической речи (первый вариант пьесы назывался «Путь речи»).

Пьеса начинается прологом — монологом-верлибром Невидимого Голоса, который описывает творение мира, вступающее в диалог с христианской духовной традицией:

«Вначале был Звук, потом — Слог, затем — Слово.

Из Небытия, из Хаоса, Извне — в Бытие, в Гармонию, в Душу.

Созревало внутри, как зерно в земле, чтобы стать колосом — вне себя — для других.

Словно песчинка в раковине, чтобы стать жемчужиной, обрастала плотью слов Мысль, рождая Речь, — из себя, вне себя — в море, в мир.

Из Мгновения — во Время, из Времени — в Вечность.

Путь Речи.

Час Речи...» [Ханинова 2009а: 25].

Картина создания мира Словом, причем словом поэтическим, начавшимся со Звука (музыкального и «речевого» одновременно), отправляет читателя / зрителя во времена доисторические и даже домифологические, это, скорее, космическое время, время первотворения.

Композиционное решение Р. М. Ханиновой «закольцовывает» этот мотив в эпилоге пьесы, когда новообращенный джангарчи со всеми персонажами начинает исполнение «Джангара» с первых канонических строк: «*Это было в начале времен, В стародавний век золотой...*» [Джангар 2007: 7].

«Часом речи» называлась поэма Р. М. Ханиновой, опубликованная в 2000 г. [Ханинова 2000: 38–44] и переделанная позже автором в одноактную пьесу-притчу в стихах «Небожитель и младенец» [Ханинова 2015: 186–199]. Это небольшое драматическое произведение также имеет фольклорную основу — сказку «Капли счастья» об умершем ребенке и волшебных каплях [Джимгиров 1970: 29–32]. Однако сохраняя сюжетную основу, драматург делает композицию четче и строже: в сказке первая капля позволяет ребенку на короткое время вернуться к убитым горем родителям, но не связана с конкретным даром (это мимолетное появление перед матерью и есть дар), а вторая — объединяет богатство и славу.

В произведении Р. М. Ханиновой богатство и слава разводятся автором, а слава связана с тем, что отец мальчика становится келмерчи — мудрецом, сказителем, равным самым почитаемым джангарчи (тема, которой нет в сказке и которая связана, собственно, с «часом речи» и поэзией).

В обоих текстах — сказке и пьесе-притче — ребенок не знает, что именно он хочет дать родителям, что выльется из кувшина, он им поможет. Естественно, что желание помочь несчастным родителям обязательно приведет к попытке дать достаток (учитывая довольно скромный быт кочевников и мечты о счастье как изобилии — ср. русское слово «богатство», т. е. дар бога). Вполне предсказуемо также, что богатство не осчастливит — это общая тема едва ли не большинства фольклорных традиций, охотно и с подробностями разоблачающих «богачей».

Но и слава келмерчи не приносит счастья, ведь «рядом ложь, друзья без дружбы, льстецы, нахлебники, враги» [Ханинова 2015: 193], а люди не

могут понять и оценить то высокое, что транслирует им сказитель, да и мудрость келмерчи отнюдь не делает семейные узы крепче.

Значит, Слово, Речь сами по себе тоже не могут сделать человека счастливым (в отличие, например, от ситуации с Очиром, нашедшим счастье и сделавшим земляков счастливее через песни «Джангара»), возможно, потому что это «слишком человеческая» речь, полученная случайно и не выстраданная.

Третья капля в пьесе, как и в сказке-первоисточнике, конечно, — любовь, но, в отличие от христианской философской парадигмы, склонной абсолютизировать любовь и прямо отождествлять с нею божество («Бог есть любовь»), или, например, от античной, различающей множество видов любви, нашедших свое воплощение в поздней европейской культуре, калмыцкий сюжет озадачивает читателя.

Нет, любовь не всесильна (это романтический европейский миф), поскольку несвоевременна: гармония и умиротворение (*«На сцену выходят, обнявшись, родители. Затем, взявшись за руки, любятся природой. Слышится пение птиц. Он срывает и дарит ей цветы. Они радостно танцуют. Она поет песню любви. Потом садятся рядом у очага, пьют чай»*) [Ханинова 2015: 195] вновь сменяются равнодушием, тоской и одиночеством: калмыцкого варианта Филемона и Бавкиды не получается.

В логике калмыцкой сказки, основанной преимущественно на этике буддизма, любовь все же страсть и как таковая не приводит к счастью, а скорее, уводит от него. Поэтому так мрачен финал сказки: нет боли и слез, но нет и счастья, и жизни, четвертая капля вползает в кибитку черной тучкой. Малыш в ужасе, и последние слова небожителя в сказке *«Забвение полное, нирвана!»* полностью лишают надежды.

Пьеса Р. М. Ханиновой более оптимистична. Абстрактный и жутковатый небожитель сменяется вполне конкретным Хормустой, живущим со своими тенгриями на священной горе Сумеру. Он мудр, добр к мальчику и по-буддийски спокоен, он — подлинный хозяин Речи, обещающий людям помощь:

*«И я, Хормуста, в ваших буднях,
Поверив вашему уму,
Присутствовать незримым буду,
Рассеивать страданий тьму...»* [Ханинова 2015: 198]

Однако речью Хормусты, излагающего четыре благородные истины, пьеса не заканчивается: завершает ее, как и открывает, поэзия.

Введение эпиграфов из произведений Ф. И. Тютчева и И. А. Бродского расширяет культурный контекст (образы небожителя, чаши, мотив призывания собеседника-человека на пир богов и т. п.) и подводит к финалу: обретению Речи.

Не сразу становится ясно, «кто ее обрел», возможно, ответ за пределами самой истории, неочевидно связанной с Логосом (Как у Пруста: смысл жизни в самом процессе ее рассказывания, воплощения в слове.).

Собственно, обе пьесы Р. М. Ханиновой объединяет тема «пути речи», «часа речи», обретения речи, и поэтому понятно, что драматурга привле-

кают мифофольклорные сюжеты, своей глубиной и сложностью дающие современному автору широкие возможности для их художественной интерпретации.

4. Заключение

Драматургия Р. М. Ханиновой, непосредственно связанная с эпосом и другими фольклорными жанрами не только тематически, но этически и эстетически, представляет собой органическую часть художественного мира писателя, включающего лирику, прозу, переводы, научно-исследовательские труды и т. д. «Отношение драматурга к всеобщему выражается в нескольких аспектах: в диалектике новизны и традиции, в идейном содержании пьесы, в ее хронотопе... в контекстуальной связи с культурой и историей общества, к которому принадлежит автор» [Шутова 2023: 140]. Пример такой диалектики и представляют собой пьеса «Легенда о джангарчи» и пьеса-притча «Небожитель и младенец».

Источники

- Басангов 1971 — Басангов Б. Б. Страна Бумба. Избранные пьесы, рассказы, стихи. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 604 с.
- Джангар 2007 — Джангар: калмыцкий народный эпос. В 2-х тт. Т. 1. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 384 с.
- Мифы народов мира 1992 — Мифы народов мира. В 2-х тт. Т. 2. М.: Сов. Энциклопедия, 1992. 719 с.
- Семь звезд 2004 — Семь звезд: Калмыцкие легенды и предания. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.
- Ханинова 2000 — Ханинова Р. Час речи // Теегин герл. 2000. № 1. С. 38–44.
- Ханинова 2008 — Ханинова Р. Генезис монгольской сказки // Нана. 2008. № 9. С. 36–37.
- Ханинова 2009а — Ханинова Р. Легенда о джангарчи // Теегин герл. 2009. № 4. С. 24–45.
- Ханинова 2009б — Ханинова Р. Легенда о джангарчи // Теегин герл. 2009. № 5. С. 30–48.
- Ханинова 2015 — Ханинова Р. Небожитель и младенец // Ханинова Р. М. Материнский хлеб: хрестоматия по калмыцкой литературе для детей и юношества. Элиста: Калм. ун-т, 2015. С. 186–199.

Литература

- Бурыкин 2005а — Бурыкин А. А. Обретение идентичности (К 50-летию поэтессы Риммы Ханиновой) // Теегин герл. 2005. № 4. С. 98–113.
- Бурыкин 2005б — Бурыкин А. А. Обретение идентичности (К 50-летию поэтессы Риммы Ханиновой) // Теегин герл. 2005. № 5. С. 107–113.
- Дампилова 2010 — Дампилова Л. С. Поэтические диалоги Риммы Ханиновой в аспекте учитель и ученик // Теегин герл. 2010. № 2. С. 72–78.
- Джимгиров 1970 — Джимгиров М. Э. О калмыцких народных сказках. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 104 с.
- Джушхинова 2008 — Джушхинова К. А. Национальный компонент в семантической организации поэтического текста (на примере лирики Р. Ханиновой) // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики: Мат-лы постоянно действующего семинара. Вып. II. Элиста: Калм. ун-т, 2008. С. 183–186.

- Зумаева 2007 — *Зумаева Д. Ю.* Тибет в культурно-философской парадигме лирики Риммы Ханиновой // Этнокультурная концептосфера: общее, специфичное, уникальное. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 24–27 апреля 2006 г.). Элиста: Калм. ун-т, 2007. С. 248–252.
- Зумаева 2009 — *Зумаева Д. Ю.* «Запах полыни»: этнические константы в русскоязычной поэзии Калмыкии (стихи Риммы Ханиновой) // Русское литературоведение на современном этапе: мат-лы VII Междунар. науч. конф. (г. Москва, 8–10 апреля 2008 г.). М.: РИЦ МГГУ им. М. Шолохова, 2009. С. 333–335.
- Куканова 2011 — *Куканова В. В.* Лейтмотив «метаморфозы» в поэтических произведениях Р. М. Ханиновой // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 132–139.
- Метафоры и метаморфозы 2014 — Метафоры и метаморфозы поэзии Риммы Ханиновой: [Текст] / Е. В. Асмолова [и др.]; под науч. ред. проф. А. А. Фокина. Элиста: Калм. ун-т, 2014. 240 с.
- Ничипоров 2004 — *Ничипоров И. Б.* Эпическая традиция в современной калмыцкой поэзии: философские поэмы Риммы Ханиновой // «Джангар» в евразийском пространстве (к 200-летию первой публикации калмыцкого героического эпоса «Джангар»). Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 27 сентября – 2 октября 2004 г.). Элиста: КалмГУ, 2004. С. 79–85.
- Ничипоров 2016 — *Ничипоров И. Б.* Русскоязычная военная новеллистика Риммы Ханиновой: поэтика вещных образов // Русский язык в иноязычном окружении: современное состояние, перспективы развития, культурно-речевые проблемы: мат-лы Рос. науч. конф. с междунар. участием (г. Элиста, 24–26 октября 2016 г.). Элиста: Джангар, 2016. С. 305–309.
- Петров, Селеева 2025 — *Петров Н. В., Селеева Ц. Б.* Современные джангарчи Калмыкии: стратегии и сценарии эпического сказительства // Шаги / Steps. 2025. Т. 11. № 1. С. 93–129.
- Петрова 2002 — *Петрова М. П.* Мир поэзии Риммы Ханиновой // Теегин герл. 2002. № 6. С. 108–120.
- Путилов 1997 — *Путилов Б. Н.* Эпическое сказительство: типология и этническая специфика. М.: Вост. лит., 1997. 295 с.
- Руднев 2018 — *Руднев П. А.* Драма памяти. Очерки истории русской драматургии. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 496 с.
- Топалова 2007 — *Топалова Д. Ю.* Фольклорные традиции в аспекте буддизма в поэме Риммы Ханиновой «Час речи» // Феномен личности Д. Кугультинова — поэта, философа и гражданина. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 18–19 апреля 2007 г.). Элиста: КалмГУ, 2007. С. 223–227.
- Топалова 2014 — *Топалова Д. Ю.* Русскоязычная поэзия Калмыкии: лирика Д. Насунова и Р. Ханиновой: Монография. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 256 с.
- Фокин 2005 — *Фокин А. А.* Диалог поэтов в многоголосье культуры: цикл Риммы Ханиновой «„На перекрестках Софии и Веры...“ Памяти Бродского» // Азия в Европе: взаимодействие цивилизаций. Язык, культура, этнос в глобализованном мире: на стыке цивилизации времен. Мат-лы Межд. конгресса (г. Элиста, 17–21 мая 2005 г.). В 2-х ч. Ч. I. Элиста: КалмГУ, 2005. С. 179–183.
- Шутова 2023 — *Шутова Е. А.* Современная драматургия: поиск онтологической проблематики // Studia Culturae. Вып. 3(57). 2023. С. 140–153.

УДК / UDC 811.512.142

Аксиологические ориентиры в этико-эстетической парадигме калмыков и карачаево-балкарцев (на материале творчества Р. М. Ханиновой и Л. Л. Жабеловой)¹

Асият Мазировна Саракуева¹, Фатима Таулановна Узденова²

Axiological Guidelines in the Ethical and Aesthetic Paradigm of the Kalmyks and Karachay-Balkar (based on the works of R. M. Khaninova and L. L. Zhabelova)

Asiyat M. Sarakueva¹, Fatima T. Uzdenova²

¹ Медиа-КБР (д. 5, ул. Ленина, 360000 Нальчик, Российская Федерация)

¹ KBR-Media (5 Lenin St., 360000 Nalchik, Russian Federation)

кандидат филологических наук, ведущий, редактор телевизионных программ на балкарском языке

Cand. Sc. (Philology), Host, Editor of TV Programs in Balkar Language

 0009-0006-6827-4106. E-mail: sara.a70[at]mail.ru

² Институт гуманитарных исследований — филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН (д. 18, ул. Пушкина, 360000 Нальчик, Российская Федерация)

² Institute of Humanitarian Researches — Branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS (18 Pushkin St., 360000 Nalchik, Russian Federation)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-5378-9514. E-mail: uzdenova_kbigi[at]mail.ru

Аннотация. Генетическое сходство и историко-культурные параллели калмыков и карачаево-балкарцев выявляются как в языковом секторе, так и в ряде магических и мифологических практик, героических эпосах «Джангар»

и «Нарты» и т. д. Пересечения также четко обнаруживаются в сюжетике и поэтике авторских текстов. В статье анализируются пьеса калмыцкого драматурга Р. М. Ханиновой «Легенда о джангарчи» и повесть балкарской писательницы Л. Л. Жабеловой «Эльдар в стране нартов», предпринята попытка семиотизации дефиниций гендерного плана: мать, жена, бабушка, хранительница рода, прорицательница, мужчина, друг и др. Показано, что «основная миссия» маркированных образов мужчин в репрезентации артефактов, таящихся в мифологии, фольклоре, в том числе и в эпосах о Джангаре и нартах. Выступая против постепенного стирания «индивидуальных» черт калмыков и карачаево-балкарцев, авторы создают литературные произведения, в которых основным ядром являются мифология и устное народное творчество, а посылом читателю / зрителю — призыв к сохранению национальной идентичности, языка, нравственных и моральных императивов.

Ключевые слова: Р. М. Ханинова, Л. Л. Жабелова, пьеса, повесть, джангарчи, певец-жырчы, прорицательница, бабушка рода

Для цитирования: Саракуева А. М., Узденова Ф. Т. Аксиологические ориентиры в этико-эстетической парадигме калмыков и карачаево-балкарцев (на материале творчества Р. М. Ханиновой и Л. Л. Жабеловой) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 1. С. 43–60. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-43-60

Abstract. Genetic similarity and historical and cultural parallels between Kalmyks and Karachay-Balkars are manifested both in the language sector and in a series of magical and mythological practices, the heroic epics “Dzhangar” and “Narty”, etc. Intersections are also clearly found in the plot and poetics of the author’s texts. This article analyzes the play by the Kalmyk playwright R. M. Khaninova “The Legend of Dzhangarchi” and the story by the Balkar writer L. L. Zhabelova “Eldar in the Land of Narts”, an attempt is made to semiotize gender definitions: mother, wife, grandmother, keeper of the clan, prophet, man, friend, etc. It is shown that the “main mission” of the marked images of men is to convey to their relatives the priceless treasures hidden in mythology, folklore, included epics about Dzhangar and the Narts. Speaking out against the gradual erasure of the “individual” features of the Kalmyks and Karachay-Balkars, the aforementioned authors have created literary works in which the main core is mythology and oral folklore, and the message to the reader/viewer is a call to preserve national identity, language, moral and ethical imperatives.

Keywords: R. M. Khaninova, L. L. Zhabelova, play, story, dzhangarchi, singer-zhyrchy, soothsayer, grandmother of the family

For citation: Sarakueva A. M., Uzdenova F. T. Axiological Guidelines in the Ethical and Aesthetic Paradigm of the Kalmyks and Karachay-Balkar (based on the works of R. M. Khaninova and L. L. Zhabelova). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025. No. 1. Pp. 43–60. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-43-60

1. Введение

В век высоких технологий, урбанизации, глобализации, в век стирания индивидуальных черт становится особенно актуальным сохранение национального языка, культуры, традиций. Засилье разнородной информации, варваризмов, подражание западным стандартам приводят к унификации, навязыванию чужих идеалов (в ущерб национальным культу-

рам). Для малочисленных народов эти социально-политические, экономико-культурные процессы могут иметь самые негативные последствия. Пагубность влияния извне, его отрицательное воздействие особенно чувствует женщина — как жена, как мать. В республиках Северного Кавказа и в Калмыкии ими создаются литературные произведения, ценностно-ориентированные, направленные на сохранение духовного наследия, традиций народа. Среди них художественные тексты калмыцкого автора, поэта, прозаика, драматурга, переводчика, журналиста, литературоведа, автора семи поэм, десяти книг, трех пьес Риммы Михайловны Ханиновой (г. р. 1955) и писателя, культуролога, автора двух книг Лидии Локмановны Жабеловой (г. р. 1952).

Мотивированные целью привлечь внимание общества к проблеме сохранения национальной идентичности калмыков, карачаево-балкарцев, авторы при создании пьесы «Легенда о джангарчи» (2008) и повести «Эльдар в стране нарттов» (2020) обращаются к истокам национальных литератур — героическим эпосам «Джангар», «Нарты», в основе которых мифологические воззрения, отражающие представления человека о мире, о его происхождении, особенностях и законах. «В архаических культурах мифология представляет собой базовую символическую систему, образующую картину мира. Миф служит важнейшим механизмом культурной преемственности, идеальным образцом значимых форм поведения» [БРЭ].

Многие мифологические сюжеты и герои стали источником национальных художественных традиций, способом выражения народного самосознания, начиная с античности и до наших дней. «В современном мире мифы десакрализируются и уходят в „подсознание“ общества, продолжая во многом определять его жизнь и картину мира, выступая как неотрелексированные схемы восприятия и поведения людей» [БРЭ].

Таким образом, писатели сознательно, а возможно и подсознательно, обращаются к опыту народа, к истокам. В этом плане драма является универсальным жанром, вбирающим в себя и эпос, и лирику, ибо «всегда тяготела к наиболее острым общественным проблемам; ее основа — социально-исторические противоречия или извечные, общечеловеческие антиномии» [Хализев, Родина].

Драма выполняет двойную функцию. Помимо эмоционально-чувственного восприятия читателем она может быть поставлена на сцене, в связи с чем усиливается визуальное созерцание зрителем. Перейдя во «вторую реальность», через сценические образы и их поступки пьеса сильнее воздействует на публику. Поэтому обращение Р. М. Ханиновой к жанру драмы для воплощения своего замысла совсем неслучайно.

Л. Л. Жабелова избрала жанр повести. Как известно, «чаще всего это история одной человеческой жизни, соприкасающаяся неизбежно с судьбами других людей...» [Краткий словарь... 1978: 119]. Автор, имея целью в увлекательной форме рассказать необычную историю главного героя,

прибегает к сказочной фантастике, соединяет два мира — реальный, актуальный, и нартовский, древний.

Как видим, оба писателя ставят перед собой одну и ту же задачу: напомнить современному читателю / зрителю, особенно молодому поколению, о народной сокровищнице, традициях, духовных ценностях, сосредоточенных в героических эпосах «Джангар» и «Нарты».

Таким образом, в данной работе посредством пьесы Р. М. Ханиновой «Легенда о джангарчи» и повести Л. Л. Жабеловой «Эльдар в стране нартов» предпринят некий экскурс в архаичные времена обоих народов. Речь пойдет об общности героических эпосов «Джангар» и «Нарты», единстве взглядов, мировосприятия в изображении героев в фольклоре и современной литературе калмыков и карачаево-балкарцев; отдельное внимание уделено женским образам (архетипам «жена», «мать», «бабушка», «хранительница», «прорицательница»).

2. Материалы и методы

В работе использовались историко-типологический, сравнительно-сопоставительный, нарративный методы исследования, метод литературоведческого анализа, жанрово-ориентированный подход.

Материалом исследования послужили пьеса калмыцкого драматурга Р. М. Ханиновой «Легенда о джангарчи» и повесть балкарской писательницы Л. Л. Жабеловой «Эльдар в стране нартов», а также фольклорное наследие, в первую очередь героические эпосы «Джангар» и «Нарты».

3. Героические эпосы «Джангар» и «Нарты»

Героический эпос «Джангар» — это национальная гордость калмыков, жемчужина устного творчества, «итог многовекового созидания народа, величайший памятник его духовной культуры, свидетельствующий о безграничной любви к родине, защите ее от иноземных нашествий, борьбе за государственную независимость, за справедливость и счастье» [Сангаджиева 1967: 3]. В нем повествуется о стране благоденствия Бумбе, воспеваются подвиг богатырей во главе с Джангаром. Существует несколько циклов, насчитывающих разное количество песен, каждая из них представляется как завершенное цельное произведение.

Карачаево-балкарский героический эпос «Нарты» также состоит из циклов, каждый из которых являет собой самостоятельную и законченную группу сказаний. В эпосе показана жизнь нартского племени с момента появления на земле и до гибели (или переселения) его на небо или в подземный мир.

«Нарты» вбирают в себя не только кавказские традиции, но и тюрко-монгольские, о чем пишет фольклорист Т. М. Хаджиева: «...Тюрко-монгольские параллели, помимо типологического сходства, обусловлены генетической общностью, этническим и языковым родством, общей эпической архаикой» [Хаджиева 1994: 12]. Далее исследователь, подчеркивая связь карачаево-балкарской версии эпоса с эпосами других народов, об-

ращает внимание на его родство «с эпосом якутов, алтае-саянских народов, бурят, монголов — совпадение тем и сюжетов, сходство целого ряда мотивов, ситуаций, мифологических и религиозных образов и представлений» [Хаджиева 1994: 12].

«...Нартский эпос и по сей день остается вершинным достижением карачаево-балкарской словесности. Это справедливо не только в отношении полнокровных образов действующих лиц, изображения конфликта, масштабности и т. д., но и, если говорить о мастерстве стихосложения, версификации. Древние поэты-певцы достигли поистине виртуозного владения словом...» [Джуртубаев 2011: 255–256].

Эпосы калмыков, карачаевцев и балкарцев, как и многие фольклорные тексты, сохранили народные певцы-жырчы, сказители, рапсоды-джангарчи. У кавказских народов и монголов певцы были уважаемыми и почитаемыми людьми, хранителями, носителями и трансляторами героического эпоса. «...Многие из них, благодаря исключительно своему призванию, достигали творческих вершин в овладении сказительским мастерством и из поколения в поколение несли народу его прекрасное поэтическое творение» [Сангаджиева 1967: 3]. Имена рапсодов-джангарчи Ээлян Овла, Мукебюна Басангова, Давы Шавалиева, Насанки Болдырова, Тельтя Лиджиева и певцов-жырчы Дауута Малкондуева, Алия Эттеева, Абугали Узденова, Хамзата Биттирова, Каншаубия Гажонова и др. до сих пор помнят благодарные потомки.

Примечательно, что герои калмыцкого и карачаево-балкарского эпосов Мингиян и Ерюзмек были певцами. «...Почти во всех песнях „Джангара“ о нем (Мингияне. — А. С., Ф. У.) говорится как о певце. В песнях Ээлян Овла он, не сбиваясь, вторит двенадцатиголосой мелодии хуура, на котором играет Шавдал, жена Джангара» [Биткеев 1982: 25]. Предводитель нарттов Ерюзмек был танцором («Ерюзмек и джинны», «Нарт Ерюзмек и шайтаны»), певцом («Ерюзмек и его волчья шуба»), удивительно хорошо играл на бала-лайке («Шауай»), и «в беседах неустанным был» («Нарт Карашауай женится на дочери могущественного патишаха») [Нарты 1994: 352–353; 354–355; 334–335; 463–471; 477–482]. До сегодняшнего дня дошли песни, сказания, предания об известных певцах и легенды, повествующие о том, каким образом сохранились их творения и кто веками хранил эту сокровищницу. Так, в калмыцком фольклоре есть предания и легенды о рождении «Джангариады», поверья об эпосе, «Легенда о первом джангарчи» [Семь звезд 2007: 53–56; 43–44; 76–82; 100; 325] и т. д., которые легли в основу пьесы Р. М. Ханиновой.

В связи с анализом означенной пьесы обратимся к опыту литературоведа А. Б. Есина. По его мнению, исследование драматургического произведения необходимо начинать с определения конфликта [Есин 2000: 122]. Генеральный конфликт эпоса «Джангар» спроецирован на «Легенду о джангарчи». Следовательно, в пьесе идет борьба светлых (Очир, Саглар, Окон-Тенгри, Сохор-Тарба, богатыри из эпоса) и темных (шулмусы, мангасы, мусы и т.д.) сил. Человек, призванный нести людям песни (Очир), веру

в лучшее, сталкивается на своем пути с разного рода трудностями, о чем он сам повествует: *«На пути у меня были три ужасные пропасти — белая, черная и красная. Они были глубоки. Возникло такое чувство, что вот-вот и я упаду в них. Это пропасти Гнева, Похоти и Глупости. Но я не упал. Они закрылись передо мной, как только я подошел к их краю. Я прошел меж двух высоких гор, и они не раздавили меня, когда начали сходиться...»* [Ханинова 2009а: 44].

Автор, основываясь на мифологии своего народа, сконструировала два мира — Нижний и Средний — и поселила в них, помимо основных действующих лиц, множество мифологических героев и батыров из эпоса (владыка подземного царства, дочь небесного хана, шулмусы, лама, девушки-лебеди, Алый Хонгор, Савр Тяжелорукий, Строгий Санал и т. д.). Эти персонажи известны каждому калмыку. Используемый автором для воплощения своей идеи прием — переход героя из Среднего мира в Нижний — также взят из фольклора. Молодой юноша Очир «умирает» и попадает в Нижний мир. Оказывается, что ему еще рано представлять перед владыкой подземного царства Эрлик-ханом, и за «моральный ущерб» Очир получает «компенсацию». Он просит одарить его эпическими песнями о богатырях, которые он услышал от музыкантов-певцов Нижнего мира, чтобы донести их людям [Ханинова 2009б: 34–35]. Видимо, предки калмыков видели в этом некую сакральность. То, что сокрыто в Нижнем мире, только самым нестандартным и фантастическим путем могло стать «достоянием» народа.

Для Р. М. Ханиновой важно создать определенную картину возникновения эпоса, показать сложную и необычную судьбу первого джангарчи. Естественно, она обогатила сюжет вымыслом, представив читателю архаичный Нижний мир мертвых с его владыкой Эрлик-ханом и его помощниками, шулмусами (шулма — ведьма, нечистая сила), мангасами (в сказочно-мифологическом фольклоре чудовища, людоеды и вампиры), мусами (в сказочно-эпическом фольклоре многоголовое чудовище) и т. д. Действие «Легенды о джангарчи» больше подходит под сказание, предание (на что указывает и само название произведения). Автор выстраивает ряд событий, сюжетных коллизий, позволяющих читателю / зрителю стать свидетелем жизни подземных обитателей и увидеть, через какие испытания проходит Очир, совершая ряд поступков, раскрывающих его человеческие и моральные качества.

В данном контексте объясним значение имени главного героя. *Очир* в переводе с калмыцкого языка имеет два значения: а) «неподатливый, крепкий», как алмаз; б) «жест», что символизирует символ власти [Ханинова 2008: 31]. Следовательно, Очир — юноша с крепкими морально-нравственными устоями, желающий донести людям эпос «Джангар». Тем самым для калмыков он стал властителем душ.

При анализе драмы немаловажное значение также имеет определение ее жанровой принадлежности. В первоначальном варианте не только жанр, но и название разительно отличаются от уже известной — «Путь

речи». Жанр изначально определялся как «пьеса-орнамент в двух действиях, с прологом и эпилогом» [Ханинова 2008: 1]. Отсюда возникают два вопроса: 1) почему не устроило драматурга первое название — «Путь речи»?; 2) что за жанровая модификация «пьеса-орнамент»?

Нам известны два варианта названия пьесы: «Легенда о джангарчи» и «Путь речи». В журнале она опубликована под первым названием [Ханинова 2009а: 24–45; Ханинова 2009б: 30–48]. Что остается неизменным — это пролог. Под звуки гонга невидимый голос излагает следующий текст: *«Вначале был Звук, потом — Слог, затем — Слово. Из Небытия, из Хаоса, Извне — в Бытие, в Гармонию, в Душу. Созревало внутри, как зерно в земле, чтобы стать колосом — вне себя — для других. Словно песчинка в раковине, чтобы стать жемчужиной, обростала плотью слов Мысль, рождая Речь, — из себя, вне себя — в море, в мир. Из Мгновения — во Время, из Времени — в Вечность. Путь Речи. Час Речи...»* [Ханинова 2009а: 25].

Из пролога можно понять первичность Слова, Речи, их силу и значение в становлении человеческой цивилизации. Автор в названии «Час речи» сконцентрировала основную идею произведения: жизненное credo джангарчи — «глаголом жечь сердца людей». «Смерть» главного героя Очира, путь в Нижний мир, его возвращение из Нижнего мира в Средний с целью распространить песни о Джангаре и его друзьях-богатырях в народе — смысл жизни певца, его судьба и предназначение. Об этом в пьесе говорит хозяин земли и воды Белый Старец: *«Благословен твой путь, Очир. Ты — истинный мужчина! Ты выполнил главное предназначение своей жизни — принес людям песни о богатырях Джангара... Люди не забудут тебя. Будут слагать легенды о том, кто стал первым джангарчи на земле. Если имя забудется, останутся песни в народе. Живите в мире и благоденствии, в счастье и согласии, как в обетованной стране Бумбе!»* [Ханинова 2009б: 43].

Видимо, понятие «час речи» в творческом мировосприятии, в отношении к судьбе писателя, художника много значит для драматурга Р. М. Ханиновой. Иначе не назвала бы она совместную книгу с отцом, известным поэтом М. В. Хониновым, — «Час речи», в которой также очевидно обращение к фольклору народа, культурно-исторической преемственности. «Час речи» (1998) — это и одноименная поэма дочери [Хонинов, Ханинова 2002: 24–41].

В попытке расшифровать изначально жанр произведения — «пьеса-орнамент» — не обойтись без справочников. В «Большой российской энциклопедии» читаем: «Орнамент (лат. *ornamentum* — украшение), визуально-пространственная структура из ритмически упорядоченных элементов, имеющая декоративную функцию и располагающаяся на поверхности элементов архитектуры, объектов декоративно-прикладного искусства» [БРЭ 2004–2017].

Итак, орнамент — это узор. Надо полагать, автор имеет в виду национальный узор, т. е. некий код, символ калмыков. А символ и гордость ойратов, как мы отметили выше, есть героический эпос «Джангар». Если ис-

ходить из этой точки зрения, изначальное жанровое определение «пьеса-орнамент» больше соответствует смысловому, эстетическому значению произведения, нежели жанровой модификации. Таким образом, можно предположить, почему автор сняла исходное определение жанра и дала драме более ясную форму — «пьеса в двух действиях, с прологом и эпилогом».

Пьеса Р. М. Ханиновой полна различных смыслов и символов, из которых, на наш взгляд, самым «символичным» является котел. Само действие начинается в котле, и сцены идут попеременно в Среднем и Нижнем мирах. Первая ремарка гласит: *«На сцене стоит огромный бронзовый котел на трех ножках с изображением животных, по ободу орнамент „меландр“. Сбоку приставлена лестница»* [Ханинова 2009а: 25]. В другой сцене люди, находящиеся внутри котла, терпят разные испытания за свои грехи и пытаются вырваться из него, но никому это не удастся. В нем их варят, жарят, разрывают и толкут, томят голодом и жаждой и т. д. Из чего можно предположить, что котел здесь символизирует ад. В нем нечистая сила находит кров или убежище. Например, в пятой сцене *«из котла кто-то вылезает, крихтя и охая. На сцене появляется старая хромая шулма с одним глазом»* [Ханинова 2009а: 37].

Котел, в народном сознании отождествляющийся, в первую очередь, с приготовлением пищи, несет положительный смысл. «Котел, часто ассоциирующийся с ведьмами и магией, является универсальным символом, олицетворяющим концепцию трансформации, потенциала и тайны неизведанного. Как сосуд, используемый для приготовления пищи или варки, символизирует аспект заботы, обеспечивающей средства к существованию и питанию» [Ойрат-калмыцкая мифология]. Кроме того, котел имеет философское толкование, о чем Р. М. Ханинова говорит ближе к финалу пьесы (к чему мы вернемся ниже).

Что же сподвигло балкарскую писательницу Л. Л. Жабелову для воплощения своего замысла — создания повести «Эльдар в стране нартов» — выбрать аналогичный прием — переход из Среднего мира в Страну нартов? Ее герой — двенадцатилетний мальчик Эльдар, приехавший из Москвы погостить на летних каникулах у бабушки с бабушкой. Автор повести стремится показать духовный рост еще не сформировавшегося человека, нашего современника, через различные неожиданные сюжетные повороты, посредством встречи с различными существами — животными, пресмыкающимися, пернатыми, чудовищами (*агъач киши* — лесной человек, хозяин леса), нартами и т. д. К финалу произведения мы видим, как Эльдар возмужал и повзрослел. Каждая его встреча с очередным персонажем несет в себе определенный посыл читателю, «телеграмму» из прошлого в настоящее.

Судьбоносной встречей для Эльдара стало знакомство с другом Оспаром, который, несмотря на свой юный возраст, был взрослым по духу и воспитанным в лучших народных традициях. Автор порой вкрапляет в ткань произведения разные истории, чтобы раскрыть положительные

качества нартов, их самоотверженность, приверженность традициям, через рассказы о битве с пауками или с саранчой показывает, что победа над врагом добывается только единством и сплоченностью народа. Игры с юными нартами знакомят Эльдара со многими забытыми или ныне плохо соблюдающимися традициями предков. Встреча с Агъач киши хотя была устрашающей для подростка, но оказалась полезной: он понял, что без надобности не надо ломать деревья, вырывать цветы, кричать в лесу, иначе не миновать вредителю встречи с волосатым, одноглазым хозяином леса. Эльдар наказан в Стране нартов за непослушание и нарушение данного другу Оспару слова, несоблюдение законов Страны, куда попал волею судьбы. Он дважды ослушался друга. В первый раз его ждала встреча с Агъач киши, во второй раз он отравился ягодой бигиян. Такими посланиями-телеграммами усеяны многие страницы повести. Автор видит свою сверхзадачу в донесении их современному читателю через приключения Эльдара в Стране нартов и призывает внять естественным законам сосуществования человека и природы.

Время действия и возраст героев произведений Р. М. Ханиновой и Л. Л. Жабеловой не совпадают, но цели и задачи у авторов одни и те же: популяризация героических эпосов «Джангар» и «Нарты», рассказать современному читателю / зрителю о духовном, музыкально-песенном богатстве народов, о непреходящих ценностях, таящихся в устном народном творчестве, о высоких морально-нравственных качествах богатырей.

Согласно карачаево-балкарскому эпосу, нарты также живут в трех мирах — Нижнем, Среднем и Верхнем. Те, кто спустился с неба (Дебет, Сатанай, Ерюзмек), вернулись в Верхний мир, рожденные в Среднем мире (Со-сурук, Карашауай и его конь) остались там же, остальные ушли в Нижний мир и просыпаются в ночь воскресения нартов (*нарт къопхан кече*). Вот как описывается это редкое событие в эпосе: *«Воскресение нартов начинается (ночью), когда аулы, люди засыпают... Они вели постоянную борьбу с дикими насильниками эмегенами... И вот теперь они смотрят на нас из мира мертвых, и когда нас ожидает какое-нибудь несчастье, (их души), обратившись в орлов, ворон и разных зверей,*

Крича и воя, над ночными аулами проносятся

И (так) оповещают людей о надвигающейся беде.

Это — священные души отважных нартов» [Нарты 1994: 592].

Эльдара об отважных нартах рассказывает дед. Мальчик с богатым воображением предвкушает самые различные встречи с ними, с нетерпением ждет очередного рассказа и... дожидается. Внезапно проснувшись ночью, Эльдар выходит на улицу и видит странную процессию: длинную вереницу всадников. *«Мерно покачиваясь на высоких седлах, они ехали след в след друг за другом... Неожиданно в этой тишине, прямо над его ухом, кто-то отчетливо произнес: „Вот она, ночь воскресения нартов“... Тут всадник, ехавший последним, нагнулся, легко приподнял его и вскинул на лошадь позади себя... Покачиваясь на крупе коня, он держался за пояс всадника и твердил себе: „Все это мне снится. Это сон. Это сон. Это сон.*

Сейчас я проснусь", и сам не заметил, как глаза его сомкнулись, и он уснул» [Жабелова 2020: 41–42].

Цена перенесения главных героев пьесы и повести в Нижний мир или в Страну нартов — высока. В кульминационной сцене Очир оказывается на суде перед строгим Эрлик-ханом, Эльдар — в Большом доме нартов перед своими кумирами. Оба героя держат ответ. Калмыцкому герою дается великий дар певца и сокровище, ставшее для народа ценнее всякого богатства. Влюбленный в каждого нарта Эльдар держит ответ не столько за себя, сколько за своих сородичей: помнят ли нынешние люди нартов? Следуют ли они их законам и традициям? Каким будет будущее нартов? Будет ли дальше благоденствовать нартский народ? Как живется людям в Среднем мире? Если охотники не убивают животных и зверей, то почему их стало меньше? Множатся ли леса в Стране Нартов? Случаются ли поединки, и каким оружием пользуются при этом? Как можно выстрелить из-за угла? Кто решится навлечь на себя такой позор?!

Вопросы совсем не детские, но именно в этой сцене заключена основная идея повести «Эльдар в стране нартов». Мальчик оказывается смышленным, воспитанным, он впитал все, что ему поведали дед, а затем мудрая Тохана и Оспар. Он выходит из столь трудного испытания настоящим мужчиной. Это была инициация Эльдара в мужчины (нарты).

4. Женские образы-архетипы

Что характерно для калмыцкого и балкарского авторов — оба «дают» в помощники, в друзья своим героям соответствующих их возрасту «сподвижников». У Очира — это Саглар, дочь небесного хана, его будущая супруга. У Эльдара — четырнадцатилетний Оспар (в переводе с карачаево-балкарского языка — «гордый»), приставленный к мальчику нартами, чтобы присматривать за ним, ставший впоследствии для него побратимом. В сознании калмыков и карачаево-балкарцев, а также в художественной традиции жена — это верная помощница, хранительница очага. Друг же воспринимается как второе «я»; человек, которому доверяют свою жизнь.

В одном из монологов уставший Очир, рассуждая о долгой и тяжелой дороге, вспоминает Саглар. *«А может, меня Саглар защищает? — спрашивает он сам себя. — И я под властью небесных покровителей? Иногда Саглар появляется, но снова возвращается к отцу. Когда она со мной, мне спокойнее. Наверное, главное в женщине для мужчины — это чувство покоя»* [Ханинова 2009а: 44]. Юный Очир понял, что женщина дает мужчине душевное спокойствие, уверенность. Саглар же, чтобы быть с ним, уходит из Верхнего в Средний мир.

Как было отмечено выше, в обоих произведениях есть образы мудрых старых женщин, наставниц молодежи, строгих блюстителей народных обычаев, к их слову прислушиваются сородичи. У Очира это Цаган, у Эльдара — Тохана. Их можно назвать прорицательницами, ведуньями, ясно-видящими, лекарями или более общим, но точным определением — «Бабushка всего рода».

Думается, не будет лишним привести значение имени Цаган из мифологии калмыков. В эпосе о Джангаре «„пуп земли“ и „пуп неба“ связаны с представлениями об универсальном космическом центре. Связь между ними проявляется в том, что „пуп земли“ поднят вверх и находится на вершине одной из двух гор <...> соотнесенный со священной горой Манхан Цаган <...> При этом гора, совмещенная с космическим центром, соответствует образу мировой горы» [Мифологическая энциклопедия]. Цаган, соотносясь с «пупом земли» и образом мировой горы, является объединяющей силой в пьесе. Она — праматерь калмыцкой женщины, хранительница очага и прорицательница, обладательница сверхъестественных сил, оберегающая свой род (народ) от всего плохого.

В шестой сцене первого действия «Легенды о джангарчи» драматург знакомит читателя со старой женщиной Цаган. Она появляется два раза в течение всего сценического действия и каждый раз несет определенную информацию о своем народе и его поверьях. Цаган сдержанна, немногословна, от того кажется немного суховатой. Она из тех женщин, как говорят карачаевцы и балкарцы, «слово ее стоит лошади». Цаган выступает как прорицательница, медиум, налаживая связь между двумя мирами — Нижним и Средним, прошлым и настоящим. Мать Очира Буга говорит Цаган: *«Очир, бывало, все беспокоился, когда вы долго у нас не появлялись. Спрашивал: как там бабушка Цаган?»*, на что гостья отвечает: *«Да, помню, помню, милая. Очир был заботливым и добрым человеком. А какой сын! Таких надо искать»* [Ханинова 2009а: 43]. В ее уста автор вкладывает слова о человеческих качествах Очира. Она как некий суд над людьми, ее мнение не оспаривается. Ответ старой прорицательницы (у нее в роду были прорицатели) принимается читателем как абсолют, истина, потому что такие женщины не лгут, не юлят, не лицемерят. Их прямота, умение зреть в корень снискали им всеобщее уважение и почитание. Визит Цаган к родителям Очира не просто дань традиции — утешить родителей, потерявших сына, ее приход не случаен — женщина видела сон: *«Душа-тень Очира тоскует на той долгой дороге. А это нехорошо, не к добру. Не должна эта душа возвратиться. Еще не прошло 49 дней. Надо вам потом освободиться от его любимой вещи. Это седло Очира...»* [Ханинова 2009а: 43]. И на прощание не столько с целью успокоить мать Очира и его отца Бадму, а словно что-то предчувствуя, она многозначительно говорит: *«Все будет хорошо»*, и родители юноши вторят ей: *«Да, все будет хорошо»* [Ханинова 2009а: 44]. Автор тем самым дает понять, что Очир не такой, как все: его внезапный уход из жизни словно какая-то ошибка, недоразумение.

В этой же сцене мы находим подтверждение нашей мысли. Даже в три года Очир ни разу не упал с коня, а во время перекочевки мать заснула, и мальчик выскользнул из ее рук. Нашли его на рассвете возле Белого озера. Он лежал среди трав и тюльпанов и будто разговаривал с ними. Весь караван верблюдов прошел, и ни один из них не наступил на него. Был и второй случай, когда думали, что не выживет: шаловливые братья толкнули его и уронили на него горячую сковороду. Он силь-

но обжегся и целую неделю лежал на кошме... В третий раз он заболел оспой, и тогда думали, что Эрлик-хан заберет Очира к себе. А он выжил. В прошлую кочевку вдруг налетел ветер, завертел, как веретено, и унес с собой Очира ... Это был знак, предупреждение Вечно Синего Неба...

Родители Очира вспоминают эти случаи, тоскуя по сыну, тяжело вздыхают:

«Буга (убежденно). Это судьба.

Бадма (задумчиво). Это судьба» [Ханинова 2009а: 42].

Все эти знаки, меты были неслучайными. Это, действительно, судьба. Судьба готовила и оберегала его каждый раз для очень важного и благородного дела.

Со слов Буги также узнаем, что еще до встречи с Эрлик-ханом ее сын уже был певцом: *«Помню первую песню, которую сочинил Очир. „Адучи“ называлась. Он так ее душевно пел. Казалось, даже в гривах коней отзывалась эта музыка»* [Ханинова 2009а: 42].

Адучи в переводе с калмыцкого означает «табунщик». Первый возлюбленный Саглары тоже был табунщиком. Узнав об этом, ее отец рассердился на ойратов, и она вынуждена была отказаться от своего возлюбленного. Девушка рассказывает о нем и его коне Очиру: *«Завистники убили скакуна. Из костей своего любимца табунщик собрал музыкальный инструмент... Хуур называется. Обтянул его кожей, из гривы и хвоста сделал струны, из берцовой кости — смычок. И стал играть на хууре. Так он вспоминал своего друга. Пока помнишь, ты любишь». «Да, это верно. Нет ничего хуже беспамятства. Я знаю этот инструмент. На его грифе — голова коня. Когда музыкант играет, он словно разговаривает с конем. И конь отвечает ему. Ойрат без коня, что птица без крыльев, — так у нас говорят»* [Ханинова 2009а: 28].

«Культура кочевого калмыцкого народа неразрывно связана с конем. Конь восхваляется в калмыцких песнях и героическом эпосе „Джангар“, с его помощью совершают свои подвиги богатыри. В сказках, легендах и преданиях конь занимает видное место. Он предстает помощником и верным другом человека» [Болдырева 2018: 116].

В последней сцене пьесы Цаган гадает на альчиках, и два альчика падают рядом. Один из них альчик Очира. *«С ним кто-то находится рядом»*, — утверждает старая женщина. Снова кидает, и снова альчики оказываются рядом. Прорицательница это толкует следующим образом: *«...Альчики выпали в одном месте, да еще будто связаны веревкой... точно они в караване»* [Ханинова 2009а: 45]. Цаган не ошиблась: Очир вернулся из Нижнего мира с невестой Саглар и с даром джангарчи.

У Эльдара из повести Л. Л. Жабеловой тоже свое предназначение в жизни — донести до современников «кодекс чести» нартов, быть защитником своей земли и справедливости. Хотя Эльдар находится в подростковом возрасте, ему также пришлось преодолеть немало трудностей, как и Очиру: он встретил на своем пути Агъач киши, гадюку Жилиян, Кабана, божество смерти Жаналыучу (Сюлесин-Рысь), голодал, спал под откры-

тым небом и т. д. В его испытаниях верным другом стал Оспар, как у Очира — Саглар.

О том, что Очир и Эльдар — избранные Верховным Богом люди, указывает схожесть некоторых обстоятельств. Например, во время тяжелой болезни оба видят вещие сны. После возвращения Очира из Среднего мира Буга говорит ему: *«Помню, во время болезни ты рассказал как-то об одном своем сне — будто попал в хороший дом. Это к выздоровлению»* [Ханинова 2009б: 46]. После недели беспмятства Эльдару тоже приснился сон, *«что он лежит на лугу среди ярких цветов. Цветы наклоняют свои головки к его лицу, и от них идут густые запахи: то сладкий, то горький, то терпкий, то острый. Он вдыхает запах, и голова его кружится, кружится...»* [Жабелова 2020: 85]. Так Эльдар вернулся к жизни. Обоим героям судьба заранее дает знак: им предстоит сложный путь, но они достойно преодолевают его.

Таким образом, драматург Р. М. Ханинова через образ старой женщины Цаган показывает прочную связь предков калмыков с верованиями своего народа, они складывались из многовекового опыта мудрецов, шаманов, прорицателей. Оба автора вкрапляют в тексты произведений мифологию, древние поверья своих народов, делая их для современного читателя / зрителя доступными и понятными.

В повести Л. Л. Жабеловой «Эльдар в стране нартов» есть старая женщина Тохана. Нарты ее почитают как лекаря, ведунью и ясновидящую. Эльдар, отравившись, попадает в ее руки, несколько дней и ночей он находится между жизнью и смертью. Тохана спасает его. Позже признается, что не сомневалась в том, что он будет жить. По поверью у каждого человека есть «своя звезда на небе, она зажигается с его рождением. Пока свет ее ярок, все у человека спорится и идет на лад, но, когда она тускнеет, начинаются его болезни и горькие испытания... Так вот, твоя звезда, бала (ласковое обращение к ребенку. — А. С., Ф. У.), светит ярко» [Жабелова 2020: 92].

Образу Тоханы в повести Л. Л. Жабеловой уделяется больше внимания, чем в калмыцкой пьесе. Она более деятельная и многословная, чем Цаган. Л. Л. Жабелова раскрывает ее богатый духовный мир, преданность своему роду через отношение к соплеменникам — взрослым нартам и подросткам Эльдару и Оспару. Автор сразу определяет ее «статус»: *«знаменитая нартская ведунья»*, *«Тохана была не только знахаркой, но и ясновидящей»* [Жабелова 2020: 84]. Она — единственный «зримый» женский персонаж в «мужском» мире нартов. Только двое — Дебет, отец нартов, и Тохана — посвящены в тайну Пещеры, где есть выход в Средний мир, через который Эльдар возвращается домой. Этот факт указывает на особое место женщины-ведуньи, «бабушки рода» в нартском мире повести. Об отравлении Эльдара она знала заранее и ждала его у своего дома. Лечит знахарка мальчика разными отварами, опухшие веки промывает настоем ромашки и накладывает примочки из теплого молока, сама изготавливает лекарства из разных растений. Увидев любопытство выздоравливаю-

щего Эльдара к лекарственным травам, подолгу рассказывает ему об их чудесных свойствах и т. д.

Тохана выступает своего рода и хранительницей «Езден адет» — кодекса нарта, этического закона карачаево-балкарцев. Так, когда Эльдар впервые после болезни попросил поест, сидевший возле него все это время его друг Оспар принес еду и, не сдержавшись, отругал мальчика за то, что тот ослушался его и съел ядовитые ягоды, чем заставил Оспара сильно переживать за него. Услышав за дверью их диалог, Тохана укоризненно говорит Оспару: *«Не заставляй меня от стыда опускать голову, сынок. Разве можно так говорить с гостем?»* [Жабелова 2020: 87]. А ее наставления Эльдару перед встречей с нартами в их Большом доме можно считать мастер-классом по этике и воспитанию настоящих мужчин: *«Будь учтивым, но говори, не робей, — не кричи, но и не шепчи. Говори только с разрешения старших и выслушивай собеседника до конца. Войдя, поздоровайся: „Пусть Тейри пошлет добро этому дому“. Уходя, скажи: „Оставайтесь во здравии“. Когда будешь выходить, не поворачивайся спиной к старшим, плечи расправь, голову держи прямо, но не откидывай назад, как заносчивый спесивец. Еще запомни, что только беспородный лошак ходит, свесив голову меж плеч. Хуже этого может быть только парень, оседающий на ногах, как мешок. Ты понимаешь меня? Не садись, пока не предложат, предложат сесть — колени не смыкай, как девушка, но и не раскидывай ноги в стороны, как бесстыдный повеса, ставь их на пол ровно и твердо, не сутулься. Держись с достоинством, но не важничай, будь скромным, но не стеснительным»* [Жабелова 2020: 95–96]. Таких «уроков» от Тоханы можно привести множество. Главная героиня карачаево-балкарского эпоса «Нарты» — Сатанай, жена предводителя нартов Ерюзмека.

Как отмечает фольклорист Т. М. Хаджиева: «...В сказаниях балкарцев и карачаевцев <...> подчеркивается ее исключительное место в нартском обществе» [Хаджиева 1994: 21].

Сатанай известна своими чудесными способностями. Являясь культурным героем, она научила нартских женщин множеству вещей в области ведения домашнего хозяйства. В эпосе Сатанай предстает «всезнающей», «ведуньей», «вещей», «провидицей», целительницей, чародейкой, владеет магией слова и т. д.

«Несмотря на то, что Ерюзбек выступает предводителем нартов почти во всех сказаниях, он ничего не делает без совета и благословения Сатанай. Не только Ерюзбек, но и все жители нартской земли „лишь исполнители ее воли и советов“» [Хаджиева 1994: 21].

Можно предположить, что Тохана из повести «Эльдар в стране нартов» — это преемница Сатанай. В Стране нартов Тохана обладает тем же авторитетом, что Сатанай в эпосе.

В повести «Эльдар в стране нартов» есть также женский образ «за кадром» — мать Оспара, которую наравне с Бугой можно рассматривать как архетип матери. Круглый сирота Оспар рассказывает Эльдару печальную историю своих родителей. Эмегены (многоголовые чудовища, пожираю-

щие людей. — А. С., Ф. У.) воспользовавшись отсутствием нартов, когда те были в походе, напали на Нартию, уничтожили их дома, угнали женщин и детей. Среди них была и мать Оспара. Он знает о своих родителях с чужих слов и описывает маму классической красавицей-горянкой: *«Глаза ее под черными тонкими, как ласточкины крылья, бровями мерцали, как звезды, а длинные волосы блестели, как бобровый мех. Голос ее был тихим, словно дуновение слабого ветерка. Говорят, что, глядя на нее, исцелялись тяжелобольные. Была она трудолюбива и добра. Так о ней поется в песнях. Такой и представляется мне моя мать, когда я думаю о ней. А думаю я о ней постоянно, — с той поры как утром открываю глаза и до вечера, когда закрываю их перед сном...»* [Жабелова 2020: 141]. Также из слов Оспара узнаем, что его мать, прежде чем оказаться пленницей эмегенов, сделала все, чтобы спасти сына. Она запрятала его в нише, где на полке было сложено ее приданое: подушки, одеяла, перины, ковры... Когда в дом ворвались эмегены, за эти перины женщина и забросила сверток с мальчиком. Ночью на его голодный крик пришла одна старушка. Она-то и спасла Оспара.

Здесь вслед за образом матери, готовой на любую жертву ради спасения своего сына, следовательно, рода, органично вырисовывается древняя старушка-спасительница, «бабушка рода». Молодая женщина дает жизнь сыну (человечеству) и становится жертвой эмегенов, старая женщина, несмотря на свой возраст, не может допустить его уничтожения.

Жизнь только тогда имеет достойное продолжение, когда мужчина (потомство) ценит женскую самоотверженность. В повести Л. Л. Жабеловой гордый и, как казалось, самодостаточный Оспар только ближе к финалу раскрывается перед Эльдаром и рассказывает о своей безграничной любви к матери. Мы понимаем душевную рану молодого нарта, за внешней сдержанностью которого скрывается любящее сердце. Оспар верит, что настанет день, когда он спасет свою мать, и они с нею заживут счастливо. Сын будет заботиться о ней, и ее глаза снова засияют, как звезды. Эльдар, уже успевший затосковать по своим родным, желая хоть словом помочь другу, говорит: *«Если бы ты, Оспар, оказался со мной в нашем доме, моя мама сделала бы все, чтобы ты не считал себя сиротой...»* [Жабелова 2020: 144].

В «Легенде о джангарчи» лейтмотивом проходит тема взаимоотношений матери и сына, их любви друг к другу. В начале произведения Очир, проснувшись от «мертвого» сна, сообразив, что его оставили в степи, пытается понять случившееся: почему он оказался здесь. И первым делом вспоминает своих родителей: *«Я еще, помню, переживал, как же так? И не верил. Как я оставляю отца с матерью?»* [Ханинова 2009а: 27]. В конце первого действия, ближе к 49 дню, когда душа-тень покинет своего хозяина и надо будет отдать кому-нибудь любимую вещь «умершего», мы снова видим Очира, соскучившегося по своему коню, любимому седлу и по родителям [Ханинова 2009а: 45].

Про душевную связь матери с сыном, про страдания и лишения, переносимые ими обоими ради любви друг к другу, в фольклоре калмыков

сохранилось сказание, которое рассказывает прорицательница Цаган: *«Много дней и ночей шел он, прижимая к груди раскаленный котел. Так он благодарил мать за неустанную заботу о нем, за ее любовь и жизнь, которую она ему подарила. Встретился ему старец и сказал, что этим юноша оплатил всего лишь мгновение, когда мать прервала свой сон ночью, чтобы накормить его грудью... Да, можно терпеть боль, а можно не выдержать и бросить котел. У всех у нас есть такой котел. Кто знает, всякий ли захочет нести горячий котел...»* [Ханинова 2009а: 43].

Повидавшая много на своем веку Цаган — олицетворение мудрости. Здесь уместно вспомнить о третьем значении котла: «Круглая форма котла без начала и конца указывает на циклическую природу жизни, смерти и возрождения, переключаясь с темами вечности и бесконечности» [Символика и значение котла]. Если экстраполировать последние слова калмыцкой прорицательницы на взаимоотношения матери-земли и сына, современных матерей и сыновей или на нашу действительность, возникает ряд вопросов: оплатили ли сыновья матерям за их преданную любовь? берегут ли они материнские заветы? помнят ли наставления Тоханы или слова Цаган? обжигает ли котел их руки?..

По нашему мнению, именно эти философские вопросы и размышления побудили Р. М. Ханинову и Л. Л. Жабелову обратиться к теме сохранения традиционных этических императивов, этнического самосознания и в целом национальной культуры. Инстинктом женщины-хранительницы, «бабушки рода» детерминирован императивный посыл к сыновьям и внукам с просьбой и мольбой «выдержать, не бросить, нести свой котел» дальше, несмотря на различные нововведения. Только тогда ее неустанная забота и любовь будет иметь смысл.

5. Заключение

Как можно видеть, тюрко-монгольские представления с «общей эпической архаикой» у калмыков и карачаево-балкарцев, на которые мы обратили внимание в начале статьи, проявились в полной мере. Безусловно, трагическая депортация в середине прошлого века также внесла свою «долю ДНК» в кровь и историю двух народов. Выжившие в морозной Сибири калмыки и в среднеазиатской степи карачаево-балкарцы исторически, традиционно нацелены на самосохранение. Они гораздо сильнее других чувствуют насаждение чуждой идеологии и желание стандартизировать национальную культуру, традиции, вековые устои, благодаря которым этносы сохранили свою идентичность в тяжелые годы на чужбине. Еще с древних времен, со времен матриархата, женщина, являясь воспроизводительницей и хранительницей генофонда, на сознательном и подсознательном уровнях действует во благо своего потомства. Сложно отрицать, что в последние годы народные традиции и проверенные временем жизненные устои уступают место инокультуре, замаскированной под определенную сомнительную идеологию или «религию». В ситуации

отказа от своих обычаев как порождения невежественных (языческих) времен привносятся чуждые нравы и законы.

Литература, являясь универсальным видом искусства, учит и развивает читателя, действует на его сознание, возбуждая фантазию, позволяя ему путешествовать в разных мирах и эпохах. Соотношение Верхнего, Среднего и Нижнего миров с использованием символов и мифов позволяет писателю углубиться в материал, раскрыть читателю историю его народа и мировосприятие с современных позиций — «через архаичное к сегодняшнему дню». Ведь неслучайно именно «к мифологическому мышлению апеллируют реклама и идеология, мифы являются универсальным языком искусства и интегрирующей, сплачивающей общество силой (формируя, например, национальное самосознание)» [БРЭ].

Таким образом, пьеса Р. М. Ханиновой «Легенда о джангарчи» и повесть Л. Л. Жабеловой «Эльдар в стране нартов» для современников представляют большую идеологическую и культурную ценность, в них сконцентрирована история, мифология, традиции, менталитет, нравственные приоритеты и т. д., выработанные калмыками и карачаево-балкарцами за прошедшие века. Несмотря на войны, болезни, катаклизмы, народы сумели сохранить свою самобытность, не раствориться и не исчезнуть в меняющейся карте истории. Деятели литературы, искусства, театра всегда отличались твердой гражданской позицией, дальнорзкостью, талантом «стать рупором» для современников. И женская литература в этом плане особенно действенна.

Источники

- Жабелова 2020 — Жабелова Л. Л. Эльдар в стране нартов. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2020. 160 с.
- Нарты 1994 — Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / сост. А.-А. Ортабаева, Т. М. Хаджиева, А. З. Холаев. М.: Вост. лит., 1994. 654 с.
- Семь звезд 2007 — Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания / сост. Д. Э. Басеев. Изд. второе, стереотипное. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 414 с.
- Ханинова 2008 — Ханинова Р. М. Путь речи. Пьеса-орнамент в двух действиях, с прологом и эпилогом. Рукопись пьесы // Архив Р. М. Ханиновой.
- Ханинова 2009а — Ханинова Р. М. Легенда о джангарчи // Теегин герл. 2009. № 4. С. 24–45.
- Ханинова 2009б — Ханинова Р. М. Легенда о джангарчи // Теегин герл. 2009. № 5. С. 30–48.
- Хонинов, Ханинова 2002 — Хонинов М. В., Ханинова Р. М. Час речи: стихи и поэмы. Элиста: Джангар, 2002. 240 с.

Литература

- Биткеев 1982 — Биткеев Н. Ц. Поэтическое искусство джангарчи. Эпический репертуар Ээлян Овла. Певец и традиция. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 95 с.
- Болдырева 2018 — Болдырева И. М. Образ коня в устном народном творчестве калмыков (на материале архивных аудиозаписей КалмНЦ РАН) // Монголоведение. 2018. № 12. С. 116–128. DOI: 10.22162/2500-1523-2018-12-116-128
- БРЭ 2004–2017 — Большая российская энциклопедия 2004–2017 [БРЭ] [электронный ресурс]. URL: <http://www.bse.ru/>

- понный ресурс] // URL: https://old.bigenc.ru/fine_art/text/2694342?ysclid=m85tm6vtup2431084 (дата обращения: 12.03.2025).
- Джуртубаев 2011 — *Джуртубаев М. Ч.* Мифология и эпос карачаево-балкарского народа. Нальчик: Эльбрус, 2011. 484 с.
- Есин 2000 — *Есин А. Б.* Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: Наука, 2000. 248 с.
- Краткий словарь... 1978 — Краткий словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1978. 223 с.
- Мифологическая энциклопедия — Котел // Мифологическая энциклопедия [электронный ресурс] // URL: <https://gufo.me/> (дата обращения: 06.04.2025).
- Ойрат-калмыцкая мифология — Ойрат-калмыцкая мифология // Мифологическая энциклопедия [электронный ресурс] URL: <https://gufo.me/> (дата обращения: 06.04.2025).
- Сангаджиева 1967 — *Сангаджиева Н. Б.* Джангарчи. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1967. 35 с.
- Символика и значение котла — Символика и значение котла [электронный ресурс]. URL: <https://symbolopedia.com/ru/cauldron-symbolism-meaning/> (дата обращения: 06.04.2025).
- Хаджиева 1994 — *Хаджиева Т. М.* Нартский эпос балкарцев и карачаевцев // Нарты / сост. А.-А. Ортабаева, Т. М. Хаджиева, А. З. Холаев. М.: Вост. лит., 1994. С. 8–66.
- Хализев, Родина — *Хализев В. Е., Родина Т. М.* Драма (Исторический очерк) // Большая российская энциклопедия 2004–2017 [БРЭ] [электронный ресурс] // URL: <https://old.bigenc.ru/literature/text/2630866> (дата обращения: 20.03.2025).

УДК 821.512.37 / UDC 821.512.37

Этнокультурные символы в визуальной поэзии Риммы Ханиновой

Александр Викторович Исаков¹, Людмила Санжибоевна Дампилова²

Ethno-cultural Symbols in the Visual Poetry of Rimma Khaninova

Aleksandr V. Isakov¹, Lyudmila S. Dampilova²

¹ Институт монголоведения, буддоло- ¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Ti-
гии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Са- betan Studies, Siberian Branch of the RAS
хьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Rus-
Федерация) sian Federation)

младший научный сотрудник

Junior Research Associate

 0000-0003-3416-9683. E-mail: alexandr_isakov98[at]vk.com

² Институт монголоведения, буддоло- ² Institute for Mongolian, Buddhist and Ti-
гии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Са- betan Studies, Siberian Branch of the RAS
хьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Rus-
Федерация) sian Federation)

доктор филологических наук, профес-
сор, главный научный сотрудник

Dr. Sc. (Philology), Professor, Leading Re-
search Associate

 0000-0003-0917-5432. E-mail: dampilova_luda[at]rambler.ru

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются визуальные стихотворения русскоязычной калмыцкой писательницы Р. М. Ханиновой, посвященные калмыцким этнокультурным символам. *Цели и задачи исследования.* В исследовании поставлена цель рассмотреть формальные и содержательные аспекты интерпретации этнокультурных символов в визуальной поэзии Р. М. Ханиновой. *Материалы и методы.* Материалом исследования служат тексты визуальных стихотворений Р. М. Ханиновой, созданных в период с 2021 г. по 2024 г. Используются структурно-семиотический и культурно-исторический методы исследования. *Результаты и выводы.* Делается вы-

вод, что в визуальной поэзии Р. М. Ханиновой важное место принадлежит стихотворениям, посвященным калмыцким этнокультурным символам — предметам традиционного быта, атрибутам калмыцкого жилища и религиозной жизни. Эти символические образы реализуются в единстве визуального и вербального компонентов стихотворения. Если визуальная составляющая направлена на воспроизведение внешней формы описываемого предмета, то вербальная часть стихотворения раскрывает его значение для лирического героя как носителя калмыцкой этнокультуры. Существенная особенность данных стихотворений состоит в субъективной перспективе видения этнокультурных символов, что проявляется в личном отношении героя к описываемому предмету, передаче его субъективного опыта взаимодействия с ним, а также в сближении образа лирического героя с личностью автора и включении в текст биографических деталей. Одной из ведущих тем визуальной поэзии Р. М. Ханиновой является тема культурной памяти и идентичности, в связи с которой писательница затрагивает проблему сохранения традиций калмыцкого народа и рассматривает этнокультурные символы как опору коллективной памяти.

Ключевые слова: современная калмыцкая литература, русскоязычная калмыцкая литература, современная калмыцкая поэзия, культурная память, этнокультурная идентичность

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственного задания — проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона» (номер госрегистрации: 121031000259).

Для цитирования: Исаков А. В., Дампилова Л. С. Этнокультурные символы в визуальной поэзии Риммы Ханиновой // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 1. С. 61–68. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-61-68

Abstract. Introduction. The article examines visual poems by the Russian-language Kalmyk writer R. M. Khaninova dedicated to the Kalmyk ethnocultural symbols. *Objectives and tasks of the study.* The study aims to consider the formal and substantive aspects of the interpretation of the ethno-cultural symbols in the visual poetry of R. M. Khaninova. *Materials and methods.* The material of the study are the texts of visual poems by R. M. Khaninova, created in the period from 2021 to 2024. Structural-semiotic and cultural-historical research methods are used. *Results and conclusions.* It is concluded that in the visual poetry of R. M. Khaninova, an important place belongs to poems dedicated to Kalmyk ethno-cultural symbols — objects of traditional life, attributes of the Kalmyk home and religious life. These symbolic images are realized in the unity of the visual and verbal components of the poem. If the visual component is aimed at reproducing the external form of the described object, then the verbal part of the poem reveals its meaning for the lyrical hero as a bearer of the Kalmyk ethnic culture. The essential feature of these poems is the subjective perspective of seeing ethno-cultural symbols, which is manifested in the personal attitude of the hero to the described object, the transfer of his subjective experience of interaction with it, as well as in bringing the image of the lyrical hero closer to the personality of the author and the inclusion of the biographical details in the text. One of the leading themes of R. M. Khaninova's visual poetry is the theme of the cultural memory and the identity, in connection with which the writer touches upon the problem of preserving the traditions of the Kalmyk people and considers ethno-cultural symbols as a support for collective memory.

Keywords: contemporary Kalmyk literature, Russian-language Kalmyk literature, contemporary Kalmyk poetry, cultural memory, ethno cultural identity

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 121031000259 “Ethnocultural Identity in the Architectonics of Folklore and Literary Texts of the Peoples of the Baikal Region”.

For citation: Isakov A. V., Dampilova L. S. Ethnocultural Symbols in the Visual Poetry of Rimma Khaninova. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025. No. 1. Pp. 61–68. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-61-68

1. Введение

В современном литературном процессе Калмыкии заметное место принадлежит творчеству русскоязычного поэта Риммы Михайловны Ханиновой. В качестве новаторского для национальной литературы и в определенной мере экспериментального творческого опыта особенно можно выделить ее визуальные стихотворения, созданные в 2021–2024 гг.

К исследованию этих произведений уже обращалась М. П. Петрова [Петрова 2023], которая выявила фундаментальное место знаков, образов и символов кочевой культуры в визуальной поэзии Р. М. Ханиновой. В нашей работе мы хотели бы продолжить рассмотрение данного вопроса и подробнее остановиться на специфике функционирования этнокультурных символов в визуальных стихотворениях Р. М. Ханиновой.

2. Материалы и методы

Материалом исследования служат опубликованные визуальные стихотворения Р. М. Ханиновой [Ханинова 2022; Ханинова 2023]. Основными методами исследования являются структурно-семиотический и культурно-исторический, с помощью которых мы будем анализировать формальные и содержательные аспекты рассматриваемых стихотворений в их соотнесенности с историко-культурным контекстом.

3. Символические образы как основа визуальных стихотворений Р. М. Ханиновой

Визуальная поэзия — новое явление для литературы монгольских народов, возникшее на рубеже XX–XXI вв. Для произведений этого периода в целом характерно акцентирование этнокультурной идентичности, что нашло отражение и в визуальных стихотворениях, в основе которых зачастую лежат знаковые для этнической культуры образы-символы. Этот прием встречается, например, в творчестве монгольского поэта Жамбын Дашдондога [Дашибалова 2014: 48–49] и русскоязычного бурятского поэта Баира Дугарова [Дампилова 2019]. Визуальная поэзия Р. М. Ханиновой, таким образом, перекликается с творчеством других авторов — представителей литературной монголосферы.

Значительная часть визуальных стихотворений Р. М. Ханиновой представляет собой воплощение узнаваемых предметов — символов традиционной калмыцкой культуры. Ряд из них можно обобщить как предме-

ты, связанные с традиционным жилищем, его внутренним убранством и внешними атрибутами: кибитка, таган, пиала, коновязь, *зел* — привязь для телят и жеребят. Другой семантический ряд составляют образы из сферы религиозных традиций: обо («Ова чулун», 2021), субурган, онгон, флажки *ки мөрн* ‘кони ветра’. Наконец, есть стихотворения, посвященные некоторым другим узнаваемым калмыцким атрибутам: красной кисточке на калмыцкой шапке («Улан залата хальмгуд», 2022), печати-тамге («Моя тамга», 2022), хадаку, альчикам — *шаһа*. Все эти образы, безусловно, наделены для носителей калмыцкой культуры большим символическим значением и отсылают как к повседневному быту, так и к культурной памяти, в которой за каждым из названных предметов кроется целый пучок смыслов и ассоциаций.

В соответствии с правилами жанра, в визуальных стихотворениях Р. М. Ханиновой «внешней форме текста придается особый семантический статус, который подразумевает невозможность целостного восприятия произведения только на основании вербального компонента и без учета визуального компонента» [Ильгова 2022: 17]. Каждое стихотворение имеет форму того предмета, которому оно посвящено, что достигается за счет индивидуального порядка расположения строк (а иногда — и букв одного слова, образующего определенную фигуру) и соотношения их длины. При этом визуальный образ не является исключительно формой, в которую помещено вербальное содержание: текст напрямую соотносится с фигурой, и речь лирического героя развивается в связи с развертыванием визуального облика стихотворения. Например, стихотворение «Отцовская коновязь в Цаган Нуре» (2021) имеет форму двух столбцов, над которыми в качестве «перекладины» располагается заголовок. В первом столбце помещена вступительная часть стихотворения, где вводится образ отцовской коновязи как символ связи поколений: *«Не видела / Отцовской / Конюзы — / А в памяти / Моей она / На связи....* Во втором же столбце этот образ обретает конкретные черты: *Привязан конь, / Калмыцкий узел / В конюзы — / Как узел счастья. / Он оставлен был / Мне сразу»* [Ханинова 2022: 80]. Две смысловые части текста здесь соотнесены с двумя симметричными элементами визуального облика стихотворения, изображающими два столба коновязи.

Таким образом, этнокультурные символы в визуальной поэзии Р. М. Ханиновой становятся предметом оригинальной творческой интерпретации, реализующейся в единстве визуального и вербального компонентов художественного текста. Однако далее мы хотели бы остановиться подробнее именно на вербальной составляющей визуальных стихотворений Р. М. Ханиновой и отметить некоторые значимые особенности авторской поэтической интерпретации калмыцких этнокультурных символов.

4. Субъективная перспектива видения этнокультурных символов

В большинстве рассматриваемых стихотворений в той или иной мере проявляется субъективный взгляд на изображаемые этнокультурные

символы: эти предметы описываются не в отвлеченном порядке, а в связи с жизненным опытом и личным восприятием лирического героя. Его «Я» так или иначе проявляется в поэтической речи. Например, в стихотворении «Моя тамга» само заглавие указывает на принадлежность предмета лирическому герою, личное отношение к нему [Ханинова 2023: 120].

В некоторых стихотворениях лирический герой, обращаясь к читателю на «ты», сообщает ему свой личный опыт восприятия предметов этнической культуры, наделенных символической значимостью. Так, в стихотворении «Улан залата хальмгуд» («Калмыки с красными кисточками», 2022) герой советует использовать кисточку как «опознавательный знак», помогающий отыскать среди множества людей своего соплеменника: *«Красный цвет, как красный луч на голове, / Как радар, отыщет он своих в толпе, / Если кисточка сигналит с высоты, / Значит, есть калмык — его увидишь ты»* [Ханинова 2023: 121]. В стихотворении «Хадак» (2021) элемент доверительного общения между лирическим героем и его адресатом возникает при объяснении ритуальных функций и значения хадака — отреза ткани, подносимого в качестве символического дара богам и людям: *«Дар этот шарфом цвета неба или белее молока, / А может и зеленым, красным, и желтым цветом быть тогда, / Когда его сакральный смысл распознает твоя рука»* [Ханинова 2022: 81]. Переходя в конце своей речи от внешних характеристик к сакральной сущности хадака, цвет которого уже не столь важен для человека, понимающего смысл ритуального действия, лирический герой делится субъективным опытом как носитель калмыцкой этнокультуры, воспринимающий символические предметы через призму личного отношения к ним.

В ряде текстов образ лирического героя сближается с личностью автора, что проявляется в биографических деталях. В первую очередь речь идет о неоднократном упоминании отца, с образом которого связываются личные воспоминания и ассоциации. Следует заметить, что в целом «один из главных поэтических диалогов в творчестве Ханиновой — это диалог с отцом, известным калмыцким писателем М. В. Хониновым, оказавшим решающее влияние на формирование ее как поэта» [Топалова 2014: 121]. В уже процитированном выше стихотворении «Отцовская коновязь в Цаган Нуре» образ коновязи становится символом преемственности поколений, и воображаемая отцовская коновязь в сознании лирической героини представляется неким посланием, благословением от ее отца [Ханинова 2023: 119]. Тема памяти об отце возникает и в стихотворении «Пиала» (2022): *«От отца мне в наследство досталась она... / Он ушел, и пустоет на полке его пиала»* [Ханинова 2023: 119]. В стихотворении «Кибитка» (2021) также говорится об одной конкретной кибитке — жилище, в котором вырос отец героини: *«Как помещалась семья отца в кибитке одной, / Когда десять детей ютились под ветхой кошмой»* [Ханинова 2022: 79]. Раскрывая образ тагана в одноименном стихотворении, автор отмечает, что *«его отец воспел в поэме о закопченном тагане»* [Ханинова 2022: 78], отсылая читателя к поэме Михаила Хонинова «Сказание о закопченном тагане» [Хонинов 1978:

179–185]. Так образ предмета из традиционной калмыцкой повседневности вновь обретает ассоциацию с образом отца.

5. Тема культурной памяти и идентичности в интерпретации этнокультурных символов

Одна из ведущих тем визуальной поэзии Р. М. Ханиновой — тема культурной памяти и идентичности. В каждом ее стихотворении, посвященном калмыцким этнокультурным символам, так или иначе затрагивается проблема культурной преемственности и сохранения идентичности калмыцкого народа.

С этой точки зрения интересно отметить включения калмыцких слов и выражений, выделяющихся на фоне русскоязычного текста: *ова чолун* 'обо', *ки мөрн* 'кони ветра', *шаһа* 'альчик', *зел* 'привязь для телят и жеребят', *улан залата хальмгуд* 'калмыки с красными кисточками'. Все эти слова обозначают предметы и людей, о которых идет речь в стихотворениях, и немаловажно, что автор вводит их названия на калмыцком языке. Тем самым подчеркивается их принадлежность к именно калмыцкой культуре, их уникальность и невозможность воспроизвести их значение в отрыве от этнокультурной среды.

В стихотворениях Р. М. Ханиновой они становятся символами родного пространства, по которым лирический герой опознает своих соплеменников, свой дом и родину. Выше мы уже приводили пример из стихотворения «Улан залата хальмгуд», где красная кисточка на шапке представлена как знак, отличающий сородичей-калмыков и предвещающий радость встречи с земляком [Ханинова 2023: 121]. Целый ряд стихотворений посвящен предметам, символизирующим родной дом. Это, конечно, собственно сама кибитка из одноименного стихотворения [Ханинова 2022: 79]. С теплым образом традиционного калмыцкого жилища также связан и таган: «*Таган, кизяк, огонь, поет котел. / Триада бытия, семья, народ, родня*» («Таган», 2021) [Ханинова 2023: 121]. К тому же ряду относится онгон — «*дух предков в нашем доме*», «*калмыцкий мирный домовый*» («Онгон», 2022) [Ханинова 2023: 120]. Символом незримой связи с родным домом становится *зел* — привязь для телят и жеребят: *Веревка-няня, на пути / Всегда питомца защити <...> Держи же крепче, как и встарь, / У дома отчего за край* («Зел», 2022) [Ханинова 2023: 123].

Тема культурной памяти реализуется также в стихотворениях, где предметы калмыцкой культуры как бы несут в себе коллективную память об исторической судьбе народа. Наиболее явно это можно увидеть в стихотворении «Кибитка». Здесь в связи с описанием отцовской кибитки передается рассказ о судьбе калмыцкого народа в непростые годы прошлого века. Повествование движется с описания детства отца лирической героини к описанию трагической истории депортации калмыков, которая выражается в символическом уничтожении традиционного жилища: *Укоротили и отрезали / Коновязь у кибитки отцовой. / Нет и кибитки, хотона нет...* [Ханинова 2022: 79].

Поднимает поэт и такую проблему, как угасание этнической культуры и уход в прошлое ее неотъемлемых атрибутов, которым посвящены визуальные стихотворения. В стихотворении «Моя тамга» (2022) прямо звучит констатация данного явления: *«Тамга потомками забыта. / Так память о былом избыта»* [Ханинова 2023: 120]. В другом стихотворении — «Кони ветра» (2022) — эта проблема выражается через сомнение: *«Кони ветра — ки мөрн — кони ветра... / В двадцать первый век — это ретро?..»* [Ханинова 2023: 121]. Однако появляется и другой ракурс видения этой темы: даже оставшись в прошлом в качестве материальных предметов, этнокультурные символы продолжают оставаться важной частью самосознания и существуют в духовном мире калмыцкой культуры. Так, например, отцовской коновязи, которую никогда не видела лирическая героиня и которая существует лишь в ее памяти, вполне достаточно, чтобы ощущать причастность к своим предкам. В стихотворении «Кибитка» трагическая история разрушенного жилища завершается оптимистичным взглядом в будущее, где калмыцкий народ должен устоять после всех испытаний и сохранить связь со своими корнями: *«И конь под седлом уже ждет / У дверей. Значит, всадник должен продолжить путь, взяв с собой всех детей. / В подоле времени хватит всем места. И предки по-прежнему там — за спиной»* [Ханинова 2022: 79].

6. Заключение

В визуальной поэзии Р. М. Ханиновой важное место принадлежит стихотворениям, посвященным калмыцким этнокультурным символам — предметам традиционного быта, атрибутам калмыцкого жилища и религиозной жизни. Эти символические образы реализуются в единстве визуального и вербального компонентов стихотворения. Если визуальная составляющая направлена на воспроизведение внешней формы описываемого предмета, то вербальная часть стихотворения раскрывает его значение для лирического героя как носителя калмыцкой этнокультуры. Существенная особенность данных стихотворений состоит в субъективной перспективе видения этнокультурных символов, что проявляется в личном отношении героя к описываемому предмету, передаче его субъективного опыта взаимодействия с ним, а также в сближении образа лирического героя с личностью автора и включении в текст биографических деталей. Одной из ведущих тем визуальной поэзии Р. М. Ханиновой является тема культурной памяти и идентичности, в связи с чем автор затрагивает проблему сохранения традиций калмыцкого народа и рассматривает этнокультурные символы как опору коллективной памяти.

Источники

- Ханинова 2022 — Ханинова Р. Калмыцкие каллиграммы // Полярная звезда. 2022. № 11. С. 77–82.
Ханинова 2023 — Ханинова Р. Визуальные стихи // Теегин герл. 2023. № 2. С. 119–123.
Хонинов 1978 — Хонинов М. Сказание о закопченном тагане // Хонинов М. В. Му-

зыка в гривах: избранные стихи и поэмы / пер. с калм. М.: Сов. Россия, 1978. С. 179–185.

Литература

- Дампилова 2019 — *Дампилова Л. С.* Миф и история в «Тэнгрианских песнях» Байра Дугарова // *Oriental Studies*. 2019. № 1. С. 149–156. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-149-156
- Дашибалова 2014 — *Дашибалова Д. В.* Монгольская литература 1990 – начала 2000-х гг.: поиски новых идей, форм, образов // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2014. № 8. С. 47–51.
- Ильгова 2022 — *Ильгова Д. А.* Визуальная поэзия в контексте интермедийности. М.: ФЛИНТА, 2022. 164 с.
- Петрова 2023 — *Петрова М. П.* Знаки и символы визуальной поэзии Риммы Ханиновой // *Mongolica*. 2023. Т. 26. № 2. С. 42–51. DOI: 10.48612/IVRRAN/t61d-12k8-arbf
- Топалова 2014 — *Топалова Д. Ю.* Русскоязычная поэзия Калмыкии: лирика Д. Насунова и Р. Ханиновой. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 256 с.

УДК / UDC 821.512.37-1

Тема Великой Отечественной войны в прозе Риммы Ханиновой

Алена Александровна Санькова¹

The Great Patriotic War Theme in the Prose of Rimma Khaninova

Alena A. Sankova¹

¹ Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417А, ул. Ленина, 355029 Ставрополь, Российская Федерация) ¹ Stavropol State Pedagogical Institute (417A, Lenin St., 355029 Stavropol, Russian Federation)

кандидат филологических наук

Cand. Sc. (Philology)

0000-0002-8020-4550. E-mail: snarks[at]yandex.ru

Аннотация. Автор статьи обращается к малоизученному прозаическому творчеству Риммы Михайловны Ханиновой о Великой Отечественной войне, которая выступает для калмыцкого русскоязычного писателя как глубоко личностная, отражающая связь с биографией отца — известного калмыцкого писателя и поэта Михаила Ванькаевича Хонинова, а в военное время — Миши Черного, командира партизанской роты. Объектом исследования выступил цикл написанных в период с 2015 г. по 2024 г. рассказов «Военная быль», отразивший глубокие размышления и переживания автора о войне как таковой и о судьбах ее участников, о памяти поколений и важности литературного творчества, позволяющего увидеть этот судьбоносный период глазами фронтовиков. В статье раскрываются основные мотивы военной прозы писателя, особенности его художественного мира, подчеркивается особое внимание к организационной структуре разделов и циклов, представленных в книге избранной прозы «Одинокое дерево», дается развернутый анализ произведений разных лет («Сан Саныч», «Материнский хлеб», «Печник», «Знамя» и «Меч для героя»). Выявлены типология героев рассказов, сюжет и конфликт, формы повествования, жанровые особенности, синтез стихотворения в прозе и притчи в отдельном тексте, поэтика названия, семантика символов, рама произведения. Отмечена тема

© КалмНИЦ РАН (KalmSC RAS), 2025

© Санькова А. А. (Sankova A. A.), 2025

исторической памяти о прошедшей войне представителями разных поколений в рассказах этого цикла.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, современная калмыцкая русскоязычная проза, военные рассказы Р. М. Ханиновой

Для цитирования: Санькова А. А. Тема Великой Отечественной войны в прозе Риммы Ханиновой // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 1. С. 69–86. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-69-86

Abstract. The author of the article refers to the little—studied prose work of Rimma Khaninova on the Great Patriotic War, which remains for the Kalmyk Russian-speaking writer as a deeply personal one, reflecting the connection with the biography of her father, a famous Kalmyk writer and poet Mikhail Vankaevich Khoninov, and during wartime — Misha Cherny, commander of a partisan company. The object of the study is a series written in the period from 2015 to 2024. The short story “The Military Past” reflected the author’s deep thoughts and feelings on the war as such and the fate of its participants, on the memory of generations and the importance of the literary creativity, which allows us to see this fateful period through the eyes of front-line soldiers. The article reveals the main motives of the writer’s military prose, the features of his artistic world, emphasizes special attention to the organizational structure of the sections and cycles presented in the book of selected prose “The Lonely Tree”, provides a detailed analysis of works from different years (“San Sanych”, “Mother’s Bread”, “Stove”, “Banner” and “A sword for a hero”). The typology of the stories characters, the plot and the conflict, forms of narration, genre features, the synthesis of a poem in prose and a parable in a separate text, poetics of the title, the semantics of symbols, and the frame of the work are revealed. The theme of the historical memory of the past war is highlighted by the representatives of different generations in the stories of this cycle.

Keywords: The Great Patriotic War, modern Kalmyk Russian-language prose, war stories by Rimma Khaninova

For citation: Sankova A. A. The Great Patriotic War Theme in the Prose of Rimma Khaninova. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025. No. 1. Pp. 69–86. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-69-86

1. Введение

Римма Михайловна Ханинова — филолог и талантливый автор многих художественных произведений, родившаяся спустя десять лет после окончания Великой Отечественной войны в семье известного писателя Михаила Ванькаевича Хонинова, выросла и формировалась во времена не столь отдаленные от судьбоносного и героического периода для нашей страны, и поэтому, конечно, не могла воспринимать военную тематику отстраненно. Тема войны, которая была предопределена самой судьбой и на протяжении всей жизни осмысливаемая Р. М. Ханиновой, стала одной из главных тем ее творчества еще и потому, что была связана с участием ее отца в партизанском движении и основана на творческом преломлении и глубокой личностной рефлексии реальных историй ее участников (цикл «Военная быль»).

Несомненно, истоки творческого мира писателя, начавшего писать

рассказы еще в школьные годы, произрастают из семьи и кроются в отцовской биографии: Великую Отечественную войну он встретил на Смоленщине, а после разгрома полка попал к смоленским партизанам, так началась жизнь боевого командира Миши Черного, возглавлявшего партизанскую роту на территории Белоруссии, которую фашисты называли «дикой дивизией» [Ханинова 2015].

Переживание трагических событий судьбоносных для всей нашей страны и всего советского народа военных лет нашло отражение как в стихах («Я не была на прошлой той войне», «Баллада о войне», «Баллада о детстве», «Баллада о коровах» и др.), так и в рассказах автора, вошедших в цикл «Военная быль».

В нашей статье представим краткий обзор цикла «Военная быль» и дадим анализ отдельных его рассказов, которые до сих пор еще не были объектом и предметом исследования.

2. Материалы и методы

Материалом для статьи стали опубликованные в журнальном и книжном издании рассказы Р. М. Ханиновой из цикла «Военная быль», посвященные теме Великой Отечественной войны и ее участникам [Ханинова 2016; Ханинова 2019; Ханинова 2024а; Ханинова 2024б]. Предпринят краткий обзор рассказов этого цикла, дан анализ репрезентативных произведений.

Необходимо отметить, что при всей яркости творческого мира Р. М. Ханиновой и значимости поднимаемых ею тем, в большей мере изучена ее поэзия [Бурыкин 2005а: 98–113; Бурыкин 2005б: 107–113; Современная русскоязычная поэзия 2013; Диалоги во времени 2014; Метафоры и метаморфозы 2014; Топалова 2014; и др.], чем прозаические произведения. Так, рассказы из цикла «Сибирская быль» анализировали Е. В. Конеева [Конеева 2018: 136–139], Г. В. Менкенова [Менкенова 2017: 23–26], сказки — Э. Г. Валетова [Валетова 2020а: 224–229; Валетова 2020б: 229–234], Д. А. Джаджиева [Джаджиева 2024: 23–29], Д. А. Иванова [Иванова 2020: 263–268; Иванова 2021: 253–257]. К рассмотрению военных рассказов обращались и студенты [Конеева 2017а: 82–84; Конеева 2017б: 185–186], и литературоведы — профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова И. Б. Ничипоров [Ничипоров 2016: 305–309]; ранее им была раскрыта тема войны в лирике Р. М. Ханиновой [Ничипоров 2015: 44–45].

При рассмотрении темы войны в рассказах писателя мы опирались как на статьи предшественников, авторское предисловие в книге избранной прозы, так и на сравнительно-сопоставительный, описательный, структурный методы, аксиологический подход.

3. Краткий обзор военной прозы Риммы Михайловны Ханиновой

Рассказы из цикла «Военная быль», опубликованные журналом «Теегин герл» («Свет в степи») в 2016 г., постепенно дополняются новыми произведениями. Содержание цикла изначально было заявлено шестью

рассказами, каждый из которых, как кусочек пазла, лежащий на свое место, выстраивает и воссоздает для читателя цельное видение автором трагедии и духовного подвига, героизма, мягко, но четко вырисовывает позицию писателя. Это ведущийся от лица белорусского партизана рассказ «Сан Саныч», обращенный к теме ребенка на войне; продолжающий эту тему рассказ «Партизанская мадонна» (позже автором был представлен его вариант «Картина», посвященный памяти художника И. Н. Стасевича), в котором повествуется о маленьком Ване — сыне партизанского отряда — и судьбе оберегавших его там людей; рассказ «Пуля» о военных героических буднях и цене победы; короткая, но глубокая, оставляющая больше вопросов, чем ответов, и резонирующая, наверное, с самыми потаенными человеческими ценностями притча-зарисовка «Материнский хлеб»; вызывающий противоречивые чувства рассказ «Собака» и завершающий первоначальный вариант цикла, позволяющий увидеть войну глазами опять же ребенка, но уже родившегося в мирное, далекое от войны время, рассказ «Печник», построенный на полемике людей разных поколений — дедушки и внука — о войне: простом и героическом в ней, о том, что остается зафиксированным в хроникально-документальных источниках и художественном творчестве, как эти представления отражаются в памяти поколений и что остается скрытым «между строк» [Ханинова 2016].

Позже цикл был дополнен посвященными памяти о войне рассказами «Знамя» (2017), «Это было в Сенино» (2016–2019), «Меч для героя» (2024), которые подводят итоги размышлений писателя и выступают своеобразной концовкой цикла.

Разделы и циклы — традиционная для Р. М. Ханиновой организация поэтических и прозаических произведений, отражающая сосредоточенность писателя на тех или иных темах и онтологических проблемах, позволяющая составить «карту» художественного мира художника слова и обозначить основные темы его творчества. Подобное внимание к структурированию материала книг обуславливает значимость подбора как самих составляющих цикла, так и порядка их следования в нем (произведения всегда четко датированы, а иногда содержат информацию о месте создания или пути передвижения автора как знаковые рамочные элементы текста). Это подмечено при определении творческого портрета Р. М. Ханиновой с литературоведческих позиций (так, например, А. А. Бурыкин, говоря о первом сборнике ее стихов подчеркнул, что основанием для его наполнения послужила не хронология — он скомпонован «отнюдь не из раннего и давно написанного», а именно внутреннее мироощущение поэта, определившее подбор «тех стихов, которые явно были созвучны времени и настроению автора и его лирических героев к моменту выхода книги в свет» [Бурыкин 2005а: 100]), и является вполне очевидным для обычного читателя, страница за страницей исследующего этот мир при знакомстве с любой книгой автора, ведь по его признанию: «Сама книга, как правило, открывает автора. Или, наоборот, закрывает. В зависимости от авторских задач» [Ханинова 2024б: 3].

В этой связи очень интересен отбор и компоновка рассказов цикла в первой и пока единственной книге прозы писателя (которая появилась на свет только в 2024 г., см. рецензию: [Иванова 2024: 5]), существующих в каждом разделе как единый нарратив, как единое концептуальное целое, встроенное в своеобразную иерархию сборника. Рассказы из цикла «Военная быль» вошли в каждый из трех разделов книги. Принцип «расселения» рассказов по разделам «Одинокого дерева» и разбивка циклов на части (заметим, что отдельные рассказы цикла, как, например, «Сан Саныч», мы можем найти в разных разделах в разных редакциях, а рассказ «Партизанская мадонна» отсутствует, в книгу включена только более поздняя его редакция «Картина» как соответствующий фактическим данным вариант — см. «Предисловие» автора [Ханинова 2024б: 4]) здесь обусловлен, главным образом, языковыми вариантами представленных произведений, а уже во вторую — их жанрово-тематическим своеобразием.

Названия разделов, как и название самого сборника, являются знаковыми в парадигме творческого мира Р. М. Ханиновой. Первый раздел с «прозрачным» казалось бы по своей семантике названием «Меч для героя», в который включены произведения различных жанров на русском языке, играет с ожиданиями читателя: он обращается не к эпичной внешней составляющей образа героя, а к внутренним, сакральным мотивам героического, проявляемого им повсеместно, и назван по одному из двух объединенных в подборку рассказов (заметим, последних по хронологии), посвященных фронтовым будням («Это было в Сенино», «Меч для героя»). Интересно, что в этот же раздел, но уже отдельной подборкой, переносающей нас в современность, во времена, когда Великая Отечественная война уже стала историей нашей страны, и актуализирующей тему памяти и связи поколений, вошла также подборка из четырех других рассказов этого цикла («Сан Саныч», «Собака», «Печник» и «Знамя»).

Второй раздел «Запах полыни» — это запах памяти, как становится очевидно из одноименного стихотворения Р. М. Ханиновой 2008 г., — включает четыре рассказа из цикла «Военная быль»: «Материнский хлеб», еще раз — «Сан Саныч», «Картина» и «Пуля», представленные параллельными текстами на русском и калмыцком языках (это специфика всего раздела).

Третий раздел книги «Герюш» — маленький герой, хранитель от бед и напастей из одноименной сказки писателя — содержит прозу как на русском языке, так и в переводах на языки народов России и мира. Это «сказочный» раздел, в который вошли только два рассказа, один из которых — переведенный на белорусский язык рассказ «Сан Саныч». Это произведение, которое изначально, в журнальной публикации, открывало цикл, мы встретили и в двух других частях книги, что приводит к выводу о том, что оно занимает центральное место в прозе Р. М. Ханиновой о войне.

Исходя из объекта нашего исследования и специфики структурирования рассказов из цикла «Военная быль», в ходе анализа отдельных текстов мы будем придерживаться хронологического порядка их выхода в свет и порядка представления в журнальном варианте.

4. Рассказ «Сан Саныч» (2015)

Рассказ «Сан Саныч» несомненно знаковый для всего цикла «Военная быль» и прозаического творчества Р. М. Ханиновой. В первом, журнальном, варианте он открывал начало цикла; в сборнике прозы — единственный, присутствующий во всех трех разделах.

Обратимся ко второму, расширенному автором варианту истории о мальчике-разведчике, который представлен устами белорусского ветерана, чье письмо, обращенное к писателю-фронтовику, собирающему рассказы участников войны для книги, попало на телепередачу. Именно от него, Сергея Смирнова, в котором мы по описаниям легко узнаем автора героической «Брестской крепости», Р. М. Ханинова, как она сама пишет в «Предисловии» к сборнику своей прозы, узнала историю, которая послужила основой рассказа.

Эта традиционная для данного цикла рамочная композиция вводит нас в пространство текста, обеспечивая достоверность его восприятия и позволяя вести рассказ от первого лица. Рассказчик подчеркивает значимость и важность для него описываемых событий, которые долгое время не дают ему покоя. Образ героя-рассказчика заведомо носит обобщенный характер: *«Не буду сообщать о себе подробности, как и где воевал, дело не во мне»*, — а сюжет истории сосредотачивается на судьбе подростка *«лет десяти-двенадцати»*, чье имя в неожиданном для мальчишки такого возраста варианте вынесено в название рассказа [Ханинова 2024б: 78]. Как его звали, мы узнаем уже во второй части письма, когда его автор, разыскивавший мальчика уже после окончания войны, обнаруживает его фотографию в витрине фотостудии: *«Я спросил, как к мальчику танкисты обращались, по имени, наверно. И тут фотограф стукнул себя по лбу, сказав, что вспомнил, да, называли они его Сан Санычем. Значит, Александр Александрович. В десять-двенадцать лет по имени-отчеству»* [Ханинова 2024б: 81].

Из письма мы узнаем о событиях лета 1944 г., когда его автор и встретил мальчика, справившегося с задачей, оказавшейся непосильной для взрослых партизан, — взрывом моста, по которому немцы перевозили для своих частей боеприпасы, и чуть не поплатившегося за это жизнью. Образ ребенка дан через его поступки. *«Ничем не примечательный, белобрысый, разве что держался независимо»*, он не выполнял чьих-либо приказов на месте; и решение об участии в подрыве поезда тоже принял самостоятельно [Ханинова 2024б: 78]. Небольшая партизанская группа вместе с рассказчиком отбила у немцев спасшегося в реке, но захваченного после этого фашистами и жестоко истязаемого ими беглеца:

«...Немцы прибили мальчишку к двери, а один из них бил молотком по его пальцам, все руки были в крови.

Мы осторожно сняли его с двери, кое-как перевязали, завернули в плащ-палатку и стали отходить. <...>

Мальчик все время бредил, просил вызвать какого-то Восьмого. Видимо, начальство свое. Называл неотчетливо свой московский адрес, говорил, что мать работает в Наркомфине, все ее знают там, что он сбежал на войну из третьего класса» [Ханинова 2024б: 80].

Но затем группа разделилась, и рассказчик, потерявший ребенка из виду, после войны обратился к писателю с просьбой узнать о судьбе Сан Саныча.

Что же настолько поразило фронтовика, столкнувшегося за время войны со множеством проявлений жестокости и нескончаемыми потерями, что он за минувшее время так и не сумел забыть *«тот июль сорок четвертого года, белорусскую станцию, взрыв поезда, караульную сторожку, мальчика в плащ-палатке»* [Ханинова 2024б: 81]. Наверное, это и внутренний диссонанс в душе рассказчика, который понимал, как должен взрослеть ребенок, и то, с чем тот столкнулся в реальности, и желание поверить, что унесенные войной жизни были не напрасными: *«Хотелось бы верить, что не зря мои товарищи погибли, вызволяя из плена мальчишку тогда»* [Ханинова 2024б: 81].

И в этом ключе тема военного детства (подробно она раскрыта в статье Е. В. Конеевой [Конеева 2017б: 82–84]) звучит по-новому остро, давая ранящий душу скупой и фактографичный портрет маленького героя. Без ложного пафоса писатель показывает, как в рамках одного времени-пространства вынуждено сосуществуют две несоединимые реальности: определяющее будущее человека светлое и чистое время детства, когда весь мир открыт перед ребенком, и время войны — период глубочайших личных и общественных потрясений, потерь и трагедий, груз которых задает и настоящее, и будущее человека, определяет его мироощущение, ценности, показывая подлинное «Я» на фоне нечеловеческих условий и обрекая на ситуации выбора, когда одним из вариантов может быть гибель.

Звучит в рассказе и тема памяти. В письме фронтовика подчеркивается значимость произведений о войне и для переживших ее людей, и для последующих поколений, не столкнувшихся с тяготами и трагедиями военных лет: *«Письмо помогала написать мне старшая дочка-студентка. Она читала ваши книжки про войну. Теперь читаю их я. Тяжело вспоминать войну, но не вспоминать еще тяжелей»* [Ханинова 2024б: 81]. И это письмо, дошедшее до нас благодаря писательскому мастерству Р. М. Ханиновой, заставляет задуматься о смысле человеческой жизни, вполне очевидном и понятном мальчишке, как говорит он сам: *«Да на войне как на войне»* [Ханинова 2024б: 82].

Но именно война помогает увидеть истинные ценности, расставить подлинные приоритеты. И это еще раз подтверждает писатель, знакомя

читателя со взрослым Александром Александровичем во второй части рассказа. В этом обычном на вид человеке, представленном через скупое авторское описание, просвечивается образ того же цельного и самодостаточного мальчика. Тот самый образ героя, поразившего рассказчика-фронтовика еще на войне, а позже и встретившегося со взрослым Сан Санычем писателя, да и каждого, прочитавшего рассказ калмыцкого автора:

«— Я заметил, — сказал писатель, — что настоящие герои всегда скромные. Как наш гость. А на вашем заводе знают, с кем они вместе работают?..

— Я не один был на войне, — просто ответил Сергеев» [Ханинова 2024б: 82–83].

И этот раскрытый писателем образ человека на войне созвучен, как справедливо отметил И. Б. Ничипоров, и другому ее участнику — автору письма — в его прозвучавшей при осмыслении военного опыта позиции: «дело не во мне» [Ничипоров 2016: 308], а по сути — помножен на сотни и тысячи образов участников событий Великой Отечественной войны, придав рассказу такую глубину и проникновенность.

5. Рассказ «Материнский хлеб» (2015)

«Материнский хлеб», открывающий цикл «Военная быль» во втором разделе сборника прозы Р. М. Ханиновой, — короткий рассказ, также созданный под впечатлением реальных историй военных и послевоенных лет, услышанных автором по телевидению в день празднования Великой Победы воспоминаний ветерана [Ханинова 2024б: 4]. Это самое маленькое, глубоко личностное и исповедальное произведение цикла начинается со слов-размышлений: *«Я не знаю, с чем это можно связать. И как это понять. Думаю об этом до сих пор. Но объяснений не нахожу»* [Ханинова 2024б: 149]. И размышлениями же заканчивается: *«Что меня хранило тогда? Этот хлеб? Мамино благословение? И то, и другое? Я не могу понять. А вы?..»* [Ханинова 2024б: 150].

Сюжет, лежащий между этими двумя частями, прост и занимает менее страницы текста. В повествовании от первого лица рассказывается о том, как мать, провожая единственного сына в армию, дает ему с собой кусок ржаного хлеба, наказывая съесть его уже там. А «там» *«всяко бывало — под пулями, под снарядами надо было выполнять свою работу. Всю войну прошел без единой царапины. Вернулся к маме, пережившей блокаду. О том хлебе мы с ней не вспоминали»* [Ханинова 2024б: 149]. И все же это воспоминание осталось для героя рассказа главным «военным» воспоминанием, прочно связывающим его с уже покинувшей этот мир матерью [Ханинова 2024б: 149].

Интересен сам жанр произведения. Первое, что бросается в глаза, — это «рисунок» текста, его пространственная организация и подчеркнутая схематичность (как тут не вспомнить графические стихи Р. М. Ханиновой!). Кроме первого абзаца, практически каждая фраза тезисна, каждая мысль умещается в 1–2 предложения и предстает подлинным реалистич-

ным воспоминанием, даже «вспоминанием», осуществляемым на наших глазах, но выверенным и отточенным временем. Благодаря этому рассказ, несмотря на то, что носит повествовательный характер, нацеливает читателя на созерцательность и читается как стихотворение в прозе, воплотившее главные особенности этого жанра: экономия вербальных средств, сжатие сюжета и сосредоточение его на ключевом моменте, а также внутренняя незавершенность финала истории, внешне простой и очевидной.

С другой стороны, произведение содержит и черты притчи. Оно, несмотря на упоминание конкретных мест и соотносительность с определенными событиями (интересно, что в предисловии к книге автор сам подчеркивает, что локация была внесена им уже в более позднюю редакцию рассказа), носит вневременной характер, сосредоточено на универсальных ценностях, отсылает к архетипическому образу матери, вызывая стойкие ассоциации названия «Материнский хлеб» с материнским благословием, материнской заботой, теплом материнского сердца. Кусочек черного хлеба выступает тем оберегом, который, как видится рассказчику, хранил его на войне, а, возможно, помог и матери воссоединиться после войны с сыном: пережить страшные годы блокады, когда цена хлеба зачастую сравнивалась с ценой жизни.

Возможно ли описанное в рассказе? Писатель не дает ответ на этот вопрос, а, наоборот, открыто задает его читателю, нацеливая его на прочтение и других произведений цикла уже под этим ракурсом, давая установку на их восприятие не случайным образом, а именно следуя этому вектору.

6. Рассказ «Печник» (2015)

Документальный материал, который лег в основу еще одного рассказа цикла, достался Р. М. Ханиновой «по наследству»: образ печника, как упоминает она, был взят ею для одноименного произведения из семейного архива отца, где хранилась газетная заметка о перипетиях жизни печника Тихона в военное и послевоенное время. Сам рассказ представляет собой многоуровневое повествование со сложной композицией. Сюжет представлен не напрямую, а передан через восприятие людей разных поколений — внука и деда: последний рассказывает школьнику о прочитанной им и прочно засевшей в его памяти заметке из газеты «Красная звезда» 1963 г.

Все произведение, начинающееся как диалог пожилого Макара Трифоновича и его внука Миши, по сути, — полемика разных взглядов и разного восприятия: напрямую они не спорят о прошлом, но видят его каждый по-своему. И эта разница взглядов сначала обращена на стихотворение военных лет А. Т. Твардовского «Ленин и печник», в котором идеализируется и мифологизируется образ могущественного, но одновременно человечного и доступного вождя, и на чтение учительницей текста по-новому, «между строк», доводя сюжет стихотворения в попытке его демифологизации до абсурда. И дети с энтузиазмом поддерживают педагога в крити-

ке «старого мира» и трактовке текста как отражения репрессий против крестьян, о чем напрямую заявляет деду внук:

« — Ну вот встретился Ленин, когда жил в Горках, с местным печником, а тот, не зная, кто перед ним, обругал его за то, что он топчет покосы. А когда узнал, что это сам Ленин, „так и сел старик“ — И что?

— Испугался, значит. „Сел“ — он и в прямом смысле мог сесть в тюрьму.

— За что? — удивился Макар Трифонович.

— За то, что начальство обругал, самого главного человека в стране.

<...>

Время прошло, лето, осень, и зима наступила. А печник все тот случай помнит, тревожится. И не зря. Приехали все-таки за ним два военных седока. <...> А печник тоже все понял: „Свесил руки: — Вот он я“. Так и написано, „свесил руки“, ждет, когда наручники наденут» [Ханинова 2024б: 87–88].

Миша и Макар Трифонович (случайно ли отчество деда совпадает с отчеством Александра Трифоновича Твардовского (1910–1971) как подчеркивание близости видения ими описанной в стихотворении истории?) не понимают друг друга, оценивая одни и те же события в свете, с одной стороны, современных, а с другой — традиционных для советского человека ценностей:

« — Значит, хороший мастер, — сказал дедушка, — раз к Ленину привезли.

— А Ленька из нашего класса сказал, что это использование служебного положения.

— Как так?

— А так. Не будет же печник у Ленина деньги просить за свою работу. Рад, что легко отделался. Печку отремонтировал. Домой вернулся.

— Разве нельзя сделать доброе дело человеку? — удивился дедушка.

— А почему Ленин ему не заплатил за работу? Ты об этом подумал, дедушка? Мог бы заплатить. Раз похвалил еще за работу. <...>

— А, может, Владимир Ильич подумал, что обидит этим печника, когда даст ему деньги? — подсказал Макар Трифонович.

— Кого же деньгами можно обидеть, дедушка?» [Ханинова 2024б: 89].

И все-таки дед помог внуку выйти на простые и понятные общечеловеческие ценности:

« — Дедушка, что же остается тогда между строк? <...>

— Вот как хорошо кончилось. Помог делом, сделал добро. Вот что между строк, как ты говоришь» [Ханинова 2024б: 90].

Как другой пример того, что скрыто «между строк» самой жизни: «Жизнь сама тебе придумает, только успевай записывать», — Макар Трифонович рассказывает внуку о судьбе другого печника «не из книжки», а из заметки в газете, произведшей на него глубокое впечатление и отпечатавшейся в памяти на многие годы, а внуком изначально воспринятой крайне скептически как заведомо неинтересная, поскольку повествует о

жизни, по образному определению Миши, человека из «пещерного века», который «всю жизнь с печами провозился» [Ханинова 2024б: 91]. И опять автор подчеркивает разницу во взглядах поколений, сложность понимания молодежью масштабы и глубины влияния на военные и послевоенные поколения трагичных и героических лет Великой Отечественной войны. Даже само начало рассказа о попавшем в окружение на войне человеке в этом плане весьма показательно: *«На какой войне? — уточнил внук. — На афганской?»*. И ответ деда, для которого ВОЙНА априори одна: *«На какой? Известно, на Отечественной, которая в сорок первом году началась»* [Ханинова 2024б: 91].

Это рассказ о Тихоне «то ли Горшкове, то ли Гончаре» — одном из подлинных, а не «картинных» героев войны, дважды стоявшем перед лицом смерти и не поддавшемся ей; о войне, искалечившей его тело и оставившей ему «на память» тяжелые ранения в голову и грудь, выбитые передние зубы и изуродованные фрицами кисти, отмороженные пальцы рук и ног, которые пришлось ампутировать подручными средствами. Но оставила она и проявления подлинного самопожертвования спасавших печника людей, настоящую дружбу и поддержку сослуживцев. Чуть не сломала Тихона уже послевоенная советская власть, когда в райвоенкомате ему, как и многим, кто «был под немцами», выразили недоверие, но она же, в лице одного двадцатипятилетнего (и «А, это те, которые коллективизацию в деревне проводили, — вспомнил внук»), ставшего напарником Тихона в изготовлении печей, и спасла его:

«— Вот этот Андрей Иванович и помог Тихону, стали они вместе работать, как когда-то с Зиминым. Не все получалось, понимаешь, сразу. И кирпичи из рук падали на ноги, лопаточка не держалась, молоток скользил. И печки получались не сразу. Но ведь под лежащий камень вода не течет, поговорку знаешь. Сложили они не одну печь...» [Ханинова 2024б: 94–95].

Трогательным завершением истории Гончара стал визит к нему дочери сестры скрывшего печника от немцев Никиты Ивановича Прошкина, по поводу которой Миша высказался не без иронии: *«В общем, телепередача „Жди меня“»,* — бросив дальше и саркастичное замечание по поводу стихотворения Константина Михайловича Симонова (1915–1979): *«четыренадцать раз „Жди меня“ на тридцать шесть строк»* [Ханинова 2024б: 95].

И здесь автор подводит итоги длившейся на протяжении всего рассказа полемики:

«— Да хоть все тридцать шесть „Жди меня“, — укорил Мишу дед. — Не понять вам, молодым...»

— Не сердись, дед. Каждому свое. У вас свои войны и воспоминания, у других свои войны и воспоминания. Но я согласен, твой печник — супер».

Рассказ изобилует литературными аллюзиями и отсылками (упомянутые стихотворения А. Т. Твардовского и К. М. Симонова; зовут печника Тихон, по замечанию Миши, «как мужа Катерины из „Грозы“» А. Н. Островского; ассоциации с подвигом Алексея Маресьева, о судьбе которого Миша

узнал из «Повести о настоящем человеке» Б. Н. Полевого), позволяющими и лучше очертить образы героев, и показать видение войны глазами ее современников.

В итоге Р. М. Ханинова подводит читателя к пониманию того, что тема войны в литературе не должна быть полна ложного пафоса, но и не может сводиться к политизированному, в духе той или иной власти, прочтению. И для описания этого подлинного героизма неприменимы громкие слова и патетичные описания.

7. Рассказ «Знамя» (2017)

В начале написанного в 2017 г. рассказа «Знамя» мы вместе с его персонажами — дедушкой и внуком — попадаем в Музей истории Великой Отечественной войны в Минске. Интересна и датировка с указанием места произведения, написанного автором под впечатлениями экскурсии и как будто приуроченного по дате создания к отмечаемому и в России, и в Белоруссии Дню защитника Отечества: «23–24 февраля 2017 г. Минск — Москва — Элиста». Как и в рассказе «Печник», мы встречаемся с двумя представителями разных поколений — дедушкой и внуком, стоявших перед боевыми знаменами, скрытыми за стеклянной витриной. И если дед *«пристально смотрел на какую-то вещь, над чем-то задумавшись»*, то маленький внук, со свойственной ребенку, да, впрочем, и современным взрослым нетерпеливостью, торопил его, воспринимая все музейные экспозиции как символы прошедшего, складывающихся в размытую и малоинтересную картину славного, но такого далекого прошлого, никак не соотносимого с современной жизнью:

« — Дедушка, пойдем дальше. Это мы уже посмотрели. <...>

— Подожди, внучек. Знаешь, что это такое?

Он показал на красное знамя, в развороте прикрепленное к стенду.

— Знаю, знамя, — ответил мальчик. — Мы их уже видели в соседних залах.

— Это не простые знамена, а боевые, — объяснил ветеран войны. — За каждым из них своя славная история, раз они в музее находятся. За них люди жизнь свою отдавали, кровь проливали, но врагу не отдали. Потеря знамени — позор и бесчестье для войска. Присягу принимали перед знаменем.

— Да, слышал, — спокойно отозвался внук.

— Слышал, да не понял, — почему-то недовольно сказал дедушка» [Ханинова 2024б: 97].

Восприятие ребенка меняется, когда он слышит из уст деда, а затем и экскурсовода, что знамя *«было вынесено из окружения... в июне 1941 года»* тогда еще молодым лейтенантом Романом Петровичем Месником с группой бойцов, а спасли это знамя прадедушка и прабабушка мальчика:

« — Они тоже воевали, как ты, дедушка? — удивился внук.

— Нет, не воевали, как я. Хотя как посмотреть...» [Ханинова 2024б: 97].

И этой последней фразой писатель, как уже неоднократно в своих произведениях, подчеркивает сопричастность к победе всего народа: воевать можно по-разному, не только находясь на передовой.

При этом мальчик не понимает своего деда, не представившегося экскурсоводу и его группе, когда та упоминала о подвиге его близких и его самого:

«— Дедушка, так это ты сам знамя спас? — удивился мальчик, когда пошли к выходу.

— Не обошлось, как слышал, и без меня, — согласился тот.

— А что же ты промолчал? Надо было сказать, вот я рядом. Почему тебя экскурсовод не узнала?

— Не хотел ее перебивать. Она же на работе. Да и молодая, всех не упомнишь, о ком говоришь, — объяснил старик.

— Зря, дедушка. Людям было бы интересно посмотреть на тебя, — заметил внук» [Ханинова 2024б: 97].

Эти слова звучат в унисон с позицией главного героя рассказа «Сан Саныч», также считавшего, что он не вправе говорить о себе отдельно, поскольку их, участников войны, миллионы, а он всего лишь один из «всех воевавших».

Но для ребенка все выглядит совсем иначе: появляется у него интерес и к самому слову «знамя», произошедшему от «знамение», «знаменовать» (именно поэтому, как подчеркивает Роман Петрович, «одна из первых почетных наград уже в Красной армии — орден Красного знамени» [Ханинова 2024б: 99]), которое ему объясняет дед, и к реалиям войны, которые внезапно оказались так близко.

Дома дедушка открывает юному Алесю историю спасения знамени и рассказывает, как сложна и далека был его дорога до взятия Берлина и «святого праздника» девятого мая, как он в течение семи месяцев после тяжелого ранения находился в госпитале, но вновь встал в строй и вернулся на фронт, как рисковали его родные — отец и тетя, скрывая от врагов знамя, три года находясь «под немцами». А когда мальчик спрашивает деда о том, почему тот не рассказывал ему обо всем этом раньше, тот передает ему, как Боевое Знамя, эстафету памяти:

«— Раньше ты был маленьким... Досталось всем. Недаром война Отечественная называется. Всем миром навалились, а врагу свою землю не отдали. Как и знамена свои» [Ханинова 2024б: 103].

И к концу этого рассказа мы видим уже совершенно другого ребенка, для которого война стала его личной историей, историей его семьи и всего его народа. Историей, которой он хочет поделиться со всеми:

«— Может, и в школу к нам придешь, дедушка? Расскажешь, как воевал, — предложил внук. — Вон у тебя сколько наград!

— Позовете — приду, — сказал дедушка. — А главная моя награда — это то, что войны больше нет. Да, пожалуй, и боевое знамя нашего полка, которое ты видел сегодня в музее» [Ханинова 2024б: 103].

Эта эстафета памяти была поддержана и ставропольскими учеными, включившими этот рассказ в учебник для детей с особыми образовательными потребностями в коммуникации «Родная словесность» [[Родная словесность 2024: 168–176](#)] как образец яркого и эмоционально насыщенного повествования, простого и доступного по композиции и содержанию; близкого детской аудитории и по восприятию образов героев, и по понятным, ценностно значимым аспектам текста, обладающего просветительским потенциалом (отдельного внимания заслуживает развернутое описание значения слов «знамя» и его значимости на поле боя и обращение к фольклорному материалу — пословицам на русском и белорусском языках) и реализующего задачи сохранения культурного и исторического наследия.

8. Рассказ «Меч для героя» (2024)

Обращаясь к военной теме в прозе Р. М. Ханиновой, мы не могли не остановиться на последнем рассказе 2024 г. «Меч для героя» [[Ханинова 2024а: 48–52](#)], название которого вынесено писателем и в название первого, открывающего сборник его прозы раздела (сам же рассказ завершает этот раздел), рассказывающем о военной биографии «главного человека в его судьбе» — отца. Не случайно ему посвящены последние рассказы цикла, в том числе «Это было в Сенино». В произведении также раскрывается глубоко волнующая автора тема связи литературы и жизни, литературы и памяти, актуализируется понимание феномена литературы как возможности истинного погружения в события прошлого, связывающего людей через года и расстояния. По признанию писателя, осуществляется «необходимый для меня диалог как дочери, литературоведа, писателя. Мне повезло. Это и счастье, и ответственность, и дочерний долг» [[Ханинова 2024б: 3](#)].

Произведение носит биографический характер и имеет разрозненную композицию: объединяющая завязка рассказа — начало 70-х гг. XX в., в которой описывается жизнь главного героя-пенсионера и удивительная для него находка на полках книжного магазина, развитие сюжета, включающее воспоминания фронтовика о довоенном и военном времени, где кратко, но емко раскрываются факты его биографии, за которыми стоят глобальные события отечественной истории; другая часть «военных» воспоминаний — уже о событиях в партизанском отряде Миши Черного; кульминация, в которой звучит связь военного времени с мирным через описание прекрасного и душевного подарка героя рассказа для бывшего командира; развязка, приводимая в строках обратного письма.

Само произведение посвящено памяти Дмитрия Григорьевича Мельникова, который, уже будучи пенсионером, случайно почти через три десятилетия с момента последней встречи на войне вновь «встречает» своего боевого командира, Михаила Хонинова, в книжном магазине как автора сборника стихов:

«— А новое из стихов, Светлана Игоревна, что посоветуете?»

Продавец протянула ему небольшую книжку.

— Калмыцкий поэт. Воевал в Белоруссии, как и вы, Дмитрий Григорьевич. Почитайте.

— Так я на калмыцком не читаю.

— Это в русском переводе.

Дмитрий Григорьевич уже с интересом взял предложенную книжку, взгляделся в обложку — „Все начинается с дороги“, прочитав имя и фамилию поэта. Лицо его выразило удивление. Он взгляделся в фотографию — по степи шел мужчина, ведя за собой коня, — и радостно воскликнул:

— Не может быть!

— А что случилось?

Дмитрий Григорьевич показал продавцу обложку книги.

— Да это же мой командир партизанской роты!

— Поэтом стал? — поинтересовалась Светлана Игоревна.

— Он до войны еще печатал свои стихи. А теперь, значит, поэт.

Мы с ним расстались в конце войны. Его летом 1944 года демобилизовали из армии. С тех пор ничего о нем не знал. Вот так встреча! Это надо же! Через двадцать восемь лет...» [Ханинова 2024б: 35–36].

Жизнь Дмитрия Григорьевича до и во время войны раскрывается в его разговоре с женой как пересказ разговора-допроса вышедшего из окружения без документов бойца с поверившим и принявшим его в отряд Мишей Черным. Из воспоминаний фронтовика мы узнаем, что сам он «из крестьян. Полного курса начальной школы не прошел по причине бедности и всяких войн — первой мировой и нашей гражданской. Сам себя образовывал мало-помалу» (а сейчас пред нами человек, у которого дома регулярно пополняемая большая домашняя библиотека; здесь интересна отсылка и к зачинателю русского исторического романа Ивану Ивановичу Лажечникову, книгу которого он как раз и отложил для себя перед встречей с томиком стихов Михаила Хонинова); был арестован из-за того, что не уберег от беды колхозную лошадь и отправлен на строительство Беломор-Балтийского канала, где «намаялся с киркой и лопатой. Выжил и там»; во время войны потому и оказался в штрафбате, а затем «из окружения в окружение..., так и скитался» [Ханинова 2024б: 37].

Итоги такой непростой судьбы (которую, как замечает сам герой, «не на один роман хватило бы») подводятся словами жены: «Тридцать три годочка тебе было. А сколько пережито! И гражданская, и коллективизация, и голод, и канал этот треклятый, и штрафбат, и окружение...» [Ханинова 2024б: 37].

Вторая часть событий военных лет повествует уже о жизни Дмитрия в отряде в качестве сначала кашевара, а затем уже бойца и соратника после спасения им жизни товарищей от пытавшихся отравить их лазутчиков, прибывших к партизанам под видом беженцев. Эта история демонстрирует великодушие и риск, на который шел командир, принявший к себе окруженца и поверивший ему, но подтверждает и старую истину: «В жизни все возвращается бумерангом!».

Затем мы снова возвращаемся вместе с Дмитрием Григорьевичем в мирное время и, поскольку герой им уже определен, остается узнать, каким же мечом вооружит его жизнь. Далее следует трогательное несовпадение читательских ожиданий от вынесенного в название произведения, несомненно, героического меча (а какой он еще может быть в рассказе о Великой Отечественной войне?) и образа прекрасного и хрупкого цветка, символизирующего мужество и храбрость, название которого переводится как «меч». Это новый сорт гладиолуса, выведенный ветераном и названный в честь своего боевого командира Миши Черного. Именно он и стал тем самым мечом для героя. Не случаен и бордовый цвет цветка: не просто красный — цвет мужества и крови, а темно-красный (сразу же вспоминается приведенное в рассказе описание: *«Младший лейтенант, какой-то азиатской внешности, был смуглый, волосы черные, глаза черные. И потому прозвали его Мишей Черным»* [Ханинова 2024б: 38]).

Все уважение и любовь Дмитрия Григорьевича, ныне цветовода-любителя, к своему боевому командиру воплотились в результатах его мирного и созидательного увлечения. Именно поэтому мы видим в конце произведения два тянущихся к свету и выступающих связующим звеном военного и мирного времени цветка, выросших в Элисте, о которых повествуется в ответном письме: *«Всей семьей наблюдали, как растут растения... И вот в конце августа увидели, как расцвел бордовый гладиолус „Миша Черный“, а рядом забелел другой гладиолус по имени „Нина“, в честь жены командира...»* [Ханинова 2024б: 40].

9. Заключение

Несомненно, особенности художественного мира писателя и филолога Р. М. Ханиновой обусловлены не только творческим видением действительности, но и литературоведческой интуицией, глубокими знаниями теории и истории литературы, билингвальным мышлением, сосредоточенностью на отечественной культуре. Она демонстрирует умение быть в тексте и одновременно наблюдать за ним, встраивая его в картину бытия и собственного творчества, что обеспечивает объемность и многоуровневость произведений писателя, позволяет так тонко и глубоко и в то же время просто и доступно раскрывать в прозе тему войны, поддерживая связь между поколениями и порождая созвучие в ее восприятии.

Сочетание подлинно пережитого, биографического и художественное осмысление его автором, представленное современному читателю, создает эффект объемного интерактивного представления, когда война, трагедия и героизм отдельного человека и всего народа выстраиваются в единую цельную картину.

Остались единицы очевидцев тех событий — по всей России на начало 2025 г., по данным главы Минобороны Андрея Белоусова, около 7 000 ветеранов [Абрамов 2025]. Это усиливает значимость рассказов цикла Р. М. Ханиновой «Военная быль»: мы можем еще раз посмотреть на те события — часть нашей истории и нашего, определяемого ею настоящего, — «на-

прямую», глазами реальных участников Великой Отечественной войны, передавая память следующим поколениям. Неслучайно рассказы «Знамя», «Пуля», «Картина» из этого цикла «Военная быль» позднее появились и на страницах всероссийской «Литературной газеты» [Ханинова 2023: 18; Ханинова 2024в: 22; Ханинова 2025:], а многие рассказы из этого же цикла — и в антологии «Победа» (2025) [Победа 2025: 265–313].

Источники

- Победа 2025 — Победа: антология калмыцкой лирики и рассказа XX – начала XXI вв. / сост., подг. текста, предисл. Р. М. Ханиновой. Элиста: КалмНЦ РАН, 2025. 320 с.
- Ханинова 2016 — Ханинова Р. Из цикла «Военная быль»: Сан Саныч; Партизанская мадонна; Пуля; Материнский хлеб; Собака; Печник: рассказы // Теегин герл. 2016. № 2. С. 21–40.
- Ханинова 2019 — Ханинова Р. Из цикла «Военные были»: Это было в Сенино; Знамя: рассказы // Теегин герл. 2019. № 3. С. 3–17.
- Ханинова 2023 — Ханинова Р. Знамя // Литературная газета. 2023. 29 марта. С. 18.
- Ханинова 2024а — Ханинова Р. Меч для героя // Теегин герл. 2024. № 3. С. 48–52.
- Ханинова 2024б — Ханинова Р. М. Одинокое дерево: Избранная проза / предисл. Р. М. Ханиновой. Элиста: КалмНЦ РАН, 2024. 368 с.
- Ханинова 2024в — Ханинова Р. Пуля // Литературная газета. 2024. 9 октября. С. 22.
- Ханинова 2025 — Ханинова Р. Картина // Литературная газета. 2025. 23–29 апреля. С. 22.

Литература

- Абрамов 2025 — Абрамов Н. Белоусов раскрыл число оставшихся в России ветеранов Великой Отечественной войны // Российское новостное интернет-издание Lenta.ru. 15.01.2025 [электронный ресурс] // URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2025/01/15/24839000.shtml?ysclid=m8xaldezfi389070097> (дата обращения: 17.02.2025).
- Бурыкин 2005а — Бурыкин А. А. Обретение идентичности (к 50-летию поэтессы Риммы Ханиновой) // Теегин герл. 2005. № 4. С. 98–113.
- Бурыкин 2005б — Бурыкин А. А. Обретение идентичности (к 50-летию поэтессы Риммы Ханиновой) // Теегин герл. 2005. № 5. С. 107–113.
- Валетова 2020а — Валетова Э. Г. Новые сказки Риммы Ханиновой в школьном изучении (на примере сказок «Одинокое дерево», «Альбинос», «Герюш») // Сетевое востоковедение: культурные ценности Востока в орбите современных научных исследований: Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 17–18 декабря 2020 г.). Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 224–229.
- Валетова 2020б — Валетова Э. Г. Сказки Риммы Ханиновой в школьном изучении («Безымянный», «Суслик», «Верблюжья колючка») // Сетевое востоковедение: культурные ценности Востока в орбите современных научных исследований: Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 17–18 декабря 2020 г.). Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 229–234.
- Джаджиева 2024 — Джаджиева Д. А. Семантика лужи в сказке Риммы Ханиновой «Лужа» и сказке Ганса Христиана Андерсена «Капля воды» // Сетевое востоковедение: Россия и Восток в контексте историко-культурного и научного взаимодействия: Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 24–25 октября 2024 г.). Элиста: Калм. ун-т, 2024. С. 23–29.
- Диалоги во времени 2014 — Диалоги во времени и пространстве: поэзия Риммы Ханиновой: учебное пособие. Элиста: Калм. ун-т, 2014. 228 с.

- Иванова 2020 — *Иванова Д. А.* Калмыцкий быт в сказке «Герюш» Риммы Ханиновой // Сетевое востоковедение: культурные ценности Востока в орбите современных научных исследований: Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 17–18 декабря 2020 г.). Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 263–268.
- Иванова 2021 — *Иванова Д. А.* Авторская мифологема о радуге в сказке Риммы Ханиновой «Хромая старуха» // Сетевое востоковедение: мир Востока и Восток в мире: Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 30 ноября 2021 г.). Элиста: Калм. ун-т, 2021. С. 253–257.
- Иванова 2024 — *Иванова И.* Дерево прозы Риммы Ханиновой // Хальмг үнн. 2024. 29 августа. С. 5.
- Конеева 2017а — *Конеева Е. В.* Военная тема в современной калмыцкой прозе: рассказ Р. Ханиновой «Партизанская мадонна» // Слово и текст в культурном и политическом пространстве: Мат-лы Всеросс. с междунар. участием науч. конф. студентов и аспирантов (г. Сыктывкар, 21 апреля 2017 г.). Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т им. Питирима Сорокина, 2017. С. 185–186.
- Конеева 2017б — *Конеева Е. В.* Тема военного детства в современной русскоязычной прозе Калмыкии: рассказ Р. Ханиновой «Сан Саных» // Кирилло-Мефодиевские чтения – 2017 в Калмыцком государственном университете им. Б. Б. Городовикова. Мат-лы Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 23 мая 2017 г.). Элиста: Калм. ун-т, 2017. С. 82–84.
- Конеева 2018 — *Конеева Е. В.* Поэтика рассказа Риммы Ханиновой «Бутылка» о депортации и сибирской ссылке // Кирилло-Мефодиевские чтения-2018 в Калмыцком государственном университете им. Б. Б. Городовикова: лингвокультурный, исторический и межконфессиональный диалог. Мат-лы Межрегион. науч. конф. с междунар. участием (г. Элиста, 23 мая 2018 г.). Элиста: Калм. ун-т, 2018. С. 136–139.
- Менкенова 2017 — *Менкенова Г. В.* Рассказы Риммы Ханиновой «Сибирская быль» в аспекте темы депортации // Татьянанин день: сб. статей и мат-лов XIV Всеросс. науч.-практ. конф. «Литературоведение и эстетика в XXI веке» («Татьянин день»), посвящ. памяти Т. А. Геллер (г. Казань, 23–25 января 2017 г.). Вып. 14. Казань: Школа, 2018. С. 23–26.
- Метафоры и метаморфозы 2014 — Метафоры и метаморфозы поэзии Риммы Ханиновой: монография / под науч. ред. проф. А. А. Фокина. Элиста: Калм. ун-т, 2014. 240 с.
- Ничипоров 2015 — *Ничипоров И.* Тема войны в лирике Риммы Ханиновой // Теегин герл. 2015. № 2. С. 44–45.
- Ничипоров 2016 — *Ничипоров И. Б.* Русскоязычная военная новеллистика Риммы Ханиновой: поэтика вещных образов // Русский язык в иноязычном окружении: современное состояние, перспективы развития, культурно-речевые проблемы. Мат-лы Росс. науч. конф. с междунар. участием (г. Элиста, 24–26 октября 2016 г.). Элиста: Джангар, 2016. С. 305–309.
- Родная словесность 2024 — Родная словесность для детей с особыми образовательными потребностями в коммуникации (уровень В1-В2): учебник / под общ. ред. А. А. Фокина. Ставрополь: СГПИ; Дизайн-студия Б, 2024. 198 с.
- Современная русскоязычная поэзия 2013 — Современная русскоязычная поэзия Калмыкии. Элиста: Калм. ун-т, 2013. 128 с.
- Топалова 2014 — *Топалова Д. Ю.* Русскоязычная поэзия Калмыкии: лирика Д. Насунова и Р. Ханиновой: монография. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 256 с.
- Ханинова 2015 — *Ханинова Р. М.* «Беларуси-партизанки сын...». Михаил Хонин — Миша Черный: учеб. пособие. Элиста: Калм. ун-т, 2015. 242 с.

УДК / UDC 821.512.37+82-1

Мотив Вечного огня в калмыцкой лирике о Великой Отечественной войне

Римма Михайловна Ханинова¹

The Motive of the Eternal Flame in Kalmyk Lyrics about the Great Patriotic War

Rimma M. Khaninova¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation) Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate научный сотрудник

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova[at]bk.ru

Аннотация. *Введение.* Мотив Вечного огня в калмыцкой лирике о Великой Отечественной войне не был объектом и предметом исследования. *Материалом* для статьи послужили стихи калмыцких поэтов разных поколений. *Цель* статьи — рассмотреть мотив Вечного огня в калмыцкой лирике в аспекте исторической и личной памяти о Великой Отечественной войне. *Результаты.* В калмыцкой лирике мотив Вечного огня в основном связан с братским мемориалом в Элисте, созданном в 1965 г. к 20-летию Великой Победы. Первые стихи об элистинском мемориальном комплексе появляются с середины 1960-х гг. Это произведения поэтов-фронтовиков Михаила Хонинова и Андрея Джимбиева, а также тех, кто не был участником прошедшей войны, — Хасыра Сян-Белгина, Константина Эрендженова, Санжары Байдыева, Егора Буджалова, Боси Сангаджиевой. В стихотворении М. В. Хонинова есть посвящение скульптору Никите Санджиеву, одному из соавторов мемориального комплекса. Во многих текстах экфрасис воспроизводит детали этого мемориала: три пилона, Вечный огонь на постаменте в виде пятиконечной звезды, скульптурная группа из пяти обобщенных портретов героев Гражданской и Отечественной войн, мемориальные плиты с надписями и именами. В названиях стихотворений указаны ключевые словосочетания: «Мөңк хал» («Веч-

ный огонь») или «Баатрмудин бумб Элстд» («Памятник героям в Элисте»), «Элстин бумб» («Элистинский памятник»). Во всех текстах ключевое словосочетание «Мөңк хал» («Вечный огонь») передает авторские интенции об исторической и личной памяти, о героизме участников Великой Отечественной войны, о связи поколений, о Дне Победы. Для многих текстов характерны дидактические интонации, завершающие йорялы-благопожелания о мире и благоденствии, риторические вопросы, обращение к читателю, прежде всего, к молодежи. Мотив Вечного огня присутствует только в стихах калмыцких поэтов старшего поколения, время их создания относится к прошлому столетию. В современной калмыцкой лирике нет обращения к этой теме. Часть стихотворений переведена на русский язык, но не всегда авторские и переводческие стратегии совпадают.

Ключевые слова: калмыцкая лирика, Вечный огонь, Великая Отечественная война, экфрасис, поэтика

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Мотив Вечного огня в калмыцкой лирике о Великой Отечественной войне // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 1. С. 87–98. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-87-98

Abstract. Introduction. The motive of the Eternal Flame in the Kalmyk lyrics about the Great Patriotic War was not the object and subject of the study. *The material* for the article was the poems of the Kalmyk poets of different generations. *The purpose* of the article is to consider the motive of the Eternal Flame in Kalmyk lyrics in the aspect of historical and personal memory of the Great Patriotic War. *Results.* In Kalmyk lyrics, the motive of the Eternal Flame is mainly associated with the fraternal memorial in Elista, created in 1965 for the 20th anniversary of the Great Victory. The first poems about the Elista memorial complex appear in the mid-1960s. These are the works of war veteran poets Mikhail Khoninov and Andrei Dzhimbiev, as well as those who were not participants in the past war - Khasyr Syan-Belgin, Konstantin Erendzhenov, Sanzhara Baydyev, Yegor Budzhalov, Bosya Sangadzhieva. M. V. Khoninov's poem is dedicated to the sculptor Nikita Sandzhiev, one of the co-authors of the memorial complex. In many texts, the ekphrasis reproduces the details of this memorial: three pylons, the Eternal Flame on a pedestal in the form of a five-pointed star, a sculptural group of five generalized portraits of heroes of the Civil and Patriotic Wars, memorial plaques with inscriptions and names. The titles of the poems contain key phrases: "Myonk gal" ("Eternal Flame") or "Baatrmudin Bumb Elstd" ("Monument to the Heroes in Elista"), "Elstin Bumb" ("Elista Monument"). In all the texts the key phrase "Myonk gal" ("Eternal Flame") conveys the author's intentions about historical and personal memory, about the heroism of the participants of the Great Patriotic War, as well as the connection between generations and the Victory Day. Many texts are characterized by didactic intonations, that finalize yoryals-blessings for peace and prosperity, rhetorical questions, an appeal to the reader, first of all, to the youth. The motive of the Eternal Flame is present only in the poems of Kalmyk poets of the older generation, which were written in the last century. In modern Kalmyk lyrics there is no appeal to this theme. Some poems have been translated into Russian, however, the author's and translation strategies do not always coincide.

Keywords: Kalmyk lyrics, Eternal Flame, Great Patriotic War, ekphrasis, poetics

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 “Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China”.

For citation: Khaninova R. M. The Motive of the Eternal Flame in Kalmyk Lyrics about the Great Patriotic War. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025. No. 1. Pp. 87–98. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-87-98

1. Введение

Теме Великой Отечественной войны в калмыцкой поэзии, в частности в творчестве отдельных поэтов, адресованы статьи исследователей, например, Д. Б. Дорджиевой [Дорджиева 1973], З. И. Килгановой [Килганова 1973; Килганова 1977], Р. М. Ханиновой [Ханинова 2025а; Ханинова 2025б; Ханинова 2025в], Д. А. Джаджиевой [Ханинова, Джаджиева 2025], и монографии о калмыцкой литературе В. Д. Пюрвеева [Пюрвеев 1996], Р. А. Джамбиновой [Джамбинова 1996; Джамбинова 2003], Ю. Б. Розенблюма [Розенблюм 1970; Розенблюм 1976; Розенблюм 1980], Р. М. Ханиновой [Ханинова 2008; Ханинова 2021]. Единственная монография о теме Великой Отечественной войны в творчестве писателей-фронтовиков была написана Н. Н. Поляковым более полувека назад на материале русских переводов произведений [Поляков 1970].

Стихи калмыцких поэтов о Вечном огне еще не были исследованы. Обычно они связаны с братским мемориальным комплексом в Элисте, созданном в 1965 г. к 20-летию Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Старшее поколение калмыцких поэтов адресовало также свои стихи скульптору Никите Амолдановичу Санджиеву (1924–1994), автору монументальной группы на мемориальном комплексе памятника О. И. Городовикову. Первые стихи о братском мемориале в Элисте появляются с середины 1960-х гг. Часть из них переведена на русский язык.

Вечный огонь, зажженный на местах воинских захоронений, символизирует торжественную память о героях, павших за свободу и независимость родины. Первый официальный Вечный огонь в СССР был зажжен 6 ноября 1957 г. в Ленинграде на Марсовом поле у памятника «Борцам революции». Среди других знаменитостей — Вечный огонь на Малаховом кургане в Севастополе (1958), у Могилы Неизвестного солдата в Александровском саду Москвы (1967), на Мамаевом кургане в Волгограде (1967). В России действуют 1134 Вечных огня.

2. Материал и методы

Материалом исследования послужили стихи разных поколений калмыцких поэтов о Вечном огне в аспекте исторической и личной памяти о Великой Отечественной войне. Часть таких произведений представлена в тематических сборниках: «Асхрхла — ааһ цусн» («Если прольется, то лишь чаша крови») [Асхрхла 1975], «Туурмж» («Слава») [Туурмж 1985],

«Герои войны — герои литературы: (писатели-фронтовики Калмыкии о Великой Отечественной войне)» [Герои войны 2010], «Мөңкинд эмтнэ санлд» («Обелиском стало Слово») [Мөңкинд 2020], «Победа: антология калмыцкой лирики и рассказа XX – начала XXI вв.» [Победа 2025], а также в авторских книгах в авторских книгах [Хоньна М. 1967: 5; Саңһжин Б. 1980: 30; Буджала Е. 1969: 56–57; Хонинов 2024: 51], журнальных [Саңһжин Б. 1970: 115–116; Саңһжин Б. 1974: 14; Саңһжин Б. 1981: 69–70; Буджалов 1995: 7] и газетных публикациях [Сән-Белгин Х. 1970: 4; Сян-Белгин 1971: 4; Буджала Е. 1977: 3; Сангаджиева 1984: 4].

Описательный метод и сравнительно-сопоставительный подход позволяют определить как общие, так и отличительные черты в мотиве Вечного огня в лирике калмыцких поэтов разных поколений, переводческие стратегии текстов для русскоязычного читателя.

Экфрасис — описание артефакта в художественном произведении — в стихах калмыцких поэтов обусловлен описанием мемориального комплекса в Элисте, его составляющих — трех пилонов, пятиконечного постамента Вечного огня, скульптурной монолитной группы из пяти обобщенных портретов, представляющих героев войны.

3. Стихи калмыцких поэтов-фронтовиков о Вечном огне

Великая Отечественная война в поэзии калмыцких писателей-фронтовиков занимает особое место. Теме же Вечного огня адресовано немало стихотворений. Среди них стихи Михаила Ванькаевича Хонинова (1919–1981) и Андрея Манганыковича Джимбиева (1924–2021). Первый текст под названием «Онъдин асдг цецгэ» («Вечно сияющий цветок», 1967) с посвящением «Зурач Санжин Никитд» («Художнику Никите Сангаджиеву»). В нижней рамке нарратива указаны место и время создания: «Элст, 1967 ж.» («Элиста, 1967 г.»). Автора и скульптора, соседей по месту проживания, объединяли долгие годы дружбы, скрепленные белорусской биографией. Поэт использовал в стихотворении метафорический код, сравнив тюльпан в весенней степи и другой цветок в городском парке «Дружба». Жизнь прекрасного, как девушка, степного цветка скоротечна, его красотой успевают полюбоваться люди: *Хаврин байр — бамб цецгэ / Хучад теегим эңгднь бүтәнэ, / Эмд бийәрн, эмт авлна, / Эмт дахад герт залрна. / Гижгтә күүкншң, сәәхн эн / Герл, дүрән цугтад төгәнэ* [Хоньна М. 1967: 5]. В нашем переводе «Вечный огненный цветок» (2024): «Весенний праздник — наш тюльпан — / Покрыв всю степь ковром в узорах, / Живой цветок, живой тюльпан, / Он пламенеет гостем в доме. / Как девушка, прекрасен он, / Всем раздавая свет весной» [Хонинов 2024: 51]. Этому природному растению противопоставлено рукотворное в виде Вечного огня. Этот цветок никогда не завянет, потому что взошел из богатырских сердец, горит, вырываясь из камня. *Болв, мана балһсна паркд / Бөкж өгдго нег цецгэ / Баатр улсин зүркнәс әмләд / Бадлһж шатад чолунас һарв* [Хоньна М. 1967: 5]. В нашем переводе: «Но в парке нашем городском / Один цветок не гаснет вовсе; / Из камня вырвавшись, горит: / Он возродил сердца

героев, / О них он с нами говорит, / Огонь-цветок, суровый, строгий' [Хонинов 2024: 51]. К этому огненному цветку приходят люди — от маршала до доярки, чтобы, склонив головы, постоять в молчании, поминая павших героев: *Эн һал асжасн цецгәһүр / Эмтн шорһлжн мет йовна, / Тоомсрта маршлта, саалч бер / Толһаһан гекж тагчг зогсна* [Хоньна М. 1967: 5]. Семантика множества людей здесь передана через фольклорный прием, сравнение их количества с муравьями. В нашем переводе: 'Склоняют голову свою / Там перед ним доярка, маршал, / Цветок пылает на посту, / Взошел из крови он здесь павших' [Хонинов 2024: 51]. Поэт завершил свои размышления убеждением, что такой цветок никто не в силах погасить, он словно небесная звезда на земле: *Олна цуснас урһсн цецгә / Орчлңд унтрадг чидл уга, / Тегәдчн эн теңгрәс һазрт / Тодрхаһар асдг однь болна* [Хоньна М. 1967: 5]. В нашем переводе: 'И в мире не найдется сил, / Чтоб погасить тюльпан огнистый. / Он словно с неба явлен был, / Он как звезда на обелиске' [Хонинов 2024: 51]. По принципу ассоциации красный цветок — красный огонь — красная звезда в заключительных строках стихотворения соединяют живые цветы, негасимый огонь и живую людскую память. Параллелизм земного и небесного (цветок — звезда) объединяет мир живых и павших. Сюда перенесен был прах партизан, подпольщиков, воинов, погибших в период оккупации, защиты и освобождения Элисты в 1942–1943 гг. Центральный образ в хониновском нарративе — Вечный огонь, постамент которого выполнен в форме пятиконечной звезды.

Андрей Джимбиев в составе 28-й Армии участвовал в освобождении г. Элисты от немецко-фашистских оккупантов в ночь с 31 декабря 1942 г. на 1 января 1943 г. Свое стихотворение «Келсн күүкднь» («Невесты», 1985) он начал с описания трех высоких пилонов, открывающих мемориальный ансамбль. Эти титановые пилоны символизируют три воинских штыка, воткнутые в землю. Поэт сравнил их с тремя лебедями в воинском карауле на мемориальном захоронении: *Элстд, салдсин үкар деер / Эрднь чолун сарул. / Һалта одна мел өөр / Һурвн хун — йорин харул* [Жимбин А. 1985: 76]. Сравнение с лебедями на фольклорном уровне объединяет земное и небесное начала. Автор подчеркнул многолюдность посетителей: старики, потерявшие детей, вдовы — мужей, несостоявшиеся невесты. Для него девушки, не ставшие невестами, утратившие своих любимых, словно превратились в зеленые деревья, своими корнями обнимавшие павших воинов: *Дәәни өрд батрсн / Дурнасна салж ядад / Келсн күүкднь ирж / Көк моддт хүврж, / Ээлтңгү уңгарн иньгүдән / Эңкрлж теврсн болваз?* [Жимбин А. 1985: 76]. Поэт-фронтовик заверил, что со временем плач утихнет, настанет мирное спокойствие, не вернется страх беды, никогда не сотрутся из памяти любимые образы, всегда будут приходить люди, чтобы почтить память героев: *Зекрж уульһһн үндсәрн уурх, / Зууһад жилмүдт төвкнүн туурх, / Әмшг, уршг, дажрлт өндәшг, / Әрүн дуриг кенчн көндәшг. / Әмд титмс оньдинд гүргдх, / Эмтн үкарүр оньдинд ирлдх* [Жимбин А. 1985: 76].

4. Стихи калмыцких поэтов о Вечном огне

Мотив Вечного огня в поэзии народного поэта Калмыкии Хасыра Бикиновича Сян-Белгина (1909–1980) представлен в стихотворении «Тавн толхата бумб» («Пятиглавый памятник») [Сян-Белгин 1970] и поэме «Вечный огонь» [Сян-Белгин 1971]. В центре его стихотворения — скульптурная группа, высеченная Никитой Санджиевым из монолитной каменной глыбы, с символическим изображением трех героев Гражданской и Отечественной войн и обычных людей — юноши и девушки. Перед скульптурной композицией расположен Вечный огонь: *Тавн толхата бумб / Таңһч дотр — Элстдм / Мөңк һал асна, / Менд дурдж асна* [Сян-Белгин 1970: 4]. Размышляя о символе Вечного огня, олицетворяющем подвиги героев, давших мирную жизнь последующим поколениям, прославляющем мощь и свободу родной республики, поэт говорит о золотой летописи побед, об исполненной клятве защитников родины. Завершает он стихотворение в фольклорной традиции йорялом-благопожеланием: *Тавн талта одм / Таңһч деерм асг. / Тавн толхата бумб / Таңһч дотрм зогсг!* 'Пусть сияет пятиконечная звезда над республикой. Пусть стоит памятник в республике!' [Сян-Белгин 1970: 4].

Народный поэт Калмыкии Константин Эрендженович Эрендженов (1912–1991) начал свое стихотворение «Мөңк һал» («Вечный огонь») с обращения: *Махлаһан автн, баатрмуд өмнтн, / Мана ахнр, төвкнүн нөөрсж. / Ээж, аавнр! Эк, эцкнр! / Эңкр үрдүдтн туужд мөңкрж!* 'Снимите шапки, перед вами герои, наши старшие братья мирно спят. Бабушки, дедушки! Матери, отцы! Ваши дети навечно вошли в историю!' [Эрнжэнэ К. 2020: 154]. Вечный огонь вызывает в памяти людей имена героев, и этот огонь никогда не потухнет, и эти имена будут бессмертны: *Мана ахнрин нерд санулна, / Мөңк һал залян падрулна. / Эн заль — бөкхн уга, / Эднэ нерд үкхн уга!..* [Эрнжэнэ К. 2020: 154].

Стихотворение «Баатрмудин бумб Элстд» («Памятник героям в Элисте») Санжары Лиджиевича Байдыева (1925–1993) перекликается образами трех пилонов с рассмотренным стихотворением Андрея Джимбиева: *Һурвн цаһан хун болад, / Теңгрүр Бумб цоонглна, / Һурвн үйин әрүн тәәжиг / Бийдән тер негдүлнә* [Байдын С. 2020: 159]. В нашем переводе: 'Как три белых лебеда, пилоны / К небу тянутся, а вовсе не штыки. / Ожила история здесь словно: / Поколения героев — степняки' [Байдыев 2020]. Во второй строфе образы трех пилонов-лебедей перерастают в центре Элисты в образы трех ракет, объединивших три поколения: *Һурвн ракетин хагдлһн болад, / Элст дундан дүңгәнә, / Һурвн цага ахнр-дүүнриг / Хадин батар негдүлнә* [Байдын С. 2020: 159]. В нашем переводе: 'Словно три ракеты здесь в полете, / Три пилоны в центре Элисты, / Трех времен здесь имена в почете — / В памяти, на надписях плиты' [Байдыев 2020]. Автор обратился к молодому поколению с призывом: здесь горит вечный огонь, снимите шапку, чтобы почтить мужество предков: *Энд мөңк һал шатжана, / Эн Бумбин өөгәр һархларн, / Аавнрин, эцккнрин зөрг шүтж, / Авлчн махлаһан, баахн үүрм!* [Байдын С. 2020: 159]. В нашем переводе: 'Здесь горит огонь

для них навечно, — / Если рядом будешь, юный друг, / Шапку ты сними — так бесконечны / Их отвага, мужество и путь!» [Байдыев 2020].

Два стихотворения народного поэта Калмыкии Боси Сангаджиевой (1921–2001) адресованы Вечному огню. Первый вариант «Мөңк һал» был опубликован в 1970 г. [Саңһжин Б. 1970: 115–116], второй вариант — в 1974 г. [Саңһжин Б. 1974: 14]. Начинается стихотворение с описания, что в родном городе горит Вечный огонь. Затем повествование разворачивается от имени пионера, стоящего в почетном карауле у Вечного огня: *Мини төрскн балһсндм / Мөңк һал шатна, / Пионер болсн ачдм / Батта харулд зогсана* [Саңһжин Б. 1970: 115]. Завершается в духе пионерской клятвы: *Мини баатр ахнрин / Мөңк һалын харнав, / Дэмшг өөрдж гихлә, / Бийәрн халхлж харснав!* ‘Охраняю Вечный огонь моих старших братьев. Если приблизится опасность, буду защищать!’ [Саңһжин Б. 1970: 116]. Во втором стихотворении «Мөңк һалд» («У Вечного огня», 1980) автор описал День Победы, когда люди приходят на мемориал, чтобы почтить память героев. С каждым годом все меньше остается ветеранов войны. Пятилетняя внучка, пришедшая с бабушкой, молча смотрит на лица людей, словно понимая происходящее, кладет цветы у Вечного огня. Поэт задается риторическими вопросами: *Элдү эн жилмүдиг / Иргчд баһчуд мартхий? / Дэ эс үзвчн, / Седкльн шавтж зовхий* ‘Забудет ли в будущем молодежь те годы? Даже не знавшая войны, будет ли она сострадать сердцем?’ [Саңһжин Б. 1980: 151]. Стихотворение завершается традиционным йорялом — пожеланием никогда не знать огня войны, чтобы только мирным огнем сияли небо и земля: *Дээнэ Мөңк һал / Дәкж бичә давтгдха, / Көркхн эрк цецгүд / Күмни байр кеерүлтхә. // Зуг һанцхн байрар / Цаг кемжән угад / Төвкнүн жүрһлин һалар / Теңгэр, һазр герлтхә!* [Саңһжин Б. 1980: 151]. В другом стихотворении «Альмн болн көвүн» («Яблоко и мальчик», 1981) маленький мальчик пришел 9 мая с отцом на мемориал, и увидев, как отец возложил цветы к памятнику, он вынул из кармана яблоко и положил его поверх отцовских цветов: *Эцкиннь ардас дахн йовж, / Эвтәкн хавтхан көвүн уудлв, / Өкәр улан альмн һарһад, / Эцкиннь залсн цецгүд деер, / Баахн салдсин Бумбин өмн / Башрәдсн чирәһәр адһж үлдәв* [Саңһжин Б. 1981: 70]. Яблоко, возложенное ребенком, воспринимается как символ жизни, ее продолжения в будущем. И эмоциональное поведение мальчика среди взрослых людей становится камертоном связи поколений. В переводе В. Гаврилина «Мальчик и яблоко» (1984) действия мальчика переданы в будущем времени, лишены детской непосредственности, исполнены дидактики, не соответствующей ситуации: *И вспомнит о яблоке алом. Рукою / Нашарит в кармане, положит к цветам... / «Вот яблоко, люди. Я вас успокою. / Мне мама дала, я дарю его вам...»* [Сангаджиева 1984: 4].

У народного поэта Калмыкии Егора Андреевича Буджалова (1929–2009) есть два стихотворения, посвященные Вечному огню: «Элстин бумб» («Элистинский памятник», 1969) и «Зогстн!..» («Остановитесь!», 1977). Обращаясь к читателю, поэт просит не забывать этот элистинский памятник, где лежат его друзья, которые защитили его счастье: *Эцкр мини,*

иньг минн, / Элстин бумб бичэ март. / Энд чини иньгүд кевтнэ, / Эдн чини хув харсла [Буджала Е. 1969: 56]. Как и другие калмыцкие поэты, автор упоминает о традиции приносить живые цветы на мемориал. И не просто упоминает, а призывает приносить тюльпаны разных цветов — красные, желтые, белые: Улан бадмс авч ирэд, / Олн нердин өмнэ тэв. / Мөңк һалын өөр зогсад, / Мана жирһлин үн мед 'Принеси красные цветы, возложи их на могильные плиты с многочисленными именами. Постой у Вечного огня, познай правду нашей жизни' [Буджала Е. 1969: 56]. Ср. в переводе Анатолия Аквилева «У памятника», где нет обозначения Вечного огня: Красные тюльпаны / Принеси, / Возложи их на могилу павших, / Эту землю в битвах отстоявших. / Этот красный цвет / И эту синь... [Буджалов 1995: 7]. В третьей строфе: Шар бадмс авч ирэд, / Шатлад эрсин дор тэв. / Алтар бичэтэ нердинь умшад / Эрүн седклтэ ахнран тодл 'Принеси желтые цветы, положи перед плитами, прочитав золотом написанные имена, почти память старших братьев от чистого сердца' [Буджала Е. 1969: 56]. Ср. в переводе Анатолия Аквилева: Желтые тюльпаны / Принеси, / Положи на плиты с именами, / Золотом начертанные нами. / Нами, / Кто — им брат. / Иль внук. / Иль сын... [Буджалов 1995: 7]. Белые цветы появляются в четвертой строфе: Цаһан бадмс авч ирэд, / Цогц деернь арһул тэв. / Үннэ төлэ, кишгин төлэ. / Эмэн өгсн көвүд тодл 'Принеси белые цветы, положи осторожно на плиты. Во имя правды, во имя счастья. Почти память парней, отдавших жизнь' [Буджала Е. 1969: 56]. Ср. в переводе Анатолия Аквилева: Белые тюльпаны / Принеси, / К Вечному огню могилы этой — / Память вечная / Пусть будет светлой. / Как светлы цветы / В слезах росы! [Буджалов 1995: 7]. Пятая строфа обобщает сказанное: Олн өңгтэ амд цецгс / Оньдин нааран авч иржэй, / Олна төлэ эмэн өгсн / Ончта эднэ нерд тодлий 'С разноцветными живыми цветами всегда приходи сюда, чтобы почтить имена тех, кто отдал свою жизнь ради народа' [Буджала Е. 1969: 56]. Нетрудно заметить в этом сравнительном сопоставлении оригинала и перевода, что переводчик-фронтовик пытался увязать перечисленную окраску цветов с какими-то деталями, семантически и символически совпадающими с цветовой палитрой, чтобы избежать рефрена в дидактическом призыве автора. Не стал он использовать в своем переводе и кольцевую композицию, наличествующую в первоисточнике: повторение первой строфы.

Та же дидактическая интонация присутствует в небольшом буджаловском стихотворении «Зогстн!..» («Остановитесь!..», 1977) с императивом, начиная с первой строчки: Зогстн! / Махлаһан автн! / Залус, / Күүкд, көвүд! / Мана ахнрин үкэрд / Мөңк һал асжана, / Байртавч? / Нааран ир! / Баатрмудла / Байрарн хувац. / Зовлңтавч? / Нааран ир! / Баатрмудт кел, / Бийдэн, / Залу зөрг ол! 'Остановитесь! Снимите шапки! Мужчины, девушки, юноши! Вечный огонь горит на мемориале наших старших братьев. Радуетесь? Приходи сюда! Поделись с героями радостью. Страдаешь? Приходи сюда! Расскажи героям, найди в себе мужество!' [Буджала Е. 1977: 3].

5. Заключение

Мотив Вечного огня представлен в двух стихотворениях калмыцких поэтов-фронтовиков Михаила Хонинова и Андрея Джимбиева. М. В. Хонинов посвятил свое произведение «Онъдин асдг цецгэ» скульптору Никите Санджиеву, тоже участнику Великой Отечественной войны, одному из создателей мемориального комплекса в Элисте, сравнив весенний степной цветок с неувядающим цветком Вечного огня. В двух нарративах поэтов есть описание этого мемориального памятника в столице Калмыкии: три пилона, Вечный огонь.

В стихах поэтов старшего поколения, не участвовавших в войне, мотив Вечного огня в основном связан с тем же мемориальным комплексом. Так, скульптурная группа из пяти обобщенных образов героев Гражданской и Отечественной войн, мирных жителей описана в стихотворении Хасыра Сян-Белгина «Тавн толхата бумб». В названиях стихотворений Константина Эрендженова, Боси Сангаджиевой указано ключевое словосочетание «Мөңк хал», в произведениях Санжары Байдыева «Баатрмудин бумб Элстд» и Егора Буджалова «Элстин бумб» упоминается памятник в Элисте.

Во всех текстах ключевое словосочетание «Мөңк хал» («Вечный огонь») передает авторские интенции об исторической и личной памяти, о героизме участников Великой Отечественной войны, о связи поколений, о Дне Победы. Вечный огонь — символ бессмертия павших за родину героев. Поэты показали портреты людей, приходящих поклониться этим героям (взрослые и дети, мужчины, женщины, старики, молодежь, вдовы, несостоявшиеся невесты). Живые цветы, принесенные и возложенные к Вечному огню, к могильным плитам, олицетворяют вечную жизнь, которую отстояли погибшие герои.

Для многих текстов характерны дидактические интонации, завершающие йорялы-благопожелания о мире и благоденствии, риторические вопросы, обращение к читателю, прежде всего к молодежи.

Часть стихотворений переведена на русский язык, но не всегда авторские и переводческие стратегии совпадают.

Мотив Вечного огня присутствует в стихах калмыцких поэтов только старшего поколения, время их создания относится к прошлому столетию. В современной калмыцкой лирике не отмечено обращение к этой теме.

Тема Вечного огня в советской и российской лирике представлена в разных аспектах, в основном связанных с темой Великой Отечественной войны. В стихах Всеволода Рождественского, Роберта Рождественского, Валентина Сорокина, Александра Решетова и других поэтов находим традиционные мотивы исторической памяти, как и у калмыцких писателей. В то же время встречаются и неожиданно горестные размышления Александра Городницкого с заключительными строками о том, что *«Вечный огонь никогда не бывает вечным, — / кончится газ, да и память иссякнет тоже»* [[Вечный огонь 2022](#)].

Сегодня в условиях фальсификации итогов Великой Отечественной войны и Второй мировой войны мотив Вечного огня не теряет своей ак-

туальности, а напротив, наполняется новым содержанием, передавая героическую эстафету поколений.

Источники

- Асхрхла 1975 — Асхрхла — ааһ цусн: шүлгүд болн поэмс (= Если прольется, то лишь чаша крови: стихи и поэмы). Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1975. 194 х.
- Байдын С. 2020 — *Байдын С.* Баатрмудин бумб Элстд (= Памятник героям в Элисте) // Мөңкинд эмтнэ санлд (= Обелиском стало Слово): литературно-художественный сборник: к 75-летию Великой Победы / сост. Г. Ш. Сармашева, Г. Н. Эльбикова. Элиста: Нац. б-ка им. А. М. Амур-Санана, 2020. Х. 159.
- Байдыев 2020 — *Байдыев С.* Братский мемориал в Элисте / пер. Р. Ханиновой // Личный архив Р. М. Ханиновой.
- Буджала Е. 1969 — *Буджала Е.* Элстин бумб (= Элистинский памятник) // Буджала Е. Зүркни цоклит: шүлгүд болн поэм (= Биение сердца: стихи и поэма). Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1969. Х. 56–57.
- Буджала Е. 1977 — *Буджала Е.* Зогстн!.. (= Остановитесь!..) // Хальмг үнн. 1977. 17 февраля. Х. 3.
- Буджалов 1995 — *Буджалов Е.* У памятника / пер. А. Аквилева // Теегин герл. 1995. № 8. С. 7.
- Вечный огонь 2022 — Вечный огонь: 55 стихотворений и песни [электронный ресурс] // URL: <https://vokrugknig.blogspot.com/2022/05/37.html?ysclid=md6wgyv3oh887805320> (дата обращения: 17.07.2025).
- Герои войны 2010 — Герои войны — герои литературы: (писатели-фронтовики Калмыкии о Великой Отечественной войне) / сост. Н. С. Нимеева и др. Элиста: Нац. б-ка им. А. М. Амур-Санана, 2010. 893 с.
- Жимбин А. 1985 — *Жимбин А.* Келсн күүкднь (= Невесты) // Туурмж: шүлгүд болн түүклэн / бүрдәһэч Доржин Д. (= Слава: стихи и повесть / сост. Д. Дорджиева). Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1985. Х. 76–77.
- Мөңкинд 2020 — Мөңкинд эмтнэ санлд (= Обелиском стало Слово): литературно-художественный сборник / сост. Г. Ш. Сармашева, Г. Н. Эльбикова. Элиста: Нац. б-ка им. А. М. Амур-Санана, 2020. 448 с.
- Победа 2025 — Победа: антология калмыцкой лирики и рассказа XX – начала XXI вв. / сост., подг. текстов, предисл. Р. М. Ханиновой. Элиста: КалмНЦ РАН, 2025. 320 с.
- Саңһжин Б. 1970 — *Саңһжин Б.* Мөңк һал (= Вечный огонь) // Теегин герл. 1970. № 4. Х. 115–116.
- Саңһжин Б. 1974 — *Саңһжин Б.* Мөңк һал (=Вечный огонь) // Теегин герл. 1974. № 1. Х. 14.
- Саңһжин Б. 1980 — *Саңһжин Б.* Мөңк һалд (= У Вечного огня) // Саңһжин Б. Ээжин цэ: шүлгүд, поэм, туульс (= Бабушкин чай: стихи, поэма, сказки). Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1980. Х. 30.
- Саңһжин Б. 1981 — *Саңһжин Б.* Альмн болн көвүн (= Яблоко и мальчик) // Теегин герл. 1981. № 6. Х. 69–70.
- Сангаджиева 1984 — *Сангаджиева Б.* Мальчик и яблоко / пер. В. Гаврилина // Советская Калмыкия. 1984. 9 мая. С. 4.
- Сән-Белгин 1970 — *Сән-Белгин Х.* Тавн толһата бумб (= Пятиглавый памятник) // Хальмг үнн. 1970. Октябрин 30. Х. 4.
- Сян-Белгин 1971 — *Сян-Белгин Х.* Вечный огонь: поэма / пер. А. Малышева // Комсомолец Калмыкии. 1971. 23 февраля. С. 4.
- Туурмж 1985 — Туурмж: шүлгүд болн түүклэн / бүрдәһэч Доржин Д. (= Слава: стихи и повесть / сост. Д. Дорджиева). Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1985. 155 х.

- Хоньна М. 1967 — *Хоньна М. Оньдин асдг цецгэ: зурач Санжин Никитд (= Вечно сияющий цветок: художнику Никите Санджиеву) // Хоньна М. Шүлгүд болн поэмс (= Стихи и поэмы). Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1967. Х. 5.*
- Хонинов 2024 — *Хонинов М. Вечный огненный цветок / пер. Р. Ханиновой // Хонинов М. В., Ханинова Р. М. Ландшафт дружбы: избранные стихи, поэмы, рассказы, переводы. Элиста: КалмНЦ РАН, 2024. С. 51.*
- Эрнжэнэ К. 2020 — *Эрнжэнэ К. Мөңк һал (= Вечный огонь) // Мөңкинд эмтнэ санлд (= Обелиском стало Слово): литературно-художественный сборник к 75-летию Великой Победы / сост. Г. Ш. Сармашева, Г. Н. Эльбикова. Элиста: Нац. биб-ка им. А. М. Амур-Санана, 2020. С. 154.*

Литература

- Джамбинова 1996 — *Джамбинова Р. А. Писатель и время. Элиста: Джангар, 1996. 208 с.*
- Джамбинова 2003 — *Джамбинова Р. А. Литература Калмыкии: проблемы развития. Элиста: Джангар, 2003. 240 с.*
- Дорджиева 1973 — *Дорджиева Д. Б. Военная лирика Давида Кугультинова // Труды молодых ученых Калмыкии. Вып. III. Элиста: [б. и.], 1973. С. 260–275.*
- Килганова 1973 — *Килганова З. И. Поэзия и жизнь: очерки творчества поэтов Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. 102 с.*
- Килганова 1977 — *Килганова З. И. Поиски и находки: очерки творчества современных писателей Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1977. 78 с.*
- Поляков 1970 — *Поляков Н. Н. Герои войны — герои литературы: (Писатели-фронтовики Калмыкии о Великой Отечественной войне). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 100 с.*
- Пюрвеев 1996 — *Пюрвеев В. Д. Жанровое движение (эволюция жанровых форм и внутренние закономерности развития калмыцкой поэзии XX века). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 322 с.*
- Розенблум 1970 — *Розенблум Ю. Б. Сквозь пламя костров: прошлое и настоящее калмыцкой литературы. Элиста: Калмиздат, 1970. 340 с.*
- Розенблум 1976 — *Розенблум Ю. Б. В поисках волшебного амулганга: портрет калмыцкой литературы. М.: Современник, 1976. 221 с.*
- Розенблум 1980 — *Розенблум Ю. Б. Песнь степи обновленной: о некоторых особенностях художественного мира современной калмыцкой литературы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 115 с.*
- Ханинова 2008 — *Ханинова Р. М. Давид Кугультинов и Михаил Хонинов: диалог поэтов. Элиста: Калм. ун-т, 2008. 185 с.*
- Ханинова 2021 — *Ханинова Р. М. Калмыцкая поэзия XX века: поэтика лирических и лироэпических жанров малой формы. Элиста: КалмНЦ РАН, 2021. 405 с.*
- Ханинова 2025а — *Ханинова Р. М. Стихи калмыцких поэтов о Дне Победы в Великой Отечественной войне // «Наше дело правое»: вклад народов СССР в Великую Победу. Материалы Всероссийского исторического форума / отв. ред. Р. Н. Рахимов. Уфа: Книга-принт, 2025. С. 169–176.*
- Ханинова 2025б — *Ханинова Р. М. Стихи-посвящения калмыцким поэтам-фронтовикам Великой Отечественной войны // Язык, фольклор, литература монгольских народов в контексте традиционной культуры: тез. докл. Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию д-ра филол.-наук Г. Ц. Пюрбеева (г. Элиста, 21 апреля 2025 г.) / ред. Э. П. Бакаева, В. В. Куканова, Г. М. Ярмаркина. Элиста: КалмНЦ РАН, 2025. С. 148–150.*
- Ханинова 2025в — *Ханинова Р. М. Стихи-посвящения калмыцких поэтов героям Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война 1941–*

1945 гг.: историческая память и преемственность поколений. Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 80-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Абакан, 28–29 мая 2025 г.). Абакан: Хакассск. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2025. С. 150–154.

Ханинова, Джаджиева 2025 — *Ханинова Р. М., Джаджиева Д. А.* Тема Великой Отечественной войны в современной калмыцкой русскоязычной лирике // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: историческая память и преемственность поколений. Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 80-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Абакан, 28–29 мая 2025 г.). Абакан: Хакассск. кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2025. С. 154–159.

УДК / UDC 316.344.272

Самозанятые в социально-профессиональной структуре населения Республики Бурятия

*Дамдин Доржиевич Бадараев¹, Алексей Маланович Бадонов²,
Артем Алексеевич Михалев³*

Self-employed in the socio-professional structure of the population of the Republic of Buryatia

Damdin D. Badaraev¹, Aleksey M. Badonov², Artem A. Mikhalev³

¹ Институт монголоведения, буддоло- ¹ Institute for Mongolian, Buddhist and
гии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Са- Tibetan Studies SB RAS (6, Sakhyanova St.,
хьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Федерация)

доктор социологических наук, доцент, Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor,
директор Director

 0000-0001-8173-7175. E-mail: damdin80[at]mail.ru

² Бурятский государственный универ- ² Dorzhi Banzarov Buryat State University
ситет имени Доржи Банзарова (д. 24а, (24a, Smolin St., 670000 Ulan-Ude,
ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Россий- Russian Federation)
ская Федерация)

кандидат социологических наук, до- Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor
цент

 0000-0002-9669-9893. E-mail: badonov[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН (KalmSC RAS), 2025

© Бадараев Д. Д. (Badaraev D. D.), Бадонов А. М. (Badonov A. M.), Михалев А. А. (Mikhalev A. A.), 2025

³ Институт монголоведения, буддоло- ³ Institute for Mongolian, Buddhist and
гии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Са- Tibetan Studies SB RAS (6, Sakhyanova St.,
хьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Федерация)

аспирант, стажер-исследователь

Post Graduate Student, Intern

 0009-0006-2279-4835. E-mail: artem.mikhalev.19[at]mail.ru

Аннотация. Цель статьи — изучить особенности социально-профессиональной структуры населения на российско-монгольском трансграничье на примере одного из элементов этой структуры — самозанятых граждан в Республике Бурятия; представить портрет самозанятого гражданина на основе наиболее выраженных его характеристик. *Материалы.* Анализ проведен на основе данных статистики и результатов опроса, проведенного среди самозанятых граждан региона. *Результаты.* Показана динамика изменения численности зарегистрированных самозанятых в республике с принятием в российской практике нового закона. В социально-профессиональной структуре республики преобладают представители бюджетных сфер — образования, здравоохранения, государственного управления и обеспечения военной безопасности, социального обеспечения. Самозанятые трудятся в основном в сферах предоставления услуг — индустрии красоты, IT, туризме, развлечениях, меньше — в сельском хозяйстве, транспорте и искусстве. По результатам исследования выявлено текущее состояние, проблемы и перспективы развития самозанятости, составлен портрет самозанятого гражданина, проживающего в Республике Бурятия. Отмечается важность трудовых функций, выполняемых самозанятыми, для общества, а также для эффективного взаимодействия с трансграничными территориями сопредельных стран.

Ключевые слова: самозанятость, социальный портрет, экономическое поведение самозанятых, удовлетворенность самозанятых, социально-профессиональная структура, российско-монгольское трансграничье, Республика Бурятия

Благодарность. Исследование выполнено в рамках государственного задания «Россия и Внутренняя Азия: стратегии долговременного развития, социальные изменения и трансграничное взаимодействие в условиях глобальных и национальных вызовов».

Для цитирования: Бадараев Д. Д., Бадонов А. М., Михалев А. А. Самозанятые в социально-профессиональной структуре населения Республики Бурятия // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 1. С. 99–116. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-99-116

Abstract. The purpose of the article is to study the features of the socio-professional structure of the population in the Russian-Mongolian cross-border area using the example of one of the elements of this structure — self-employed citizens in the Republic of Buryatia; to present a portrait of a self-employed citizen based on his most pronounced characteristics. *Materials.* The analysis is based on the statistical data and the results of the survey conducted among self-employed citizens of the region. *Results.* The dynamics of the changes in the number of registered self-employed in the republic with the adoption of the new law in Russian practice is shown. The socio-professional structure of the republic is dominated by the

representatives of budgetary spheres — education, healthcare, public administration and military security, social security. The self-employed work mainly in the areas of service provision — the beauty industry, IT, tourism, and entertainment, less in agriculture, transport and art. Based on the results of the study, the current state, problems and prospects of self-employment development have been identified, and a portrait of a self-employed citizen living in the Republic of Buryatia has been compiled. The importance of the labor functions performed by the self-employed for society, as well as for effective interaction with cross-border territories of neighboring countries, is noted.

Keywords: self-employment, social portrait, economic behavior of the self-employed, satisfaction of the self-employed, socio-professional structure, Russian-Mongolian cross-border region, Republic of Buryatia

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy “Russia and Inner Asia: Long-Term Development Strategies, Social Change, and Cross-Border Interaction in the Context of Global and National Challenges”.

For citation: Badaraev D. D., Badonov A. M., Mikhalev A. A. Self-employed in the socio-professional structure of the population of the Republic of Buryatia. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025. No. 1. Pp. 99–116. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-99-116

1. Введение

Исследование повседневной жизни самозанятых граждан является одной из актуальных задач экономической антропологии. Как известно, данная отрасль антропологии занимается исследованием взаимодействий людей по поводу товаров и обеспечения услуг. Современная экономическая антропология особое внимание уделяет таким важным вопросам, как символическое потребление, социальный и культурный капитал, нетоварное производство, домашняя работа, неофициальный сектор экономики, нравственная экономика и др. Сфера ее предметной области включает также экономическое поведение самозанятых граждан как одной из динамически развивающихся групп населения. При сохранении положительной тенденции, которая наблюдалась на протяжении последних нескольких лет, и при продолжении предоставления мер поддержки со стороны государства, количество самозанятых к концу 2024 г. может достичь практически 10 млн чел. [Медведева, Кутеева 2023: 99]

Экономическое поведение людей приводит к разнообразным формам занятости и самозанятости. Необходимо отметить, что самозанятый человек отвечает всем характеристикам экономически активного человека. Современная модель экономического человека, по мнению В. В. Викулиной, — это субъект деятельности в сфере производства материальных и духовных ценностей, при этом учитывается рациональность действий «экономического человека», человека трудящегося [Викулина 2009: 129]. Для такого человека характерны:

- способность к рациональному расчету издержек и доходов;

- стремление получить как можно более высокую прибыль при имеющихся доступных ресурсах и средствах производства;
- стремление свести к минимуму риск, который неизбежен в экономической деятельности;
- постоянное желание улучшить свое благосостояние [Курков 2014: 195].

Необходимо отметить, что вплоть до середины 70-х гг. XX в. совершенно не изучался тот комплекс отношений, который существует в рамках ненаемного труда. Ненаемный труд — это неофициальный труд и труд по самообеспечению, причем особое место занимает здесь работа по дому и работа на дому. Именно экономическая антропология внесла значительный вклад в выявление данной проблематики и ее исследование [Шрадер 1999: 6].

Современное российское общество отличается гибкой и динамичной социально-профессиональной структурой, которая включает социальные группы, объединяющие людей по профессиональным признакам. Актуальным является всестороннее изучение видов профессиональной деятельности, получивших признание в обществе и в системе учета профессий. В современных условиях с популяризацией нестандартных и неформальных форм занятости и появлением новых вызовов технологического и информационного плана особенно важным становится исследование социальных групп, имеющих латентный или скрытый характер. Одной из малоизученных и слабоструктурированных групп на рынке труда являются самозанятые. В последнее время в российской нормотворческой практике традиционное понимание самозанятости как относительно независимой от внешних условий формы обеспечения работника занятостью с целью получения заработка дополнилось новыми подходами в сфере трудового и налогового законодательства. Необходимость изучения этой полулатентной, но в то же время многочисленной и широко распространенной группы людей обуславливается рядом причин. К ним относятся: распространенность нелегальной трудовой практики в экономической сфере и возможность ее легализации, проведение в 2018–2028 гг. нового налогового эксперимента «Налог на профессиональный доход», необходимость обеспечения социальных гарантий этим категориям граждан и т. д. Дополнительным фактором при изучении самозанятых является географическое местоположение региона и уровень его социально-экономического развития. В данной статье рассматривается Республика Бурятия — регион с трансграничным положением и низким уровнем социально-экономического развития, но в то же время обладающий большим ресурсным и транзитным потенциалом для продвижения внешнеполитических интересов страны в рамках развития ее «восточного вектора». Самозанятые в Республике Бурятия представляют собой особый объект исследования и представлены в данной статье с позиций их современного состояния, социальной удовлетворенности, наличия проблемных аспектов в осуществлении их деятельности, перспективных планов, возможностей развития самозанятости.

2. Теоретико-методологические основы

Исследования социально-профессиональной структуры населения в прошлом опирались на три теоретических подхода: 1) стратификационный, в рамках которого профессиональная структура рассматривалась как средство для изучения иерархии престижа или социального расслоения общества; 2) функционалистский, где профессионалы подвергались анализу с точки зрения соответствия их деятельности и социальных установок интересам государства и задачам осуществления определенных социально-значимых функций; 3) социально-психологический, где на первый план выдвигались «внутренние» характеристики профессиональной группы, такие как сложность труда, его творческий характер и призвание. Особое внимание уделялось профессионалам как отдельным индивидам, их мотивации и отношению к труду, ответственности, дисциплинированности и инициативности [Мансуров, Юрченко 2009: 16–17].

В работах многих известных сторонников постмодернизма (З. Баумана, У. Бека, Д. Пакульски и др.) была высказана мысль, что в современном обществе люди освобождаются от социальных форм индустриализма, в частности от деления на социальные классы и слои. На фоне относительно высокого материального уровня жизни и развитой системы социальных гарантий индивиды, по их мнению, освобождаются от «классово окрашенных отношений» и форм жизнеобеспечения в семье. Люди начинают в большей степени зависеть от себя и своей индивидуальной судьбы на рынке труда с его рисками, шансами, противоречиями. Другими словами, с точки зрения постмодернистов, взаимосвязь между членством в группе и потреблением нельзя объяснить детерминирующим образом, поскольку индивидуумы ассоциируются с комплексной мозаикой статусных групп, например религиозных групп, чат-групп в Интернете, социальных движений и т. д. Постмодернисты выразили сомнения в отношении сохранения классов или крупных социальных слоев, поскольку, по их мнению, классовый подход не отражает фрагментацию и изменчивость современного потребления [Шкаратан, Ястребов 2007: 7].

Возникновение в обществе новых форм занятости, с точки зрения экономической антропологии, демонстрирует появление еще большего разнообразия в трудовых отношениях в современном мире. В ответ на вызовы технологического прогресса, информационного пространства и изменения социально-психологических отношений между людьми в обществе появляются новые социально-трудовые взаимодействия, связанные с такими понятиями, как сальариат, прекариат, фриланс и т. д. В этой связи самозанятость как социальное явление обретает особое значение в российской практике, поскольку она широко распространена и начинает регулироваться законодательно.

Изучение социально-профессиональной структуры населения на российско-монгольском трансграничье позволяет получить информацию о возможных направлениях взаимодействия двух соседних государств (России и Монголии) в трудовой сфере. Термин «трансграничье» — до-

статочно современный, активно вошедший в обиход в середине XX в. «Транс» — заимствование из латинского языка, означает «через», «вне» или «на противоположной стороне». С точки зрения современного международного подхода, граница — это рубеж национальной территории, прежде всего — физический, который ограничивает территорию государства [Ярошенко 2012: 43]. Этнокультурная и историческая близость Бурятии с Монголией накладывает дополнительный отпечаток на необходимость всестороннего рассмотрения актуальных социальных явлений в социально-профессиональной структуре рынка труда рассматриваемого трансграничного региона. Самозанятые граждане — одна из составляющих социально-профессиональной структуры населения Республики Бурятия.

В современной российской науке сформировано два основных подхода к понятиям «самозанятость» и «самозанятый», которые можно охарактеризовать как широкий и узкий. Представители широкого подхода рассматривают понятия «самозанятость» и «самозанятый» как тесно связанные с понятием «предпринимательство», поскольку считают, что самозанятость является одной из форм предпринимательства [Бадонов, Бадараев 2023: 52]. По мнению З. Т. Голенковой, характеристики самозанятых можно отнести и к организаторам собственного микро- и малого бизнеса, и к индивидуальным предпринимателям. Суть предпринимательской деятельности — персонифицированная ответственность за каждое решение и результат. Основополагающими различиями здесь выступают факт регистрации и статус юридического лица, влияющие на правоспособность субъекта (полномочия, обязанности, правовые гарантии) [Голенкова и др. 2020: 823]. Представители узкого подхода, напротив, разделяют понятия «самозанятость» и «предпринимательство», поскольку считают, что деятельность самозанятого имеет в своей основе личный труд без каких-либо работников. Согласно их точке зрения, полученный доход самозанятый тратит на личные нужды, в том числе на свою семью [Бадонов, Бадараев 2023: 52].

Целью исследования является изучение самозанятых граждан как значимой группы в социально-профессиональной структуре населения Республики Бурятия. В этой связи необходимо представить портрет самозанятого гражданина на основе наиболее выраженных характеристик экономически активного человека. Самозанятые граждане представляют определенный интерес для изучения взаимодействия на российско-монгольском трансграничье, поскольку самозанятость является определенной формой экономической активности, которая в большей степени относится к предпринимательству. Самозанятые посредством личного труда занимаются общественно полезной деятельностью, они создают материальные блага или оказывают определенные услуги, получают за это финансовое или нефинансовое вознаграждение в виде дохода, который зависит от их личных способностей, возможностей и качеств. Способность принимать самостоятельные решения, совокупность их действий,

умение организовать свою деятельность оказывают существенное влияние на материальное и финансовое благополучие самозанятых. Самозанятые Республики Бурятия не получают постоянного заработка, их доход зависит от многих факторов, в первую очередь от спроса, в том числе со стороны граждан Монголии, которые могут приобретать их товары и услуги, а также от их собственного экономического поведения. Российско-монгольское трансграничье является пространством, в котором на протяжении нескольких веков формировались условия для плодотворного взаимодействия, взаимовлияния и взаимообмена между странами и приграничными регионами по многим направлениям. Необходимо отметить, что внешнеторговое сотрудничество с Монголией развивается активно, особенно в последние годы. Отношения между Республикой Бурятией и Монголией отличаются разнообразием торгово-экономических связей и широким ассортиментом поставляемой продукции. Основу экспортных поставок Республики Бурятия в Монголию составляют рыбная, хлебная продукции, а также мучные, кондитерские изделия и племенной скот [Батунаев, Григорьева 2020: 41]. Развитие сотрудничества между Россией и Монголией существенно изменило образ жизни людей на приграничных территориях. Активизируется политическое взаимодействие на уровне органов государственного и муниципального управления, изменяется экономическое и хозяйственное поведение отдельных индивидов. Трансформирующиеся социальные условия диктуют модель поведения местных жителей. Так, например, введение безвизового режима между Россией и Монголией в 2014 г. значительно увеличило интенсивность туристических потоков [Жалсанова 2021: 67].

3. Материалы и методы

Чтобы оценить текущее состояние самозанятости как элемента социально-профессиональной структуры населения в Республике Бурятия, мы провели анализ статистических данных динамики социально-экономических показателей и использовали результаты проведенного нами опроса. Социально-профессиональная структура региона характеризуется неустойчивостью, высокой долей вероятной социальной мобильности с нисходящим вектором. Этому способствуют экономические перепады, а также специфика региональных отраслей экономики [Бадараев 2020: 5100]. В качестве основной базы для статистических данных выступили результаты Всероссийской переписи населения 2020 г. [Всероссийская перепись населения 2020 г.].

4. Общая характеристика Республики Бурятия

По данным переписи, население Республики Бурятия делится на городское население (59,1 %) и сельское население (40,9 %). Доля женского населения (53,1 %) выше, чем мужского (46,9 %). Количество нетрудоспособного населения составляет 44,1 %, количество трудоспособного населения — 55,9 %.

Распределение населения старше 15 лет по уровню образования показало, что на первом месте находятся лица, имеющие среднее специальное образование — 24,3 %, немного уступают им лица, имеющие высшее профессиональное образование — 24,0 %, 18,9 % населения старше 15 лет имеет среднее (полное) общее образование, по 9,9 % составляют лица с начальным профессиональным образованием и лица с основным общим образованием (9 классов), 7,6 % населения не указали свой уровень образования, 2,1 % имеют неполное высшее профессиональное образование, 1,9 % имеют начальное общее образование или не имеют его, 1,4 % населения старше 15 лет являются кадрами высшей квалификации.

Структурный анализ как один из методов экономической антропологии показал, что распределение по отраслям экономики занятого населения Республики Бурятия демонстрирует наибольшую долю в сфере образования (16,9 %); на втором месте находится сфера здравоохранения и социальных услуг (13,6 %); на третьем месте оказалась сфера государственного управления и обеспечения военной безопасности, социального обеспечения (13,4 %); далее идет сфера обрабатывающей промышленности (10,3 %); оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования составляет долю в 7,6 % работников. По 7,1 % имеют такие сферы, как «жилищно-коммунальное и непроизводственные виды бытового обслуживания населения» и «транспортировка и хранение». В строительстве заняты 4,1 % населения, в добывающей промышленности — 3,3 %, в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений — 2,8 %, в профессиональной, научной и технической деятельности — 2,7 %. Административная деятельность и сопутствующие дополнительные услуги — место работы 2,5 % населения. В сельском и лесном хозяйстве, охоте и рыболовстве трудоустроены 2,1 % работников. Деятельность в области информации и связи задействует 1,8 % работников. В сфере «деятельность по операциям с недвижимым имуществом» заняты 1,5 %. Финансовая и страховая деятельность представлена 1,4 % работников. В сфере «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания» трудятся 1,3 % работников, 0,5 % предоставляют прочие виды услуг. Эти результаты показывают, что в структуре занятого населения наибольшую долю имеют представители бюджетной сферы, т. е. работники образования, здравоохранения, государственного управления и др.

В общефедеральном рейтинге среди всех субъектов страны Республика Бурятия относится к регионам с низкими социально-экономическими показателями. По результатам 2024 г. Республика Бурятия в итоговом рейтинге регионов расположилась на 74 месте [[Итоговый рейтинг регионов РФ 2024](#)]. Несмотря на динамику роста по некоторым отраслям экономики и улучшение показателей на 7 пунктов по сравнению с 2023 г., на данном этапе региону не удастся полноценно раскрыть имеющийся ресурсный и трансграничный потенциал.

В Бурятии самозанятость является достаточно распространенным явлением. Начиная с 1990-х гг. экономический кризис, спад производства и возникшая на этом фоне безработица населения сподвигли жителей республики к занятию самостоятельными видами трудовой деятельности с целью получения доходов. В условиях турбулентных вызовов данная практика представляется как реализация адаптационного потенциала местного населения к трансформации экономики страны и региона и реакция на переход к рыночным механизмам функционирования российского общества. Институализация частной собственности и потребность в получении доходов открыли дорогу в индивидуальное предпринимательство, развитие личного подсобного хозяйства, челночество из соседних Монголии и Китая, предоставление услуг в сферах строительства, отделочных работ, ремонта транспортных средств и т. д. Многие виды деятельности обрели форму самостоятельной занятости, с одной стороны, ввиду высокой предприимчивости граждан в сложившихся условиях, а с другой стороны — ввиду низкой социальной ответственности перед государством и институтами гражданского общества. Латентные формы занятости сохранили свою значимость для многих граждан в виде возможности зарабатывать и получения дохода без какой-либо регистрации осуществляемой ими трудовой деятельности.

Ситуация начала существенно меняться в связи с распространением на территории Российской Федерации специального налогового режима, позволяющего таким гражданам оформиться в качестве самозанятых, а некоторым и легализоваться из теневой сферы. Численность самозанятых пополнили индивидуальные предприниматели, а также граждане, практикующие дополнительную занятость, получившие право пользования не только особыми налоговыми преференциями, но и дополнительными мерами поддержки со стороны государства. Система социальной защиты населения предоставила гражданам право заключать социальный контракт на ведение доходной деятельности согласно заявленному проекту. Самозанятость также осталась в числе активных программ содействия занятости, реализуемых в системе Государственной службы занятости через сеть городских и районных центров занятости. Законодательное закрепление самозанятости на новом уровне за последние годы привело к значительному росту численности самозанятых по всей стране. Но в то же время, как показывают данные за прошедшие годы, не оправдались прогнозы разработчиков закона по поводу массового перехода индивидуальных предпринимателей в число самозанятых.

По данным Федеральной налоговой службы на 31 декабря 2020 г., в Республике Бурятия было зарегистрировано 3 395 самозанятых граждан, в том числе 2 969 физических лиц и 426 индивидуальных предпринимателей. По данным Министерства промышленности и торговли Республики Бурятия, жители Бурятии стали активно переходить на этот «мягкий» режим налогообложения. На 31 декабря 2021 г. в Республике Бурятия было зарегистрировано 11 398 самозанятых граждан, из них 10 610 фи-

зических лиц и 788 индивидуальных предпринимателей [Неформальная 2023: 157]. В течение последних лет, начиная с 2020 г., наблюдается ежемесячный прирост самозанятых граждан как среди физических лиц, так и среди индивидуальных предпринимателей. По данным Управления Федеральной налоговой службы по Республике Бурятия на 31 декабря 2022 г., в Республике Бурятия было зарегистрировано 21 603 самозанятых гражданина, из них 20 231 физическое лицо и 1 372 индивидуальных предпринимателя. На 31 октября 2023 г. данные по Бурятии показывали, что было зарегистрировано уже 33 156 самозанятых граждан, из них 31 100 физических лиц и 2 056 индивидуальных предпринимателей [Неформальная 2023: 157].

В апреле 2023 г. коллективом кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова было проведено фокус-групповое исследование (сфокусированное групповое интервью) по проблемам самозанятости в Республике Бурятия.

Участники фокус-группы представляли разные сферы самозанятости, такие как юридические, бухгалтерские, редакторские услуги, изготовление продукции из эпоксидной смолы и изделий из кожи, услуги по фотографированию, массажные услуги, услуги по ремонту холодильной техники.

4. Результаты исследования, характеризующие экономическое поведение самозанятых

В ходе проведенного исследования были изучены: экономическое поведение самозанятых, их трудовые ориентации, представления о работе, адаптивный потенциал, осуществляемые ими виды занятости, а также существующие социально-профессиональные стратегии у данных групп работников. Был задан ряд вопросов, касающихся удовлетворенности жизнью, материального положения, мотивов стать самозанятыми, форм трудовой занятости и ее продолжительности. Были собраны сведения об образе жизни, ценностных ориентациях респондентов, трудностях и перспективах развития самозанятости в современных условиях. Также во время исследования были заданы вопросы, касающиеся удовлетворенности финансовым и материальным положением, качеством питания, состоянием здоровья, жилищными условиями, семейными отношениями, проведением досуга, условиями труда, возможностями путешествий, общением, возможностями в получении образования, доступом к медицинскому обслуживанию, состоянием окружающей среды, личной безопасностью, удовлетворенностью своим социальным статусом, а также жизнью в целом.

Анализ данных фокус-группы показал, что участники исследования стали самозанятыми относительно недавно: самый большой период составляет два года, некоторые получили данный статус несколько месяцев назад. В среднем респонденты стали официально самозанятыми год назад. Двое участников работают в найме, самозанятость у них является источником дополнительного дохода.

Из ответов респондентов выявлено, что информационную помощь при регистрации в качестве самозанятого они получили в органах системы социальной защиты населения, в центрах занятости населения, узнали из сети Интернет, в приложении «Мой налог», а также у знакомых:

– «Мне помогли в отделе социальной защиты, и финансы я получила через социальный контракт, зарегистрировалась там же в отделе социальной защиты и по финансовой грамотности тоже» [ПМА: Инф. 2];

– «Мне предложили работу только в качестве самозанятого типа ИП. Спросила у сына моей подруги, и он мне сказал: заходите в „сбербанк-онлайн — свое дело“ и все по списку и все как-то так, не так сложно оказалось» [ПМА: Инф. 9];

– «Мне помощь оказали в центре занятости, я стояла на учете и сказали, что можно зарегистрироваться как самозанятый. Я зарегистрировалась, и, соответственно, помогли сотрудники центра занятости. Также получила помощь, месяца еще не прошло, заказала все необходимое, пока жду» [ПМА: Инф. 3];

– «Я использовал Интернет для того, чтобы понять алгоритм как зарегистрироваться. В Интернете ввел „Как стать самозанятым?“ и там вышел сайт налоговой. Все понятно, простым языком указано, где скачать, что скачать и как пройти. В государственные органы не обращался, зарегистрировался самостоятельно и работаю. Государственные органы сейчас не помогают» [ПМА: Инф. 1];

– «Я самостоятельно зарегистрировалась, за помощью не обращалась, на сегодняшний день пока все понятно, занята рабочими моментами» [ПМА: Инф. 6].

Государственные органы власти проводят активную информационную работу, что подтверждают ответы участников — половина опрошенных прошли курсы по финансовой грамотности, а также получили консультационную помощь в органах исполнительной власти.

Большинство респондентов (6 из 9 участников) оформили социальный контракт. В Республике Бурятия развивается новая форма государственной социальной помощи малоимущим гражданам. В начальный период социальным контрактом могли воспользоваться многодетные семьи, проживавшие в сельской местности. В последнее время число заключенных контрактов увеличивается. Социальный контракт стали подписывать индивидуальные предприниматели, самозанятые граждане и другие. В Бурятии эти выплаты составляют: на создание своего бизнеса до 350 тыс. рублей, на обучение и переобучение до 30 тыс. рублей:

– «У меня субсидия с Центра занятости. Я нахожусь на стадии приобретения оборудования. Жду, когда придет. Потом отчет будет» [ПМА: Инф. 4];

– «У меня социальный контракт от социальной защиты. Денежные средства я получила в марте и на данный момент уже часть оборудования заказала у тех же поставщиков, у кого я и ранее заказывала для работы, для изделий. Отчитываться буду в течение года, потому что слыш-

ком много материала для работы. Я буду потихоньку заказывать. Рабочий процесс полным ходом идет в общем» [ПМА: Инф. 6];

– «У меня субсидия, 140 тысяч оборот получается в прошлом году. Я под конец года встал на учет на биржу труда и как раз раздавали последнюю субсидию. Я успел получить и поучаствовать. Бизнес-план составить мне помогли. Ну и буквально вот дня два-три прошло после того, и сразу стал в качестве самозанятого регистрироваться. Было сложно первые месяцы, но ничего» [ПМА: Инф. 8].

В качестве положительных причин условий налога респонденты называют доступность оплаты налога, невысокую налоговую ставку, соблюдение закона, понятность и доступность информации о статусе самозанятого и ее оформлении. Это говорит о высокой тенденции продолжения данной новации в будущем и выхода из тени такой категории занятого населения.

Можно отметить, что большинство домохозяйств вовлечено в нетоварное рыночное производство. С точки зрения человека, занятого в нетоварном производстве, работы по производству для собственного потребления и для продажи на рынке тесно взаимосвязаны между собой и не исключают одна другую.

Материальное положение является важным компонентом удовлетворенности жизнью, поэтому вопрос о нем включается для составления характеристики социального положения почти во всех социологических и мониторинговых исследованиях, изучающих данное явление. Из ответов участников фокус-группы было выявлено, что стать самозанятыми их подтолкнули такие причины, как быть независимым и работать на себя, легализация дохода, занятие любимым делом, иметь больше свободного времени, достижение финансового достатка и финансовой стабильности, получение дополнительного дохода, а также расширение своего бизнеса. Подтверждают указанные причины ответы участников фокус-группы:

– «Я стал самозанятым, чтобы определенным образом легализовать свой доход. Чтобы со стороны не было вопросов откуда деньги. В дальнейшем я не планирую увольняться из бюджетной организации. Вполне успеваю совмещать работу в организации и деятельность самозанятого» [ПМА: Инф. 1];

– «Чтобы быть независимыми, работаем сами на себя» [ПМА: Инф. 9];

– «Я всегда хотела заниматься своим любимым делом. Мне очень нравится аэройога, я хотела иметь с нее дополнительный заработок и в то же время, нести ее в массы. В настоящее время имею основную работу в качестве юриста и, помимо этого, занимаюсь тренерством» [ПМА: Инф. 3];

– «Я фотографом стала в декрете. Декрет закончился, а выходить на прежнюю работу не захотела. Хотелось больше свободного времени, чтобы контролировать свой график. Была перспектива, что государство поможет с бюджетом, поэтому и пошла. Тут важна легализация доходов. Планирую и дальше развиваться в этом деле» [ПМА: Инф. 4];

– «У меня цель оформления самозанятости — достичь финансового

достатка, финансовой стабильности. Так как я работаю в бюджетной сфере юристом, у нас зарплата в данный момент меня устраивает. Сейчас я в декретном отпуске и у меня появилось свободное время, я начала заниматься любимым делом. Цель — обратиться в социальную защиту за социальным контрактом — это конечно финансовая помощь, так как мне нужно отдельное помещение, чтобы изготавливать элементы декора и различные изделия» [ПМА: Инф. 6];

– «Как говорится, бизнес рожден для того, чтобы перерасти в более крупный бизнес, либо умереть. Для меня самозанятость это все-таки такой переходный этап, т. е. я все-таки хочу свой бизнес построить и расширить — обучить этому других людей» [ПМА: Инф. 8].

Участники фокус-группы имеют небольшой опыт в качестве самозанятого, некоторых волнуют вопросы пенсионного и налогового законодательства, как их статус будет учитываться после выхода на пенсию, выполнение финансовой отчетности для тех, кто получил социальный контракт, уверенность в будущем при занятии их любимым делом.

Все респонденты ответили, что не имеют проблем с бухгалтерской и налоговой отчетностью, поскольку пользуются приложением «Мой налог», разработанным специально для самозанятых.

При выявлении основных сложностей в деятельности самозанятых и путей их решения было выявлено, что одной из основных проблем является поиск клиентов:

– «Основная проблема это — поиск клиентов только. Надо сделать визитку и как-то грамотно рекламировать свои услуги, необходимо, чтобы тебя узнавали. Можно заказывать такие услуги у известных блогеров. А так, таких глобальных проблем нет. Просто, если хочешь больше зарабатывать, нужно выходить на более высокий уровень» [ПМА: Инф. 1];

– «Требуется делать акцент на поиске клиентов. Я могу сразу сказать, что могу быть вашим фотографом...» [ПМА: Инф. 4];

– «У меня также проблемы в реализации товара, но я сейчас думаю по-больше сделать изделий и запустить рекламу через блогеров, у которых много подписчиков» [ПМА: Инф. 6].

На вопросы «Как вы думаете, как будет развиваться ваш бизнес в ближайший год и почему именно так?» респонденты ответили оптимистично. По их прогнозам, у них есть надежда на развитие их бизнеса:

– «Если работа сделана качественно, то соответственно опять же люди рекомендуют другим своим друзьям. Конечно, придется по разным вопросам консультировать. Я надеюсь, что это сработает» [ПМА: Инф. 1];

– «Я планирую выйти на достойный доход. У меня дети занимаются по разным кружкам. Я хочу их обучать дальше, развивать, это очень затратно в наше время. Я хочу свое жилье купить, планов очень много. Я начала хотя бы задумываться над тем, что это все осуществимо» [ПМА: Инф. 2];

– «Перспектива у меня самая здесь хорошая, потому что также планируем поставлять изделия, сувениры, свою продукцию в разные сувенирные магазинчики. В дальнейшем может быть откроем свой маленький мини-магазинчик с нашими сувенирными изделиями» [ПМА: Инф. 6].

При определении главного ресурса бизнеса большинство респондентов назвали такие качества, как профессионализм и качественный подход к своей деятельности, к своей продукции:

– *«Я думаю, самое главное в бизнесе — профессионализм и необходимость постоянного повышения квалификации»* [ПМА: Инф. 3];

– *«Конечно, профессионализм и готовность поехать в любую точку в России»* [ПМА: Инф. 7].

В ходе опроса было выявлено, что самозанятые неохотно взаимодействуют с физическими лицами. Это обусловлено неудобством обслуживания и заключения трудового договора. Из разговора с самозанятыми был сделан вывод, что работа с юридическими лицами выгоднее и проще в исполнении:

– *«Плюс юрлица: постоянный источник работ и доходов, стабильность. Заключили договор, допустим, и обслуживаешь парк оборудования. Ежемесячно за обслуживание этого парка падает определенная плата. С физлицами нужно постоянно их искать, рекламу продавать, визитки раздавать»* [ПМА: Инф. 8].

В ходе беседы участники указывают на важность осведомленности и понимания своих прав для эффективного ведения экономической деятельности и доступности услуг. Ключевыми темами, выделяемыми в разговоре, являются: осознание статуса самозанятого, осведомленность о налоговых и судебных вопросах, доступность социальных и медицинских услуг, защита интеллектуальной собственности и гражданских прав.

Во время беседы было выявлено, что самозанятые, которые имеют более высокий уровень самосознания и осознания своих прав, вероятно, будут активно участвовать в экономической деятельности и предоставлять доступные услуги. Также было обнаружено, что низкий уровень осознания прав может привести к проблемам в обеспечении надлежащей защиты прав самозанятого и доступности услуг. Эти результаты опроса подчеркивают важность образовательных программ, которые направлены на повышение самосознания и осведомленности самозанятых о своих правах:

– *«Права свои знаю, в интернете все изучала и относительно знаю, кто такой самозанятый, какими правами, свободами и обязанностями обладает»* [ПМА: Инф. 3];

– *«Знаю частично, все еще в процессе, в начале, часто обращаюсь к интернету. По поводу пенсии — буду платить»* [ПМА: Инф. 4];

– *«Права частично знаю, по мере работы не раз буду обращаться к интернету, к работникам соцзащиты и приложению „Мой налог“, все легко, доступно и все понятно»* [ПМА: Инф. 6].

Самозанятость также вызывает определенные проблемы. К ним относятся нестабильность доходов, ограниченный доступ к социальным и медицинским льготам, а также повышенный риск несправедливой оплаты. Поэтому для развития самозанятости необходимо учесть эти ограничения и разработать механизмы защиты интересов самозанятых работников.

Как было не раз отмечено во время опроса фокус-группы, будущее самозанятости зависит от различных факторов. Во-первых, изменение образа жизни и предпочтений работников будет оказывать влияние на развитие самозанятости. Многие молодые люди предпочитают гибкий график работы и возможность работать удаленно. Эта тенденция будет продолжаться и в будущем, способствуя росту самозанятости.

Во-вторых, изменения в политической сфере и законодательстве также могут повлиять на развитие самозанятости. Есть различные модели самозанятости, такие как фриланс и контрактные услуги, правовой статус самозанятых работников может варьироваться в разных странах. Правительство должно разработать единые правила политики труда и занятости, которые обеспечат достойные условия для самозанятых работников.

В целом результаты исследования показали, что одной из основных проблем в их деятельности является поиск клиентов, в качестве решения этой проблемы самозанятые предлагают проведение эффективной рекламы с использованием современных и традиционных технологий. Например, реклама через блогеров, имеющих большой охват аудитории, а также «сарафанное радио», т. е. распространение информации через клиентов. Самозанятые отмечают, что самостоятельный поиск клиентов может привести к нестабильности доходов, также возможен ограниченный доступ к социальным и медицинским льготам, существует повышенный риск несправедливой оплаты. Перспективы развития самозанятости респонденты видят в тенденции предпочтения молодыми людьми гибкого графика работы и возможности работать удаленно, также они отмечают, что изменения в политической сфере и законодательстве могут повлиять на развитие самозанятости.

Анализ экономического поведения самозанятых показал, в каких отраслях трудятся самозанятые. Самозанятые Бурятии больше всего представлены в индустрии красоты (бьюти-процедуры: наращивание ресниц, парикмахерские и маникюрные услуги), в сфере IT-технологий (программирование, разработка и поддержка веб-сайтов и др.), в сфере туризма, услуг в сфере развлечения и др. Анализ экономического поведения самозанятых позволил сделать вывод, что самозанятость преобладает в сервисных отраслях, таких как социально-бытовые услуги, транспорт и искусство. Сельское хозяйство представлено самозанятостью в сферах личного подсобного хозяйства и изготовления собственной продукции. Экономическая антропология подтверждает тот факт, что важнейшими элементами экономического поведения становятся экономические интересы и экономические отношения между людьми. Экономический интерес является мощным мотиватором трудовой деятельности.

5. Выводы

Современная социально-профессиональная структура общества дополняется новыми элементами, которые имеют латентный характер. На примере самозанятости можно отметить, как происходит процесс формирования новой социальной группы в составе социально-профессиональ-

ной структуры Республики Бурятия. Самозанятость как относительно малоизученное явление в региональном аспекте привлекает интерес со стороны исследователей и государственных структур. Традиционная самозанятость, широко распространенная среди населения, обретает особый статус ввиду внедрения новаций в законодательстве страны. Новые нормы и правила позволяют самозанятым получать со стороны государства определенные преференции, дают возможность легализоваться «скрытым» и неформально занятым гражданам.

В рамках экономической антропологии подтверждается факт того, что самозанятый человек отвечает всем характеристикам экономического человека, для которого характерны способность к рациональному расчету издержек и доходов, стремление получить как можно более высокую прибыль при имеющихся доступных ресурсах и средствах производства, стремление свести к минимуму риск, который неизбежен в экономической деятельности, постоянное желание улучшить свое благосостояние. Проведенное исследование показало, что процесс формирования слоя самозанятых продолжается и активно набирает обороты. Проводимые государством меры начинают давать определенные результаты, касающиеся роста численности самозанятых и увеличения налоговых поступлений в бюджеты разных уровней. Вместе с тем известно, что немалое количество неформально занятых продолжают трудиться без какого-либо учета, свободно занимаясь теми видами деятельности, которые приносят реальные деньги.

Несмотря на все трудности, которые возникают на пути самозанятых, эта группа людей приобретает все более весомую роль в социально-профессиональной структуре населения Республики Бурятия, расположенной на российско-монгольском трансграничье. Количество самозанятых растет быстрыми темпами, они занимают сферы взаимодействия с иностранными гражданами, в первую очередь с гражданами Монголии, поскольку безвизовый режим и приемлемый курс валюты позволяют им с комфортом путешествовать в приграничных регионах России. В условиях приграничного с Монголией статуса для самозанятых граждан Бурятии становится востребованным развитие услуг и производство товаров, имеющих местный колорит и специфику. Как показывает практика, приезжих туристов в основном привлекают озеро Байкал как объект всемирного наследия и связанный с ним экотуризм. Отдельное направление, которое активно развивается уже на протяжении последних десятилетий — религиозное паломничество, в частности к нетленному телу пандидо-хамбо ламы Д. Итигэлова. Достопримечательности, музеи, театры г. Улан-Удэ, культура бурят, семейских и других народов республики, местные товары и натуральные продукты, особенно национальная кухня бурят, остаются в числе приоритетных мотивов для посещения Бурятии. Развитие туризма на сопредельных территориях России, Монголии и Китая требует от жителей приграничных российских регионов акцентирования на натуральных, экологически чистых продуктах, возрождения традиционных хозяйственных

практик, характерных для самобытной культуры полиэтничных регионов. В этой связи роль самозанятых и выполняемые ими трудовые функции являются достаточно востребованными и занимают важное место в социально-профессиональной структуре республики. Со стороны государства требуется расширение мер для поддержки самозанятости как социального явления, приносящего очевидные результаты как для работников и их семей, так и для общества и экономики региона в целом.

Полевые материалы авторов

- Инф. 1 — муж., 46 лет, юрист.
Инф. 2 — жен., 52 года, массажист.
Инф. 3 — жен., 35 лет, тренер по аэро-йоге.
Инф. 4 — жен., 27 лет, фотограф.
Инф. 5 — муж., 40 лет, мастер по изделиям из натуральной кожи.
Инф. 6 — жен., 38 лет, мастер по изделиям из эпоксидной смолы.
Инф. 7 — жен., 49 лет, преподаватель бухгалтерских курсов.
Инф. 8 — муж., 42 года, мастер по ремонту холодильной техники.
Инф. 9 — жен., 49 лет, редактор текстов.

Литература

- Бадараев 2020 — *Бадараев Д. Д.* Особенности социально-профессиональной структуры населения Республики Бурятия // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сб. докл. VI Всеросс. социологического конгресса (г. Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В. А. Мансуров; ред. Е. Ю. Иванова. М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 5092–5100.
- Бадонов, Бадараев 2023 — *Бадонов А. М., Бадараев О. Д.* К вопросу о понятиях «самозанятость» и «самозанятый» в современной России // Восточный вектор: история, общество, государство. Вып. 2. 2023. С. 48–53.
- Батунаев, Григорьева 2020 — *Батунаев Э. В., Григорьева Ю. Г.* Приграничное сотрудничество России и Монголии (на примере Республики Бурятия) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. Т. 22. № 1. С. 30–45.
- Викулина 2009 — *Викулина В. В.* Категориальный статус понятия «Экономический человек» // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 7(101). С. 128–130.
- Всероссийская перепись населения 2020 — Всероссийская перепись населения 2020 г. [электронный ресурс] // URL: <https://fadm.gov.ru/otkritoe-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020/> (дата обращения: 15.01.2025).
- Голенкова и др. 2020 — *Голенкова З. Т., Голицева Ю. В., Горина Т. И.* Социологический портрет самозанятых в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Социология. 2020. Т. 20. № 4. С. 821–836.
- Жалсанова 2021 — *Жалсанова В. Г.* Трансграничье России и Монголии в условиях глобализации и регионализации // Теория и практика общественного развития. 2021. № 10. С. 63–69.
- Итоговый рейтинг регионов РФ 2024 — Итоговый рейтинг регионов РФ — 2024 [электронный ресурс] // URL: <https://riarating.ru/infografika/20241223/630274686.html> (дата обращения: 15.01.2025).
- Курков 2014 — *Курков И. И.* Современный экономический человек // Science Time. 2014. № 7(7). С. 193–197.
- Мансуров, Юрченко 2009 — *Мансуров В. А., Юрченко О. В.* Социология профессий:

- становление дисциплины и перспективы ее развития // Профессиональные группы: динамика и трансформация / под ред. В. А. Мансурова. М.: Институт социологии РАН, 2009. 419 с.
- Медведева, Кутеева 2023 — *Медведева Е. И., Кутеева К. А.* Экономическое поведение самозанятых: современные тенденции, проблемы и риски // Экономические науки. 2023. № 7(224). С. 97–103.
- Неформальная 2023 — Неформальная занятость в России и Монголии в современных условиях / науч. ред. З. Т. Голенкова, отв. ред. Д. Д. Бадараев. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2023. 196 с.
- Шкаратан, Ястребов 2007 — *Шкаратан О. И., Ястребов Г. А.* Социально-профессиональная структура населения России. Теоретические предпосылки, методы и некоторые результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006 гг. // Мир России. 2007. № 3. С. 3–50.
- Шрадер 1999 — *Шрадер Х.* Экономическая антропология. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 192 с.
- Ярошенко 2012 — *Ярошенко А. В.* Проблемные пути концептуализации трансграничья // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2012. № 152. С. 41–47.

УДК / UDC 316.4

Анализ системы среднего профессионального образования в регионах юга России

Ноган Вячеславовна Бадмаева¹

Analysis of the Secondary Vocational Education System in the Regions of Southern Russia

Nogan V. Badmaeva¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. ¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation) Российская Федерация)

младший научный сотрудник

Junior Research Associate

 0000-0002-4799-5506. E-mail:noganabadmaeva[at]yandex.ru

Аннотация. В статье представлен анализ системы среднего профессионального образования в южных регионах России. На основе статистических данных исследуются количественные и качественные характеристики образовательных организаций, их территориальное распределение и направления подготовки. Цель статьи — провести комплексный анализ обеспеченности южных регионов России учреждениями среднего профессионального образования и анализ направлений подготовки по программам среднего профессионального образования. Основное внимание уделяется сравнительному анализу организаций среднего профессионального образования в шести субъектах южного макрорегиона — Республиках Калмыкия и Дагестан, Астраханской, Волгоградской, Ростовской областях и Ставропольском крае. Исследование выявило диспропорции в обеспеченности учреждениями среднего профессионального образования, соотношении количества колледжей с численностью населения и молодежи 15–19 лет. Особое значение имеет выявленная отраслевая специализация образовательных организаций, соответствующая экономическому профилю каждого региона. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости дифференцированного подхода к развитию системы среднего профессионального образования с учетом региональной специфики. Ав-

тор предлагает направления совершенствования профессионального образования, включая создание межрегиональных центров компетенций, развитие дуального обучения и модернизацию материальной базы.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, средние специальные учебные заведения, колледжи, техникумы, направления подготовки, вовлеченность вузов, южные регионы России

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Асимметрично развивающиеся территории перед традиционными и новыми вызовами: исследование динамики социально-экономических процессов и изменчивости экологической ситуации» (номер госрегистрации:122022700133-9).

Для цитирования: Бадмаева Н. В. Анализ системы среднего профессионального образования в регионах юга России // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 1. С. 117–131. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-117-131

Abstract. The article presents the analysis of the secondary vocational education system in the southern regions of Russia. Based on statistical data, the quantitative and qualitative characteristics of educational organizations, their territorial distribution and areas of training are investigated. The *purpose* of the article is to conduct a comprehensive analysis of the provision of the secondary vocational education institutions in the southern regions of Russia and the analysis of the areas of training in vocational education programs. The main attention is paid to the comparative analysis of the secondary vocational education organizations in six subjects of the southern macroregion — the Republics of Kalmykia and Dagestan, Astrakhan, Volgograd, Rostov regions and Stavropol Territory. The study revealed imbalances in the provision of the vocational education institutions, the ratio of the number of colleges to the population and youth aged 15–19. Of particular importance is the identified industry specialization of educational organizations, corresponding to the economic profile of each region. The *results* of the study indicate the need for a differentiated approach to the development of the secondary vocational education system, taking into account regional specifics. The author suggests ways to improve vocational education, including the creation of inter-regional competence centers, the development of dual education and the modernization of the material base.

Keywords: secondary vocational education, secondary specialized educational institutions, colleges, technical schools, training areas, university involvement, southern regions of Russia

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700133-9 “Asymmetrically Developing Territories to Face Traditional and New Challenges: Exploring Socioeconomic Dynamics and Environmental Changes”.

For citation: Badmaeva N. V. Analysis of the Secondary Vocational Education System in the Regions of Southern Russia. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025. No. 1. Pp. 117–131. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-117-131

1. Введение

В последние годы среднее профессиональное образование (далее — СПО) в России становится все более популярным. Более половины вы-

пускников 9-х классов поступают в колледжи. В 2020 г. количество поступивших на программы СПО впервые с 2004 г. превысило число тех, кто был зачислен в университеты. Этот факт противоречит стереотипному представлению о том, что предпочтения подавляющего большинства российских школьников и их родителей прочно связаны с получением высшего образования [[СПО в России 2022: 6](#)].

Пик спроса на высшее образование, пришедшийся на 2000-е гг. в России, с 2010-х гг. начал постепенно снижаться, что было связано с социально-экономическими факторами, демографическими тенденциями и государственной политикой в сфере образования.

Современные социально-экономические условия формируют объективный запрос государства на развитие среднего профессионального образования, обеспечивающего подготовку квалифицированных специалистов, востребованных рынком труда, способствующих технологическому развитию страны и повышению ее конкурентоспособности в глобальной экономике.

Поскольку подготовка кадров для экономики и социальной сферы представляет собой одну из ключевых функций системы образования, последняя рассматривается в качестве важного источника социально-экономического развития регионов [[Клячко, Семионова 2018: 791](#)].

Цель статьи — провести комплексное исследование обеспеченности южных регионов России учреждениями среднего профессионального образования и анализ направлений подготовки по программам СПО. Основное внимание уделяется сравнительному изучению организаций среднего профессионального образования в шести субъектах южного макрорегиона — Республиках Калмыкия и Дагестан, Астраханской, Волгоградской, Ростовской областях и Ставропольском крае.

2. Материалы и методы

Материалами для исследования послужили статистические данные Министерства просвещения России, статистические данные региональных министерств образования и науки. Методами исследования являлись статистический анализ и сравнительный метод. На основе статистических данных проведен сравнительный анализ доступности организаций среднего профессионального образования в группе анализируемых регионов, т. е. проведена корреляция количества организаций среднего профессионального образования с численностью населения и численностью молодого населения в возрасте 15–19 лет. Также проанализированы направления подготовки в организациях СПО в изучаемых регионах.

3. История вопроса

Теме среднего профессионального образования в последние годы уделяется достаточно внимания среди российских исследователей. Спрос на среднее профессиональное образование в России анализировали В. А. Мальцева и А. И. Шабалин [[Мальцева, Шабалин 2021](#)], вклад

образования, в том числе среднего профессионального, в социально-экономическое развитие регионов рассматривали Т. Л. Клячко и Е. А. Семионова [Клячко, Семионова 2018], в развитие инновационной экономики — И. Г. Дежина и Г. А. Ключарев [Дежина, Ключарев 2019], сложность процесса модернизации российского среднего профессионального образования изучал А. А. Листвин [Листвин 2017]. Проблемы развития системы среднего профессионального образования в России рассматривали Х. Н. Албеков, Л. Х. Джабраилова, Т. А. Мордасова и другие авторы [Албеков и др. 2021].

История изучения вопроса развития среднего профессионального образования в регионах Юга России включает работы таких исследователей, как Ю. Ю. Меринова и Ю. Н. Меринов [Меринова, Меринов 2017], анализировавших реформирование СПО в Южном федеральном округе в 2000–2014 гг. Г. С. Сирая провела работу по анализу ключевых аспектов развития системы среднего профессионального образования в Ростовской области [Сирая 2021], проблемы и перспективы развития системы образования в Астраханской области изучала Е. В. Каргаполова [Каргаполова 2013], применение кластерного подхода к развитию среднего профессионального образования в Ставропольском крае изучали В. А. Бурляева, И. В. Буркина, К. В. Булах, К. А. Чебанов [Бурляева и др. 2018]. Проблемы дисбаланса в подготовке специалистов учреждениями профессионального образования в Республике Дагестан анализировал А. Н. Сердюков [Сердюков 2012], Х. З. Халимбеков, И. П. Фастовец, Ф. И. Магомедова проводили исследование по прогнозированию потребностей экономики Республики Дагестан в специалистах с профессиональным образованием [Халимбеков и др. 2018]. О необходимости социального партнерства среднего профессионального образования и производства в Волгоградской области писала Т. В. Костецкая [Костецкая 2015]. Становлению и развитию среднего профессионального образования в Калмыкии посвящена диссертационная работа И. М. Нармаевой [Нармаева 2006].

4. Статистика среднего профессионального образования в России

В 2025 г. реализация программ СПО осуществляется в 4 679 учреждениях среднего профессионального образования, в том числе 3 200 колледжах и 634 филиалах колледжей, 398 вузах на отделениях СПО (колледжи при вузе) и 452 отделениях СПО в филиалах вузов. Общая численность студентов, обучающихся по программам СПО — 3 850 545, из которых 2 421 056 поступили за счет бюджетных средств Российской Федерации. 84,5 % студентов обучаются по программам подготовки специалистов среднего звена, 15,5 % — по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих [Сводный отчет по форме...].

Рассмотрим количество организаций, осуществлявших программы СПО по федеральным округам в 2024 г.

Таблица 1. Количество образовательных организаций среднего профессионального образования по федеральным округам, 2024 г.

Страна / Округ	Число самостоятельных образовательных организаций	Число филиалов самостоятельных образовательных организаций	Число образовательных организаций ВО, реализующих программы СПО	Число филиалов образовательных организаций ВО, реализующих программы СПО
Российская Федерация	3 200	634	393	452
Центральный федеральный округ	697	107	112	101
Северо-Западный федеральный округ	286	36	48	36
Южный федеральный округ	345	61	38	66
Северо-Кавказский федеральный округ	237	44	25	29
Приволжский федеральный округ	717	150	72	109
Уральский федеральный округ	246	82	27	38
Сибирский федеральный округ	450	97	44	42
Дальневосточный федеральный округ	222	57	27	31

Источник: [Сводный отчет по форме...].

Анализ данных о количестве образовательных организаций СПО по федеральным округам Российской Федерации в 2024 г. показывает значительные межрегиональные различия. Наибольшее число самостоятельных организаций СПО сосредоточено в Приволжском (717), Центральном (697) и Сибирском (450) округах, тогда как наименьшие показатели у Дальневосточного (222), Северо-Кавказского (237) и Уральского (246) округов. Южные регионы демонстрируют средние

значения: Южный федеральный округ (далее — ЮФО) насчитывает 345 организаций, Северо-Кавказский федеральный округ (далее — СКФО) — 237. Особого внимания заслуживает высокая доля филиалов в Уральском федеральном округе (33,3 % от числа основных организаций) и минимальная в Северо-Западном федеральном округе (12,6 %). Вовлеченность вузов в реализацию программ СПО наиболее выражена в Центральном федеральном округе (112 вузов), тогда как в южных округах этот показатель существенно ниже (38 в ЮФО и 25 в СКФО). Наблюдаемая диспропорция (разрыв между лидерами и аутсайдерами в 3,2 раза) отражает общие демографические и экономические различия между регионами. Для более глубокого понимания ситуации требуется дополнительный анализ с учетом численности населения, динамики изменений и качественных показателей образовательных организаций.

Далее рассмотрим количество организаций СПО в группе анализируемых регионов.

Таблица 2. Количество образовательных организаций среднего профессионального образования в группе анализируемых регионов, 2024 г.

Субъект	Число самостоятельных образовательных организаций	Число филиалов самостоятельных образовательных организаций	Число образовательных организаций ВО, реализующих программы СПО	Число филиалов образовательных организаций ВО, реализующих программы СПО
Республика Калмыкия	8	4	1	2
Астраханская область	17	10	4	7
Волгоградская область	50	8	6	10
Ростовская область	108	7	11	16
Республика Дагестан	64	12	7	11
Ставропольский край	76	13	6	15

Источник: [Сводный отчет по форме...]

Анализ данных по организациям СПО в южных регионах России выявил существенные различия между субъектами. Ростовская область и Ставропольский край лидируют по количеству самостоятельных образовательных организаций (108 и 76 соответственно), что почти в 14 раз пре-

вышает показатель Республики Калмыкия (8 организаций). Наибольшее число филиалов самостоятельных организаций отмечается в Дагестане (12) и Ставропольском крае (13), тогда как Ростовская область при максимальном числе основных организаций имеет лишь 7 филиалов. Вовлеченность вузов в программы СПО наиболее выражена в Ростовской области (11 вузов) и Дагестане (7 вузов), при этом филиалы вузов, реализующих программы СПО, наиболее многочисленны в Ростовской области (16) и Ставропольском крае (15). Особого внимания заслуживает Астраханская область, где при относительно небольшом количестве основных организаций (17) наблюдается высокая активность филиальной сети (10 филиалов) и значительное участие вузов (4 вуза и 7 их филиалов). Полученные данные отражают неравномерность развития системы СПО даже в пределах одного макрорегиона, что требует дифференцированного подхода к образовательной политике в каждом субъекте.

Проведенный анализ выявил существенную региональную дифференциацию в распределении организаций СПО по России. На федеральном уровне наибольшее количество образовательных учреждений сосредоточено в Приволжском, Центральном и Сибирском округах, тогда как наименьшее — в Дальневосточном и Северо-Кавказском. В южных регионах наблюдается значительный разброс показателей даже внутри одного федерального округа: от максимальных значений в Ростовской области и Ставропольском крае до минимальных в Калмыкии. Особенно заметны диспропорции в развитии филиальной сети и вовлеченности вузов в программы СПО. Полученные данные свидетельствуют о необходимости учета региональной специфики при формировании образовательной политики и разработке мер по сокращению неравенства в доступности профессионального образования.

5. Сравнительный анализ количества организаций СПО с демографическими показателями в южных регионах России

Проведем анализ соотношения количества организаций СПО с общей численностью населения и молодежи в возрасте 15–19 лет (основной контингент абитуриентов) по данным Росстата.

Таблица 3. Соотношение количества средних специальных учебных заведений с численностью населения и молодежи 15–19 лет по регионам

Регион	Население, тыс.	Численность молодежи 15–19 лет, тыс.	Количество ссузов	Соотношение
Республика Калмыкия	267,6	17,9	15	1 на 17,8 тыс. населения; 1 на 1,2 тыс. молодежи 15–19 лет
Астраханская область	946,6	59,4	38	1 на 24,9 тыс. населения; 1 на 1,6 тыс. молодежи 15–19 лет
Волгоградская область	2 434,1	примерно 123 тыс.	74	1 на 32,9 тыс.; 1 на 1,7 тыс. молодежи 15–19 лет

Ростовская область	4 152,5	примерно 200 тыс.	142	1 на 29,2 тыс.; 1 на 1,4 тыс. молодежи 15–19 лет
Республика Дагестан	3 259,9	237,0	94	1 на 34,7 тыс.; 1 на 2,5 тыс. молодежи 15–19 лет
Ставропольский край	2 884,3	160,7	110	1 на 26,2 тыс.; 1 на 1,5 тыс. молодежи 15–19 лет

Источники: [Оценка численности постоянного населения по Республике Калмыкия...; Возрастно-половой состав населения Республики Калмыкия...; Оценка численности постоянного населения Астраханской области...; Возрастно-половой состав населения Астраханской области...; Численность постоянного населения Волгоградской области...; Распределение численности населения Волгоградской области по полу и возрастным группам...; Численность населения Ростовской области...; Численность населения Республики Дагестан...; Распределение населения по возрастным группам...; Численность населения Ставропольского края...; Численность населения Ставропольского края по полу и возрасту...].

Анализ таблицы выявляет существенные региональные различия в обеспеченности средними специальными учебными заведениями на юге России. Наиболее благополучная ситуация наблюдается в Республике Калмыкия, где на одно учебное заведение приходится всего 1,2 тыс. молодых людей 15–19 лет, что свидетельствует о высокой доступности профессионального образования. Хорошие показатели также демонстрируют Ставропольский край (1 ССУЗ на 1,5 тыс. молодежи) и Астраханская область (1 на 1,6 тыс.). В то же время Республика Дагестан выделяется наихудшими показателями — здесь на одно учреждение СПО приходится 2,5 тыс. молодых людей, что почти вдвое превышает средние значения по региону. Особого внимания заслуживает Ростовская область, которая при наибольшем абсолютном количестве ССУЗов (142) показывает обеспеченность 1 на 1,4 тыс. молодежи, что говорит об эффективной образовательной политике в этом субъекте. Волгоградская область занимает промежуточное положение с показателем 1 ССУЗ на 1,7 тыс. молодых людей. Полученные данные подчеркивают необходимость доступности профессионального образования, особенно в Дагестане, где отмечается наиболее острая нехватка учебных заведений при значительной численности молодежи.

6. Направления подготовки по регионам

Республика Калмыкия

Анализ направлений подготовки в ССУЗах Республики Калмыкия показывает ярко выраженную отраслевую специализацию, ориентированную на ключевые потребности региона. Медицинское образование сосредоточено в колледже им. Т. Хахлыновой (сестринское и лечебное дело), педагогическое — в колледже им. Х. Б. Канукова (дошкольное и начальное образование), а сохранение культурных традиций обеспечивает колледж искусств им. П. О. Чонкушова. Технические специальности представлены в политехническом колледже и колледже нефти и газа, однако ощущается острая нехватка образовательных программ по IT-технологиям. Аграр-

ный сектор, являющийся основой экономики республики, курируют Городовиковский и Лаганский техникумы, но их материальная база требует модернизации. Особого внимания заслуживает практически полное отсутствие подготовки кадров для туристической отрасли, несмотря на этнокультурный потенциал региона, а также недостаточное развитие инклюзивных программ, за исключением Калмыцкого филиала Российского государственного университета социальных технологий, где с 2018 г. ведется работа по внедрению инклюзивных подходов в образовательный процесс [Инклюзивное образование...]. Для полноценного развития системы СПО республике необходимо: обновление технического оснащения учебных заведений, введение перспективных направлений (цифровые технологии, возобновляемая энергетика, этнотуризм), а также усиление практико-ориентированной составляющей образования через партнерство с ведущими предприятиями региона.

Волгоградская область

Анализ системы среднего профессионального образования Волгоградской области выявляет четкую отраслевую и территориальную специализацию учебных заведений. В областном центре сконцентрированы многопрофильные учреждения технической направленности: Волгоградский политехнический колледж им. Вернадского, колледж машиностроения и связи, энергетический и строительный колледжи, обеспечивающие подготовку кадров для промышленного комплекса. Примечательно наличие узкоспециализированных учреждений в Волгограде — медицинско-экологического техникума, колледжа ресторанного сервиса и торговли, техникума водного транспорта, отражающих потребности крупного городского хозяйства.

Аграрный сектор обслуживают преимущественно сельские учебные заведения: Еланский, Быковский, Палласовский, Новоаннинский и другие сельскохозяйственные колледжи, расположенные в ключевых аграрных районах области. Особый интерес представляют специализированные учреждения в малых городах: Дубовский зооветеринарный колледж, Жирновский нефтяной техникум, Серафимовичский техникум механизации сельского хозяйства, демонстрирующие адаптацию образовательной сети к особенностям местной экономики.

Педагогическое образование по территории области: кроме Волгоградского социально-педагогического колледжа, подготовку педагогов осуществляют Дубовский, Жирновский и Михайловский педагогические колледжи, что обеспечивает кадровую поддержку образовательных учреждений во всех районах области. В транспортной инфраструктуре региона трудятся выпускники Волгоградского техникума железнодорожного транспорта и техникума водного транспорта.

Особенностью сети СПО Волгоградской области является:

1) ярко выраженная территориальная привязка специализации колледжей к экономическому профилю районов;

2) развитая сеть аграрных учебных заведений, полностью покрывающая потребности сельских территорий;

3) наличие педагогических колледжей в районных центрах для кадрового обеспечения местных школ.

При этом в Волгоградской области, как и в Калмыкии, отмечается недостаточное развитие подготовки кадров для сферы IT и цифровой экономики, а также отсутствие специализированных учреждений для туристической отрасли, несмотря на потенциал региона.

Астраханская область

Анализ системы СПО Астраханской области выявляет четкую ориентацию на ключевые отрасли региональной экономики. В областном центре сосредоточено 75 % колледжей, включая профильные учреждения для рыбопромышленного комплекса (Волго-Каспийский морской колледж), транспортной сферы (автомобильно-дорожный колледж) и креативных индустрий (арт-фэшн, музыкальное и художественное училища). Аграрный сектор обслуживают техникумы в Камызяке и Черноморске, однако большинство районов области не имеют собственных ССУЗов. Особого внимания заслуживает дисбаланс в подготовке кадров: при развитой сети медицинских (базовый медколледж) и педагогических (социально-педагогический колледж) учреждений ощущается нехватка программ для нефтегазовой отрасли и недостаточное развитие IT-направлений (имеется только колледж вычислительной техники). Для оптимизации системы требуется расширение филиальной сети в районах, создание межрайонных образовательных центров и введение новых специальностей, соответствующих стратегическим направлениям развития региона, таким как логистика, экология и цифровая экономика.

Ростовская область

Система СПО Ростовской области демонстрирует высокую степень развития и четкую территориально-отраслевую специализацию, охватывая все ключевые направления региональной экономики. В Ростове-на-Дону, как в образовательном центре региона, сосредоточены многопрофильные колледжи, готовящие кадры для промышленности (металлообработка, машиностроение), транспорта (железнодорожный, автомобильный, водный), IT-сферы и строительства. Крупные промышленные города региона — Таганрог, Шахты, Волгодонск, Новочеркасск — имеют специализированные техникумы по профильным направлениям (машиностроение, металлургия, энергетика), что обеспечивает кадровые потребности местных предприятий.

Особенностью сельских районов является развитая сеть аграрных техникумов (Зерноградский, Зимовниковский, Сальский и др.) и педагогических колледжей, равномерно распределенных по территории области для подготовки специалистов сельского хозяйства и учителей.

При этом сохраняются определенные диспропорции: недостаточно развиты современные направления (робототехника, биотехнологии), наблюдается различие в уровне материально-технического оснащения

между городскими и сельскими учебными заведениями. Перспективы развития системы СПО в области связаны с созданием межрайонных центров компетенций, внедрением дуального обучения, модернизацией материальной базы и расширением перечня специальностей с учетом потребностей инновационного развития экономики региона.

Ставропольский край

Анализ системы СПО Ставропольского края выявляет четкую отраслевую и территориальную специализацию, ориентированную на ключевые секторы региональной экономики. В крае сформирована следующая система подготовки кадров: в Ставрополе сосредоточены многопрофильные учреждения, включая базовый медицинский, аграрный и педагогический колледжи; в крупных городах-курортах (Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки) преобладают медицинские и сервисные учебные заведения; в промышленных центрах (Невинномысск, Буденновск) — технические и политехнические колледжи.

Особенностью сельских районов является наличие аграрных техникумов (Ипатово, Георгиевск, Светлоград), удовлетворяющих кадровые потребности сельского хозяйства — ведущей отрасли экономики края. При этом отмечаются существенные диспропорции: дефицит IT-учреждений (только 2 организации — в краевом центре и Невинномыске), слабое развитие экологических направлений и недостаточный охват восточных территорий.

Республика Дагестан

Анализ системы СПО Республики Дагестан показывает сложную, но развивающуюся структуру подготовки кадров, отражающую экономические и географические особенности региона. В республике функционирует более 90 учреждений СПО, которые можно разделить на несколько ключевых кластеров. В столичном Махачкалинском агломерационном районе сосредоточено более трети всех колледжей, включая наиболее крупные и многопрофильные — Дагестанский политехнический колледж, Колледж строительства и дизайна, Медицинский колледж им. Башларова. Эти учреждения охватывают широкий спектр направлений — от технических и медицинских до педагогических и сервисных.

Второй по значимости образовательный центр сложился в Дербенте, где преобладают туристические и сельскохозяйственные специальности. Следует обратить внимание, что педагогические колледжи равномерно распределены по территории республики (Буйнакск, Хасавюрт, Избербаш, Кизилюрт), это обеспечивает подготовку педагогических кадров для всех районов. Аграрный сектор обслуживают специализированные техникумы в городах Дагестанские огни (Аграрный колледж) и Буйнакске (Сельскохозяйственный колледж им. Ш. И. Шихсаидова), в сельских районах — в селе Карабудахкент (Профессиональное училище № 24).

7. Выводы

Сравнительный анализ систем СПО южных регионов России выявил ряд общих закономерностей и региональных особенностей. Во всех рас-

смотренных субъектах — Республике Калмыкия, Волгоградской, Астраханской, Ростовской областях, Ставропольском крае и Республике Дагестан — сложилась отраслевая специализация СПО, ориентированная на ключевые секторы региональных экономик. При этом в некоторых из них наблюдаются схожие проблемы: дефицит подготовки кадров по современным направлениям (ИТ, биотехнологии, робототехника), неравномерное географическое распределение учебных заведений с высокой концентрацией в крупных городах и недостаточным охватом сельских территорий.

Наиболее сбалансированная и развитая система СПО сложилась в Ростовской области и Ставропольском крае, где сеть учебных заведений охватывает все ключевые отрасли экономики. Волгоградская и Астраханская области делают основной акцент на аграрный и промышленный секторы. Наибольшие сложности наблюдаются в Республике Дагестан и Калмыкии, где система СПО сталкивается с ограниченным количеством учреждений, дефицитом подготовки кадров по перспективным направлениям.

Таким образом, проведенный анализ системы СПО южных регионов России позволил выявить ряд ключевых закономерностей и региональных особенностей:

Общие тенденции:

- наблюдается устойчивый рост популярности СПО, что отражает изменение образовательных предпочтений молодежи и запросов рынка труда;
- во всех регионах сохраняется четкая отраслевая специализация, соответствующая экономическому профилю территории;
- повсеместно отмечаются схожие проблемы: дефицит современных направлений подготовки (ИТ, биотехнологии), неравномерное распределение учреждений.

Региональные различия:

- наиболее развитая система СПО сложилась в Ростовской области и Ставропольском крае, где сеть учреждений полностью охватывает потребности региональной экономики;
- Волгоградская и Астраханская области демонстрируют выраженную аграрно-промышленную специализацию;
- Республики Дагестан и Калмыкия сталкиваются с наиболее серьезными вызовами — ограниченным количеством учреждений и недостаточным развитием перспективных направлений.

Демографический аспект:

- выявлены значительные диспропорции в обеспеченности СПО относительно численности молодежи;
- наибольший дефицит образовательных учреждений отмечается в Дагестане (1 ССУЗ на 2,5 тыс. молодежи);
- оптимальные показатели демонстрируют Калмыкия, Ставропольский край и Ростовская область.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости дифференцированного подхода к развитию системы СПО с учетом региональной специфики. Особое внимание следует уделить доступности профессионального образования и модернизации содержания подготовки кадров в соответствии с потребностями инновационного развития южных регионов России.

Источники и литература

- Албеков и др. 2021 — *Албеков Х. Н., Джабраилова Л. Х., Мордасова Т. А.* Проблемы развития системы среднего профессионального образования в России // Журнал прикладных исследований. 2021. Т. 10. № 6. С. 966–973.
- Бурляева и др. 2018 — *Бурляева В. А., Буркина И. В., Булах К. В., Чебанов К. А.* Клас-терный подход целостной системы профессионального образования (на примере Ставропольского края) // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4(71). С. 25–28.
- Возрастно-половой состав населения Астраханской области — Возрастно-половой состав населения по Астраханской области на 1 января 2012–2025 гг. [электронный ресурс] // URL: <https://30.rosstat.gov.ru/folder/162742> (дата обращения: 01.06.2025).
- Возрастно-половой состав населения Республики Калмыкия... — Возрастно-половой состав населения Республики Калмыкия на 1 января за 2012–2025 гг. [электронный ресурс] // URL: <https://30.rosstat.gov.ru/folder/35673> (дата обращения: 01.06.2025).
- Дежина, Ключарев 2019 — *Дежина И. Г., Ключарев Г. А.* Среднее профессиональное образование для инновационной экономики // Вестник института социологии. 2019. Т. 10. № 1. С. 120–138.
- Инклюзивное образование... — Инклюзивное образование. Российский государственный университет социальных технологий. Калмыцкий филиал [электронный ресурс] // URL: <https://kfilial.rgust.ru/inklyuzivnoe-obrazovanie/> (дата обращения: 05.06.2025).
- Каргаполова 2013 — *Каргаполова Е. В.* Система образования Астраханской области: состояние, проблемы, перспективы // Научный потенциал регионов России на службу модернизации. Межвузовский сборник научных статей. Астрахань: АИСИ, 2013. № 3(6). С. 102–105.
- Клячко, Семионова 2018 — *Клячко Т. Л., Семионова Е. А.* Вклад образования в социально-экономическое развитие регионов России // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 3. С. 791–805.
- Костецкая 2015 — *Костецкая Т. В.* Социальное партнерство и оценка качества подготовки выпускников среднего профессионального образования // Содействие профессиональному становлению личности и трудоустройству молодых специалистов в современных условиях: Сб. мат-лов VII Междунар. заочной науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Великой Победы (г. Белгород, 17 ноября 2015 г.). Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, 2015. С. 248–252.
- Листвин 2017 — *Листвин А. А.* Антиномии современного среднего профессионального образования // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 1. С. 103–119.
- Мальцева, Шабалин 2021 — *Мальцева В. А., Шабалин А. И.* Не-обходной маневр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 10–42.
- Меринова, Меринов 2017 — *Меринова Ю. Ю., Меринов Ю. Н.* Особенности про-

- странственного изменения образовательного ландшафта и реформирования профессионального образования в ЮФО // Международный журнал экономики и образования. 2017. Т. 3. №. 1. С. 91–108.
- Нармаева 2006 — *Нармаева И. М.* Становление и развитие среднего профессионального образования Калмыкии (1920–2005 гг.) // Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2006. 24 с.
- Оценка численности постоянного населения Астраханской области... — Оценка численности постоянного населения Астраханской области на 1 января 2012–2025 г. [электронный ресурс] // URL: <https://30.rosstat.gov.ru/folder/162742> (дата обращения: 01.06.2025).
- Оценка численности постоянного населения по Республике Калмыкия... — Оценка численности постоянного населения на 1 января 2025 г. по Республике Калмыкия [электронный ресурс] // URL: <https://30.rosstat.gov.ru/folder/35673> (дата обращения: 01.06.2025).
- Распределение населения по возрастным группам... — Распределение населения по возрастным группам на 1 января 2024 г. Статистический ежегодник. 2024: Дагестанстат. С. 51. [электронный ресурс] URL: <https://05.rosstat.gov.ru/elektronver> (дата обращения 01.06.2025).
- Распределение численности населения Волгоградской области по полу и возрастным группам... — Распределение численности населения Волгоградской области по полу и возрастным группам на 1 января 2024 г. [электронный ресурс] // URL: <https://34.rosstat.gov.ru/population> (дата обращения: 01.04.2025).
- Сводный отчет по форме... — Сводный отчет по форме федерального статистического наблюдения № СПО-1 «Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования» на начало 2024/2025 учебного года, Минпросвещения России [электронный ресурс] // URL: https://edu.gov.ru/activity/statistics/secondary_prof_edu (дата обращения: 01.04.2025).
- Сердюков 2012 — *Сердюков А. Н.* Проблема дисбаланса в подготовке специалистов учреждениями профессионального образования Республики Дагестан // Актуальные проблемы и перспективы социально-экономического, политического и правового развития России на современном этапе. Мат-лы VI Всеросс. науч.-практ. конф. филиала СПбГИЭУ (г. Кизляр, 5 мая 2012 г.). Кизляр: Фил. СПбГИЭУ в г. Кизляре, 2012. С. 36–38.
- Сирая 2021 — *Сирая Г. С.* Ключевые аспекты развития системы среднего профессионального образования региона (на примере Ростовской области) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2021. № 3. С. 109–122.
- СПО в России 2022 — Среднее профессиональное образование в России: ресурс для развития экономики и формирования человеческого капитала: аналитический доклад. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 100 с.
- Халимбеков и др. 2018 — *Халимбеков Х. З., Фастовец И. П., Магомедова Ф. И.* Прогнозирование потребностей экономики Республики Дагестан в специалистах с профессиональным образованием // Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 24. № 4. С. 130–137.
- Численность населения Республики Дагестан... — Численность населения Республики Дагестан на 01.01.2025 по городским округам и муниципальным районам [электронный ресурс] // URL: <https://05.rosstat.gov.ru/naselenie> (дата обращения: 01.04.2025).
- Численность населения Ростовской области... — Численность населения Ростовской области [электронный ресурс] // URL: <https://61.rosstat.gov.ru/>

folder/28951 (дата обращения: 01.04.2025).

Численность населения Ставропольского края... — Численность населения Ставропольского края на 01.01.2025 г. и в среднем за 2024 г. [электронный ресурс] // URL: <https://26.rosstat.gov.ru/folder/28386> (дата обращения: 05.04.2025).

Численность населения Ставропольского края по полу и возрасту... — Численность населения Ставропольского края по полу и возрасту [электронный ресурс] // URL: <https://26.rosstat.gov.ru/folder/28386> (дата обращения: 05.04.2025).

Численность постоянного населения Волгоградской области... — Численность постоянного населения Волгоградской области на 1 января и в среднем за год (с 2008 г. по 2025 г.) [электронный ресурс] // URL: <https://34.rosstat.gov.ru/population> (дата обращения: 01.04.2025).

УДК / UDC 31

Демографическое развитие Дальнего Востока России (XVII–XX вв.)¹

Глеб Вадимович Латыш¹

Demographic Development of the Russian Far East (17th – 20th Centuries)

Gleb V. Latish¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (стр. 1, д. 82, пр-кт. Вернадского, 119571 Москва, Российская Федерация)

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Building 1, 82, Vernadsky Ave., 119571 Moscow, Russian Federation)

аспирант

Postgraduate Student

0009-0001-8857-6252. E-mail: gleblatish[at]yandex.ru

Аннотация. Целью данного исследования является комплексный анализ демографической истории Дальнего Востока России в период с XVII в. по XX в., охватывающий ключевые этапы заселения региона в период Российской империи и СССР. В работе рассматриваются динамика численности населения, факторы ее изменения, включая миграционные процессы, государственную политику, социально-экономические условия и экзогенные кризисы, а также их долгосрочное влияние на формирование демографической структуры региона. *Методологическая основа* исследования базируется на системном подходе, сочетающем анализ статистических данных и научной литературы. Применяются как количественные, так и качественные методы. Особое внимание уделяется периодизации демографических процессов в контексте ключевых исторических событий, определявших специфику освоения Дальнего Востока. *Результаты* исследования демонстрируют, что демографическое развитие региона носило волнообразный характер с чередованием периодов активного заселения и стагнации. В XVII–XVIII вв. население росло медленно из-за экстремальных природных условий и от-

© КалмНЦ РАН (KalmSC RAS), 2025

© Латыш Г. В. (Latish G. V.), 2025

сутствия системной колонизации, в то время как в XIX в., особенно после строительства Транссиба, начался устойчивый рост, связанный с аграрными переселениями и военно-стратегическим закреплением территории. В советский период демографическая динамика усложнилась: принудительные миграции 1930–1950-х гг. обеспечили резкий прирост, но последующая урбанизация и экономические дисбалансы привели к оттоку населения в европейскую часть страны. Таким образом, демография Дальнего Востока складывалась под влиянием не только естественных факторов, но и целенаправленной государственной политики, что обусловило ее уникальную специфику в сравнении с другими регионами России.

Ключевые слова: демография, миграция, Дальний Восток, население, Российская империя, СССР

Для цитирования: Латыш Г. В. Демографическое развитие Дальнего Востока России (XVII–XX вв.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 1. С. 132–145. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-132-145

Abstract. The development of the Far East began in the 17th century with the expeditions of the Cossacks, who founded prisons, which became control centers. However, the population growth was held back by the harsh climate, gender imbalance, and conflicts with local tribes. In the 19th century, systemic measures (military colonization, peasant resettlement, sea transportation) contributed to the increase in the population, although by the beginning of the 20th century it did not exceed 1.3 million people. During the Soviet period, the demography of the region developed under the influence of industrialization, forced migration, and infrastructure projects. By 1989, the population reached 8 million, however structural problems (staff turnover, lack of infrastructure) led to the crisis of the 1990s. Thus, the demographic history of the Far East reflects the cyclical nature caused by the government regulation and socio-economic conditions. The sustainability of the population depended not only on migration policy, but also on the balanced development of the region.

Keywords: demography, migration, Far East, population, Russian Empire, USSR

For citation: Latish G. V. Demographic Development of the Russian Far East (17th–20th Centuries). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025. No. 1. Pp. 132–145. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-132-145

1. Введение

Дальний Восток России — обширный регион, занимающий около 40 % территории страны, но исторически отличающийся низкой плотностью населения. Этот богатый природными ресурсами регион, включающий Приамурье, Приморье, Камчатку, Сахалин и другие территории, играет ключевую роль в российской геополитике на востоке, обеспечивая выход к Тихому океану. Однако освоение дальневосточных земель и формирование устойчивой демографической структуры представляет собой крайне сложный процесс с учетом местной специфики региона.

Динамика демографии Дальнего Востока отражает общероссийские демографические тенденции, но вместе с тем имеет свои уникальные особенности. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке остается сложной, несмотря на предпринимаемые меры. Регион продолжает терять

население начиная с 1991 г., причем наиболее значительные потери наблюдаются в северных субъектах, таких как Чукотский АО и Магаданская область — в обоих случаях население сокращается приблизительно на 3/4. Основными факторами депопуляции являются естественная убыль и миграционный отток, особенно среди молодежи и квалифицированных кадров.

Ключевой проблемой стало демографическое старение населения, вызванное как снижением рождаемости, так и миграцией местного населения. Миграционные процессы в регионе носят двойственный характер: несмотря на отток местного населения в центральные регионы, наблюдается приток трудовых мигрантов из стран СНГ, особенно из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Однако их интеграция требует дополнительных усилий, и вместе с тем для большинства мигрантов из отмеченных государств переезд на Дальний Восток преимущественно связан с трудовой деятельностью. Кроме того, высокие цены на жилье, низкие зарплаты, недостаточно развитая инфраструктура делают регион непривлекательным для постоянного проживания, несмотря на программы государственной поддержки.

В долгосрочной перспективе эти тенденции угрожают геополитической стабильности региона, учитывая его стратегическое значение и низкую плотность населения. В этой связи особый интерес для исследования представляет демографическое развитие Дальнего Востока на разных исторических этапах. Принимая во внимание уникальность и специфику Дальнего Востока, властями предпринимались различные меры для заселения этого стратегически важного региона: начиная с первых казачьих экспедиций XVII в. и заканчивая демографическими программами, учитывающими особенности этого региона. В данной статье мы рассмотрим ключевые этапы демографического развития Дальнего Востока, проанализируем меры по повышению численности населения и определим причины динамики демографической трансформации региона.

2. Материалы и методы

В основу настоящего исследования лег комплекс разнообразных источников, позволяющих всесторонне проанализировать демографическое развитие Дальнего Востока в XVII–XX вв. Важнейшую группу материалов составили архивные документы и статистические данные, включая материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и Всесоюзных переписей 1926–1989 гг., а также отчеты переселенческих управлений и ведомств за 1861–1917 гг. В исследовании учтены данные специализированных научных изданий и научных публикаций [Захаров 2024: 114–125; Микрюков 2023: 65–84; Митрошин 2023: 6–18; Моисеева, Мищук 2024: 18–33; Чернолуцкая 2014: 23–37; и др.]. Такой комплексный подход к источниковой базе позволил обеспечить репрезентативность и достоверность полученных результатов.

Методологическая основа исследования базируется на системном подходе, сочетающем анализ статистических данных и научной литературы. Применяются как количественные методы (демографический анализ естественного и миграционного прироста, половозрастной структуры), так и качественные (историко-сравнительный анализ, оценка влияния политических и экономических факторов). Особое внимание уделяется периодизации демографических процессов в контексте ключевых исторических событий, определявших специфику освоения Дальнего Востока.

3. Освоение Дальнего Востока

Освоение Дальнего Востока русскими поселенцами началось в середине XVII в. с экспедиций казаков и землепроходцев. В 1639 г. отряд Ивана Москвитина вышел к побережью Охотского моря, а в 1640-х гг. Василий Поярков и Ерофей Хабаров исследовали бассейн Амура [Забияко 2023: 111]. Эти первопроходцы закладывали остроги — укрепленные поселения, которые становились центрами управления и сбора ясака (натурального налога) с местного населения. Вместе с тем, учитывая оборонительный характер данных сооружений, они становились центром притяжения для местных жителей, поскольку, помимо фискальных функций, могли обеспечить стабильную и безопасную зону проживания [Забияко 2023: 116], что было в новинку для коренных жителей и положительно сказалось на росте населения.

Особенностью этого периода было то, что русские поселенцы (в основном казаки, промысловики и крестьяне-старообрядцы) осваивали территории, которые формально принадлежали Цинской империи, но фактически не контролировались ею [Алексеев 1982: 34]. Это привело к русско-цинскому конфликту, завершившемуся Нерчинским договором 1689 г., согласно которому Россия временно отказалась от претензий на Приамурье [Забияко 2023: 122].

Население региона в этот период было крайне малочисленным [Алексеев 1982: 33–159]:

— коренное население (дауры, эвенки, нивхи, удэгейцы и др.) занималось преимущественно охотой и рыболовством, ведя полукочевой образ жизни;

— русское население исчислялось сотнями человек, сосредоточенными в немногочисленных острогах и зимовьях [Забияко 2023: 112];

— основными факторами, сдерживавшими рост населения, были суровый климат, трудности снабжения, гендерный дисбаланс (большинство переселенцев были мужчинами), конфликты с местными племенами и маньчжурами [Алексеев 1982: 86–37].

Несмотря на это, уже в XVII в. началась стихийная крестьянская колонизация, усилившаяся после церковного раскола, когда старообрядцы мигрировали на восток в период социально-религиозной неопределенности [Болонев 2013].

В середине XIX в. начался качественно новый этап освоения благодаря деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева и исследователя Г. И. Невельского. В 1850 г. Г. И. Невельский основал Николаевский пост в устье Амура [[Основан Николаевский пост](#)], что положило начало возвращению России в регион.

Власти Российской Империи предпринимали систематические меры для заселения Дальнего Востока:

1) военная колонизация — создание сети военных постов и переселение казаков. К 1862 г. на Амуре и Уссури поселилось около 16,4 тыс. забайкальских казаков [[Коваленко 2017: 106](#)].

2) крестьянское переселение — с 1861 г. Приамурье и Приморье были объявлены открытыми для заселения. Крестьянам предоставлялись льготы: до 100 десятин земли на семью, освобождение от податей и рекрутской повинности [[Осипов, Тютюнников 2007: 99](#)].

3) морские перевозки — с 1883 г. переселенцев начали доставлять морем из Одессы во Владивосток, что сократило время в пути и увеличило поток мигрантов (56 тыс. человек в 1883–1901 гг.) [[Нефедова, Трейвиш 2006: 4](#)].

Вышеуказанные меры способствовали достижению определенных результатов: если в 1850-х гг. русское население исчислялось сотнями, то к 1900 г. в Приморье переселилось около 70 тыс. человек [[Нефедова, Трейвиш 2006: 4](#)]. Основную массу переселенцев составляли крестьяне (86,2 %) и казаки (11,2 %) [[Нефедова, Трейвиш 2006: 4](#)]. Среди крестьян преобладали выходцы из юго-западных территорий Российской империи [[Блохинская 2011: 25](#)], что во многом определило этнокультурный облик региона.

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. мы не можем сформировать целостную картину в части опре-

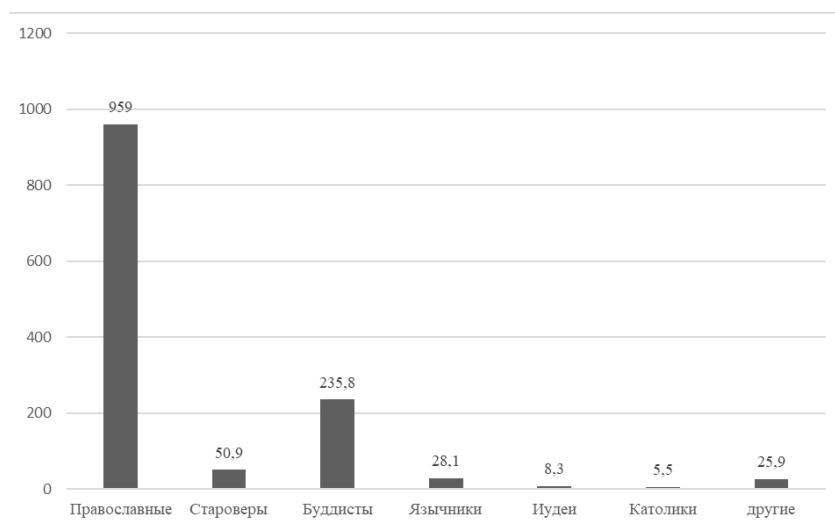

Рис. 1. Религиозный состав Дальнего Востока (тыс. чел.)

Источник: составлено автором по: [[Первая всеобщая 6, 1905: 52–57](#)].

деления этнической принадлежности жителей Дальнего Востока в связи с проводимой в Российской империи национальной политикой. Однако мы можем проанализировать данные относительно родного языка и вероисповедания проживавших на территории Дальнего Востока жителей (см. рис. 1, табл. 1). С учетом особенностей административно-территориального деления 1897 г. мы используем терминологию того времени для наиболее корректной интерпретации демографических показателей региона. Характерные черты данного деления региона отмечены в работе «Население Дальнего Востока 1895–1914 гг.: динамика естественного воспроизводства» В. А. Зверева [Зверев 2016: 13–19].

Согласно данным, представленным на рис. 1, к концу XIX в. большая часть населения причисляла себя к православным (73 %) и буддистам (18 %). Небольшую часть населения составляли староверы (3,9 %), язычники (2,1 %), иудеи (0,6 %) и католики (0,4 %).

Таблица 1. Религиозный состав Дальнего Востока 1897 г. (в тыс. чел.)

Всего	Амур- ская об- ласть	Забайкаль- ская об- ласть	Примор- ская об- ласть	Сахалин	Якутская область
Православные	91,6	443	140,3	19,5	264,6
Староверы	14,3	36,6	–	–	–
Буддисты	8,4	174,2	52,8	0,4	–
Язычники	3,8	–	20,8	3,5	–
Иудеи	0,3	8	–	–	–
Католики	–	–	3,7	1,8	–
Другие	1,9	10,2	5,7	2,8	5,3
Всего	120,3	672	223,3	28	269,9

Источник: составлено автором по: [Первая всеобщая 6, 1905: 52–57].

В то же время религиозный состав того периода сильно варьировался в зависимости от региона. Так, если религиозный состав Якутии был сравнительно однородный — 98 % населения составляли православные, то в Забайкалье и Приморье буддисты составляли порядка 25,9 % и 23,6 % населения соответственно. В свою очередь на территории Амурской области практически каждый десятый житель был старовером (11,9 %), а 7 % населения были буддистами. На Сахалине же 12,5 % жителей были представителями различных языческих верований и 6,4 % населения исповедовали католицизм. Подобное религиозное разнообразие во многом определило социальные особенности региона.

Данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. детально описывают все языковые особенности региона. Так, в документе указана информация о носителях русского, китайского, маньчжурского, корейского, тунгусского, бурятского, идиша, татарского, монгольского, чукотского, эскимосского, польского, корякского, алтайского, якутского, нанайского, японского, немецкого, армянского, айнского и

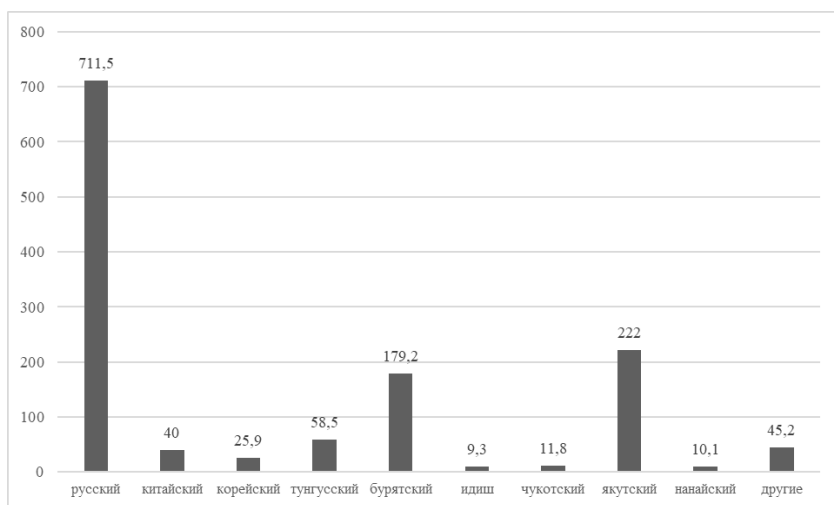

Рис. 2. Языковая принадлежность жителей Дальнего Востока (в тыс. чел.)

Источник: составлено автором по: [Первая всеобщая 7, 1905: 34–36].

Таблица 2. Языковая принадлежность жителей Дальнего Востока (в тыс. чел.)

	Амур- ская об- ласть	Забай- кальская область	При- морская область	Саха- лин	Якут- ская об- ласть	Дальний Восток
Всего	120,3	672	223,3	28	269,9	1313,5
русский	103,9	444,8	113,7	18,3	30,8	711,5
китайский	7,8	1,3	30,8	0,1	-	40
корейский	1,6	-	24,3	-	-	25,9
тунгус- ский	1,4	29,6	16,6	0,1	10,8	58,5
бурятский	-	179,2	-	-	-	179,2
идиш	-	7,5	1,8	-	-	9,3
чукотский	-	-	10,2	-	1,6	11,8
якутский	-	-	0,5	-	221,5	222
нанайский	-	-	8,2	1,9	-	10,1
другие	2,3	8	4,3	4,4	3,9	45,2

Источник: составлено автором по: [Первая всеобщая 7, 1905: 34–36].

других языков Дальнего Востока. Вместе с тем в ходе исследования мы уделяем особое внимание носителям языков, совокупная численность которых превышает 0,5 % от общего количества жителей Дальнего Востока того периода [Первая всеобщая 6, 1905; Первая всеобщая 7, 1905] (см. рис. 2, табл. 2).

При анализе языковой принадлежности у нас появляется более детальная картина относительно результатов проводимой в регионе национальной политики. Так, при сравнении религиозного и языкового состава

мы отмечаем, что для 54,2 % населения является родным русский язык, а для 16,9 % — якутский. В то же время, учитывая тот факт, что православие стало религией для приблизительно 73 % населения Дальнего Востока и 98 % населения Якутской области того периода, мы можем сделать вывод об эффективности проводимой в регионе национальной политики в части христианизации коренного населения Дальнего Востока, подтверждением которой в наше время является высокая популярность русских имен и фамилий среди жителей данного региона. Из данных, представленных на рис. 2, мы видим, что для значительного количества жителей бурятский (13,6 %), тунгусский (4,5 %), китайский (3 %) и корейский (2 %) являются родными языками.

При анализе языковой принадлежности жителей Дальнего Востока в региональном разрезе мы также видим существенные различия. Например, в Якутии, русский язык является родным лишь для 11,4 % жителей, в то время как якутский — для 82,1 %. Для значительной части населения Забайкальской области бурятский язык считался родным — 26,7 %. Наиболее разнородной в части языковой принадлежности является Приморская область — русский язык считали родным чуть более половины общего населения (50,9 %), китайский — 13,8 %, корейский — 10,9 %, тунгусский и чукотский — 7,4 % и 4,6 % населения соответственно.

Однако население региона оставалось крайне немногочисленным — к началу XX в. на территории Дальнего Востока проживало менее 1,3 млн чел. [Зверев 2016: 14], в то время как в Томской губернии проживало на 48 % больше чел. — 1,93 млн чел. [Первая Всеобщая 6, 1905: 56], чем в Дальневосточном регионе.

Советский период стал ключевым этапом в демографическом развитии Дальнего Востока, когда государственная политика заселения территорий сочеталась с экономическими и геополитическими задачами. Этот регион, обладая стратегическим значением, требовал устойчивого роста населения для освоения природных ресурсов и укрепления границ.

После революции 1917 г. демографическая ситуация на Дальнем Востоке развивалась в русле общероссийских тенденций, но в то же время с учетом местной специфики. Советское правительство, осознавая стратегическое значение региона, начало проводить активную демографическую политику. Так, к окончанию Гражданской войны СССР взял курс на плановое заселение Дальнего Востока. Добровольному переселению на «оторванные» от места проживания большей части населения СССР территории способствовали льготы — бесплатные земли, налоговые каникулы, компенсация переезда, предназначенные для крестьян и рабочих из центральных регионов [Занданова 2007: 37–38]. В 1920-е гг. основным инструментом заселения стали экономические стимулы: переселенцам предоставлялись значительные льготы, включая освобождение от налогов на 5–10 лет, бесплатный проезд до места назначения и земельные наделы [Вологодина 2010: 71]. Однако эти меры не дали ожидаемого эффекта: за 10 лет в регион прибыло лишь около 150 тыс. переселенцев на

добровольной основе [Жиромская 2001]. Вместе с тем население Дальнего Востока увеличивалось и за счет строительства колоний-поселений [Чернолуцкая 2011: 56]. В период Российской империи ресурсы Дальнего Востока во многом определяли социально-экономический облик региона (в тот момент крайне ценился мех [Чапаев 2011: 244–245]). В период СССР развитие добывающей промышленности (уголь, золото, рыба [Мотрич 2015: 8]) и транспортной инфраструктуры оказало значимое влияние на привлечение и закрепление населения в регионе. В результате к 1939 г. население региона выросло до ~2,4 млн. чел. [Ткачева 2007: 61], однако сохранялся гендерный дисбаланс (преобладание мужчин среди мигрантов) и высокая текучесть кадров из-за тяжелых условий жизни [Крушанова 2012: 22]. Согласно переписи 1923 г., в Амурской области проживало 240 тыс. русских [Блохинская 2011: 29]. Индустриализация 1930-х гг. привела к росту городского населения (Владивосток, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре) [Колбина, Найденов 2013: 59–60]. Вместе с тем Дальневосточный регион стал местом ссылки, что также увеличивало численность населения [Чернолуцкая 2011: 56].

Великая Отечественная война и связанные с ней демографические потери затронули также Дальний Восток, хотя и в меньшей степени, чем европейскую часть страны. Снижение рождаемости в годы Великой Отечественной войны было связано не только с постановкой страны на военные рельсы, но и с событиями времен Гражданской и Первой мировой войн: сформировавшаяся в тот период демографическая яма оказала значимое воздействие на численность населения. В годы Великой Отечественной войны Дальний Восток стал тыловой базой — мобилизация затронула порядка 0,5 млн. чел. (22 % населения региона) [Ткачева 2010: 5–15]. Передислокация промышленных предприятий из западных областей и использование поставок по ленд-лизу из дальневосточных портов оказали значимое влияние на промышленную базу региона как во время Великой Отечественной войны, так и после нее [Прохоров 2002: 118]. Вместе с тем естественный прирост населения снизился до 0,8 % из-за мобилизации мужчин и продовольственного кризиса [Мотрич 2006: 16].

В послевоенный период на демографическую ситуацию на Дальнем Востоке сильно повлияли, с одной стороны, демобилизация солдат, депортация корейцев и других «неблагонадежных» групп, а с другой — усиление миграционных льгот, таких как «северные надбавки» и программы субсидирования жилья [Постановление СМ СССР № 1029; Постановление Госкомтруда СССР и Президиума ВЦСПС № 380/П-18; Постановление ЦК КПСС, СМ СССР и ВЦСПС № 620; и др.]. Послевоенный период характеризовался масштабными миграционными процессами. Программа освоения целинных земель (1954–1965 гг.) привлекла на Дальний Восток около 1,4 млн. переселенцев, преимущественно из Украины, Центрального Черноземья и Поволжья [Платонова 2009: 10]. В отличие от довоенного периода акцент делался на добровольное переселение семейных работников с предоставлением жилья и социальных гарантий. Указанные меры спо-

способствовали достижению определенных результатов — к 1959 г. население достигло 4,8 млн. чел. [Мотрич 2015: 8]. Вместе с тем промышленное развитие региона (в тот период — добыча полезных ископаемых, рыбная промышленность [Мотрич 2015: 8]) оказало положительное влияние на стимулирование миграции (хотя часто она носила сезонный характер). Кроме того, строительство крупных инфраструктурных проектов, таких как Байкало-Амурская магистраль в 1970–1980-х гг., привлекло новых переселенцев. Пик численности населения был достигнут в 1989 г. (~8 млн. чел.) [Мотрич 2015: 8], после чего начался спад. Важным аспектом стала урбанизация региона. Если в 1926 г. городское население составляло лишь 28 % [Предварительные итоги 1927: 32], то к 1989 г. — уже 76 % [Итоги 1990: 13]. Однако этот процесс носил «очаговый» характер: 45 % городского населения концентрировалось всего в 5 крупнейших городах (Владивосток, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Благовещенск, Якутск) [Национальный состав 1990: 23–24], что создало серьезные диспропорции в развитии территорий. В этот период начали проявляться проблемы, которые в последующем приведут к демографическому кризису 1990-х гг.: высокая текучесть кадров, дефицит товаров и недостаточное развитие инфраструктуры, сокращение финансирования. Не стоит забывать в этом процессе влияние на демографию региона сложных климатических условий, характерных для региона. Указанные события во многом определили этнокультурный облик региона. Так, согласно данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., большую часть населения Дальнего Востока составили русские — 79,8 % [Национальный состав 1990: 145–153]. Вместе с тем значительную долю населения составляли украинцы (7,8 %), якуты (3,6 %) и белорусы (1,3 %) [Национальный состав 1990: 143–153].

4. Обсуждение

Проведенное исследование демографической истории Дальнего Востока с XVII в. по XX вв. позволяет обозначить ряд взаимодополняющих моментов с работами других авторов, изучавших эту проблематику. Сравнительный анализ показывает, что большинство исследователей выявляет одинаковые ключевые тенденции — роль миграции, влияние государственной политики и цикличность демографических процессов, но интерпретируют их по-разному в зависимости от хронологических рамок и методологических подходов.

В исследовании Е. Л. Мотрич особое внимание уделяется роли миграции. В работе подчеркивается, что Дальний Восток исторически формировался за счет миграционных волн [Мотрич 2015: 6–8] — от казачьих экспедиций XVII в. до советских программ переселения. В работах Г. А. Ткачевой и Е. Л. Мотрич показано, что миграция была основным драйвером роста населения, но в постсоветский период превратилась в фактор депопуляции из-за оттока молодежи [Мотрич 2015: 6; Ткачева 2010: 14].

Г. А. Ткачева отмечает важность государственного регулирования миграционных процессов в 1941–1945 гг. [Ткачева 2010: 74], что коррели-

рует с данными нашего исследования о мобилизационной экономике военных лет. Однако если Г. А. Ткачева делает упор на демографические потери, мы дополняем анализ долгосрочными последствиями, такими как урбанизация и дисбаланс половозрастной структуры.

Все перечисленные авторы сходятся в том, что демография Дальнего Востока развивалась волнообразно: периоды активного заселения (XIX в., 1930–1950-е гг.) сменялись стагнацией (1920-е гг., 1990-е гг.). Мы, вслед за Е. Л. Мотрич [Мотрич 2015: 6–14], связываем это с зависимостью от государственных программ, которые часто не учитывали социально-экономические условия региона.

5. Заключение

Проведенное исследование демографической истории Дальнего Востока России в период с XVII в. по XX вв. позволило выявить ключевые тенденции и закономерности, определявшие динамику численности и структуры населения данного региона. Анализ демографических процессов в длительной исторической ретроспективе свидетельствует о том, что они носили нелинейный характер, формируясь под воздействием целого комплекса факторов, включая государственную политику освоения территорий, миграционные потоки, социально-экономические трансформации и геополитические условия.

На начальном этапе колонизации (XVII–XVIII вв.) демографический рост сдерживался экстремальными природно-климатическими условиями, отсутствием системной переселенческой политики и периферийным статусом региона в структуре Российского государства. Качественные изменения произошли во второй половине XIX в., когда реализация целенаправленных мер по стимулированию переселения (аграрные реформы, транспортное строительство, военно-административное закрепление территорий) обусловила переход к устойчивому демографическому росту.

В советский период демографическое развитие региона характеризовалось выраженной цикличностью. Политика форсированной индустриализации и принудительных миграций 1930–1950-х гг. обеспечила резкий прирост населения, однако впоследствии структурные диспропорции в экономике, недостаточное развитие социальной инфраструктуры и ухудшение качества жизни привели к усилению миграционного оттока. Несмотря на достижение максимальных показателей численности населения в конце 1980-х гг., накопленные системные проблемы предопределили глубокий демографический кризис 1990-х гг.

Таким образом, демографическая история Дальнего Востока России представляет собой сложный процесс, в котором естественные факторы развития тесно переплетались с целенаправленным государственным регулированием. Полученные результаты исследования позволяют заключить, что устойчивость демографической системы региона в долгосрочной перспективе зависела не только от миграционной политики, но и от сбалансированности социально-экономического развития. Выявленные

исторические закономерности могут служить методологической основой для разработки современных стратегий демографического и пространственного развития Дальневосточного региона.

Источники

- Всесоюзная перепись населения 1989 — Всесоюзная перепись населения 1989 г. Национальный состав населения по регионам России [электронный ресурс] // URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=0 (дата обращения: 30.05.2025).
- Журман — Журман О. Приморский край: история заселения. Русский век. Портал для соотечественников [электронный ресурс] // URL: https://ruvek.mid.ru/publications/primorskiy_kray_istoriya_zaseleniya_5902/ (дата обращения: 30.05.2025).
- Итоги 1990 — Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. В 12 тт. Т. 1: Численность населения союзных республик, их территориальных единиц, городских и сельских поселений. Ашхабад: [б. и.], 1990. 74 с.
- Национальный состав 1990 — Численность населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990. 377 с.
- Первая всеобщая 6, 1905 — Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. под ред. Н. А. Тройницкого. Т. 6: Наличное население обоего пола по уездам с указанием преобладающих вероисповеданий и сословий. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. 60 с.
- Первая всеобщая 7, 1905 — Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. под ред. Н. А. Тройницкого. Т. 7: Наличное население обоего пола по уездам с указанием числа лиц преобладающих родным языком. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. 38 с.
- Предварительные итоги 1927 — Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 года по Дальневосточному краю. Хабаровск: Дальлит, 1927. 49 с.

Литература

- Алексеев 1982 — Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки: до конца XIX века. М.: Наука, 1982. 288 с.
- Блохинская 2011 — Блохинская А. В. История славянского заселения Амурской области в связи с формированием ее диалектного ландшафта // Слово: фольклорно-диалектический альманах. 2011. Вып. 9. С. 25–34.
- Болонев 2013 — Болонев Ф. Ф. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки: до конца XIX века Амурская эпопея в XVII и XIX веках. Переселения старообрядцев (семейских) на восток России (XVIII – начало XX века). Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2013. 250 с.
- Вологодина 2010 — Вологодина Е. С. Сельскохозяйственные переселения на российский Дальний Восток в 30-х годах XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 10(191). С. 68–73.
- Жиромская 2001 — Жиромская В. Б. Динамика численности населения России в 30-е годы // Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. С. 34–60 [электронный ресурс] // URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2007/0313/analit07.php> (дата обращения: 15.06.2025).

- Забияко 2023 — *Забияко А. П.* Русские остроги на Амуре в XVII в.: место в истории и исторической памяти // Археология евразийских степей. 2023. С. 111–125.
- Занданова 2007 — *Занданова Л. В.* Основные этапы складывания советской переселенческой политики и формирования переселенческих органов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2007. С. 27–45.
- Захаров 2024 — *Захаров С. М.* Молодежь и миграция: особенности дальневосточного кейса // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 114–125. DOI: 10.24866/1998-6785/2024-2/114-125
- Зверев 2016 — *Зверев В. А.* Население Дальнего Востока 1895–1914 гг.: динамика естественного воспроизводства // Гуманитарные науки Сибири. 2016. № 1. С. 13–19.
- Коваленко 2017 — *Коваленко А. И.* Переселение казаков на Дальний Восток во второй половине XIX – начале XX века // Амурский медицинский журнал. 2017. № 2. С. 106–108.
- Колбина, Найденов 2013 — *Колбина Е. О., Найденов С. Н.* Эволюция процессов урбанизации на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. 2013. № 4. С. 44–69.
- Крушанова 2012 — *Крушанова Л. А.* Особенности демографических процессов на Дальнем Востоке в 1980-х гг. // Россия и АТР. 2012. № 2(76). С. 19–30.
- Микрюков 2023 — *Микрюков Н. Ю.* Межрегиональная и международная миграции как факторы гендерных диспропорций в регионах России // Наука. Культура. Общество. 2023. № 4. С. 65–84. DOI: 10.19181/nko.2023.29.4.6
- Митрошин 2023 — *Митрошин И. В.* Уровень жизни в отдельных регионах Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 2. С. 6–18. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-103-2-6-18
- Моисеева, Мищук 2024 — *Моисеева Е. М., Мищук С. Н.* Региональные особенности возрастной структуры миграции на Дальнем Востоке России // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 4. С. 18–33. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-18-33
- Мотрич 2006 — *Мотрич Е. Л.* Население Дальнего Востока России. Рос. акад. наук, Дальневосточное отделение, Ин-т экон. исследований. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2006. 224 с.
- Мотрич 2015 — *Мотрич Е. Л.* Роль миграции в динамике численности и составе населения Дальневосточного федерального округа // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 3. С. 6–14.
- Нефедова, Трейвиш 2006 — *Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И.* Владивосток // География. 2006. № 15. С. 3–11.
- Осипов, Тютюнников 2007 — *Осипов Ю. Н., Тютюнников В. Т.* О периодизации переселения крестьян на Дальний Восток России (1855–1917 гг.): историография вопроса // Вестник Дальневосточного аграрного университета. 2007. № 4. С. 98–104.
- Основан Николаевский пост — Основан Николаевский пост на амуре. Федеральное государственное бюджетное учреждение «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина» [электронный ресурс] // URL: <https://www.prilib.ru/history/619453> (дата обращения: 30.05.2025).
- Платонова 2009 — *Платонова Н. М.* Российский Дальний Восток в 1965–1985 годы: специфика промышленного развития региона // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 119. С. 9–20.
- Постановление Госкомтруда СССР и Президиума ВЦСПС № 380/П-18 — Постановление от 4 сентября 1964 г. № 380/П-18 «Об утверждении районных коэф-

- фициентов к заработной плате работников просвещения, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и общественного питания и других отраслей народного хозяйства, непосредственно обслуживающих население, занятых в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к районам Крайнего Севера» [электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901789282> (дата обращения: 15.06.2025).
- Постановление СМ СССР № 1029 — Постановление от 10 ноября 1967 г. № 1029 «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1967 г. (О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера)» (с изменениями на 16 ноября 2021 года) [электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/9003198> (дата обращения: 15.06.2025).
- Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС № 620 — Постановление от 15 июля 1964 г. № 620 «О повышении заработной платы работников просвещения, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и общественного питания и других отраслей народного хозяйства, непосредственно обслуживающих население» [электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901729595> (дата обращения: 15.06.2025).
- Прохоров 2002 — Прохоров А. П. Эвакуация промышленности на восток (из опыта советской модели управления) // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 115–121.
- Ткачева 2007 — Ткачева Г. А. Динамика численности и состава населения Дальнего Востока в 1941–1945 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. Вып. 1. 2007. С. 60–74.
- Ткачева 2010 — Ткачева Г. А. На алтарь Отечества... Дальневосточники на фронтах Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 5–15.
- Чапаев 2011 — Чапаев М. Р. Меховая торговля и ее правовое регулирование в Российской империи в XIX в. // Теория и практика общественного развития 2011. № 7. С. 244–246.
- Чернолуцкая 2011 — Чернолуцкая Е. Н. Колонизационные поселки при исправительно-трудовых лагерях на Дальнем Востоке (1933–1940 гг.) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2011. № 1. С. 54–63.
- Чернолуцкая 2014 — Чернолуцкая Е. Н. «Точка невозврата»: демографическая динамика на Дальнем Востоке СССР в годы перестройки (1985–1991) // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 23–37.

УДК / UDC 316. 4

Развитие малого и среднего предпринимательства на Юге России: динамика и региональные особенности

Ирина Эрдниевна Санджиева¹

Development of Small and Medium-sized Enterprises in the South of Russia: Dynamics and Regional Features

Irina E. Sandzhieva

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation) Российская Федерация)

младший научный сотрудник

Junior Research Associate

0009-0008-6274-6664. E-mail: chimbeevai[at]mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу развития малого и среднего предпринимательства в южных регионах России, включая Республику Калмыкия, Астраханскую, Волгоградскую, Ростовскую области и Ставропольский край. *Целью* исследования является анализ статистики развития малого и среднего предпринимательства на Юге России с акцентом на выявление различий и особенностей в динамике его развития. *Задачи* исследования включают сравнительный анализ ключевых показателей малого и среднего предпринимательства, выявление факторов, способствующих и препятствующих его развитию, а также определение основных проблем, с которыми сталкиваются предприниматели. В работе используются *методы* сравнительного анализа, статистической обработки данных и системного подхода, основанные на официальных статистических данных, отчетах государственных органов и научных исследованиях, что обеспечивает надежность и объективность выводов. *Результаты.* Были проанализированы количественные показатели, такие как число зарегистрированных субъектов МСП, объемы производства и уровень занятости. Наблюдался устойчивый рост числа зарегистрированных субъектов МСП во всех регионах, однако темпы роста варьируются. Наибольшее увеличение наблюдалось в Ростовской области и Ставропольском крае, что свидетельствует о благоприятных усло-

виях для ведения бизнеса. Вместе с тем снижение занятости в ряде регионов указывает на структурные изменения в экономике и оптимизацию бизнес-процессов. Одной из ключевых особенностей региональной экономической политики является значительная разница в уровне развития МСП между регионами. Например, Ростовская область демонстрирует устойчивый рост числа МСП и их вклада в экономику региона, в то время как Республика Калмыкия сталкивается с ограничениями, связанными с меньшей численностью населения и узостью внутреннего рынка. Региональные различия также проявляются в структуре и специализации МСП. В Ставропольском крае наблюдается рост в аграрном секторе, тогда как Волгоградская область акцентирует внимание на промышленности. Эти особенности подчеркивают необходимость учета региональной специфики при разработке мер поддержки.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, Юг России, статистика, динамика развития, региональные особенности, государственная поддержка, экономические условия, предпринимательская активность

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Асимметрично развивающиеся территории перед традиционными и новыми вызовами: исследование динамики социально-экономических процессов и изменчивости экологической ситуации» (номер госрегистрации: 122022700133-9).

Для цитирования: Санджиева И. Э. Развитие малого и среднего предпринимательства на Юге России: динамика и региональные особенности // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 1. С. 146–163. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-146-163

Abstract. The study analyzes the development of small and medium-sized businesses in the southern regions of Russia, including the Republic of Kalmykia, Astrakhan, Volgograd, Rostov regions and Stavropol Territory. The *purpose* of the study is to analyze the statistics of the development of small and medium-sized enterprises in the South of Russia, with an emphasis on identifying differences and peculiarities in the dynamics of its development. The objectives of the study include conducting a comparative analysis of key indicators of small and medium-sized enterprises, identifying factors contributing to and hindering its development, as well as identifying the main problems faced by entrepreneurs. The work uses methods of comparative analysis, statistical data processing and a systematic approach based on official statistical data, reports from government agencies and scientific research, which ensures the reliability and objectivity of the conclusions. *Results.* Quantitative indicators such as the number of registered small and medium-sized enterprises, production volumes, and employment levels were analyzed. A steady increase in the number of registered small and medium-sized enterprises was observed in all regions, although the rate of growth varied. The largest increases were observed in the Rostov Region and Stavropol Krai, indicating favorable business conditions. However, a decline in employment in a number of regions points to structural changes in the economy and the optimization of business processes. One of the key features of regional economic policy is the significant difference in the level of small and medium-sized enterprises development between regions. For example, the Rostov Region demonstrates a steady increase in the number of small and medium-sized enterprises and their contribution to the regional economy, while the Republic of Kalmykia faces limitations related to

a smaller population and a narrow domestic market. Regional differences are also evident in the structure and specialization of small and medium-sized enterprises. In Stavropol Krai, growth is observed in the agricultural sector, while the Volgograd Region emphasizes industry. These characteristics highlight the need to consider regional specifics when developing support measures.

Keywords: small and medium-sized enterprises, Southern Russia, statistics, development dynamics, regional characteristics, government support, economic conditions, entrepreneurial activity

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700133-9 “Asymmetrically Developing Territories to Face Traditional and New Challenges: Exploring Socioeconomic Dynamics and Environmental Changes”.

For citation: Sandzhieva I. E. Development of Small and Medium-sized Enterprises in the South of Russia: Dynamics and Regional Features. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025. No. 1. Pp. 146–163. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-146-163

1. Введение

Развитие малого и среднего предпринимательства (далее — МСП) играет ключевую роль в экономике России, особенно в регионах с неблагоприятными экономическими и социальными условиями. Регионы Юга России, такие как Республика Калмыкия, Астраханская, Волгоградская, Ростовская области и Ставропольский край, представляют собой уникальную территорию для анализа, поскольку характеризуются значительными различиями в экономическом развитии, инфраструктуре и предпринимательской активности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа динамики в условиях изменений экономической среды с 2020 г. по 2024 г. Понимание специфики и тенденций развития МСП в этих регионах важно для разработки эффективных мер государственной поддержки и стимулирования предпринимательства.

Целью данного исследования является количественный анализ развития МСП на Юге России с акцентом на выявлении различий и особенностей в динамике развития МСП в исследуемых регионах. Для достижения цели поставлены следующие задачи: провести сравнительный анализ ключевых показателей МСП, таких как количество зарегистрированных предприятий и количество занятых в этой сфере; выявить факторы, способствующие и препятствующие развитию МСП; определить основные тенденции и проблемы, с которыми сталкиваются предприниматели в данных регионах.

2. Методы и материалы

В работе использованы методы сравнительного анализа, статистической обработки данных и системного подхода. Анализ основан на данных официальной статистики, отчетах государственных органов и материалах научных исследований, что обеспечивает надежность и объективность выводов.

Исследуемые регионы обладают различными географическими (см. табл. 1), экономическими (см. табл. 2) и социальными характеристиками (см. табл. 3, 4, 5). Так, например, Республика Калмыкия отличается низкой плотностью населения и ограниченными ресурсами, тогда как Ростовская область — один из наиболее экономически развитых регионов из исследуемой нами группы. Астраханская и Волгоградская области, а также Ставропольский край занимают промежуточное положение, характеризуясь значительными различиями в структуре экономики и уровне предпринимательской активности.

Таблица 1. Площадь регионов Юга России и их крупнейшие города

Страна / Округ / Субъект	Площадь территории, тыс. кв ²	Столицы, центры и наиболее крупные города субъектов Российской Федерации
Российская Федерация	17 125,2	
Южный федеральный округ	447,8	
Республика Калмыкия	74,7	Элиста, Лагань, Городовиковск
Астраханская область	49	Астрахань, Ахтубинск, Знаменск
Волгоградская область	112,9	Волгоград, Волжский, Камышин
Ростовская область	101	Ростов-на-Дону, Таганрог, Шахты, Волгодонск, Новочеркасск, Батайск, Новошахтинск
Ставропольский край	66,2	Ставрополь, Пятигорск, Кисловодск, Невинномысск, Ессентуки

Источник: [Площадь субъектов].

Таблица 2. Рейтинг регионов по валовому региональному продукту за 2022 г. (далее — ВРП)

Страна / Округ / Субъект	ВРП (млн. руб.)
Российская Федерация	139 504 435,5
Южный федеральный округ	9 771 228,1
Республика Калмыкия	119 775,6
Астраханская область	763 880,4
Волгоградская область	1 208 235,4
Ростовская область	2 317 782,0
Ставропольский край	1 177 815,9

Источник: [Валовой региональный продукт по субъектам РФ].

Таблица 3. Распределение населения по городской и сельской местности в регионах России (2024–2025 гг.), чел.

Страна / Округ / Субъект	В среднем за 2024 г.			На 1 января 2025 г.		
	Все население	Городское население	Сельское население	Все население	Городское население	Сельское население
Российская Федерация	146 089 557	109 609 029	36 480 528	146 028 325	109 691 118	36 337 207
Южный федеральный округ	16 604 990	10 506 131	6 098 859	16 585 900	10 496 455	6 089 445
Республика Калмыкия	267 073	125 566	141 507	267 376	125 857	141 519
Астраханская область	946 210	604 340	341 870	945 991	603 973	342 018
Волгоградская область	2 444 626	1 900 513	544 113	2 435 355	1 894 826	540 529
Ростовская область	4 143 768	2 811 984	1 331 784	4 135 018	2 807 578	1 327 440
Ставропольский край	2 884 801	1 756 675	1 128 126	2 883 494	1 757 749	1 125 745

Источник: [Оценка численности населения].

Таблица 4. Плотность населения по субъектам РФ за 2022 г.

Страна / Округ / Субъект	Плотность населения, чел/ км ²
Российская Федерация	8,53
Южный федеральный округ	37,04
Республика Калмыкия	3,58
Астраханская область	19,31
Волгоградская область	21,56
Ростовская область	40,98
Ставропольский край	43,60

Источник: [Статистические данные].

Таблица 5. Рейтинг регионов по занятости населения в малом и среднем бизнесе

Место	Страна / Субъект	Доля занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, в общей численности занятых в экономике в 2023 г., %	Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, в общей численности занятых в экономике в 2023 г., тыс. человек	Изменение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей за год, %
-	Российская Федерация	43,1	31449,6	11,7
4	Республика Калмыкия	56,0	62,7	66,1
30	Ростовская область	40,9	856,5	12,4
64	Ставропольский край	32,8	440,4	10,3
67	Волгоградская область	31,9	376,6	10,8
68	Астраханская область	31,6	147,7	13,7

Источник: [РИА рейтинг].

3. Определение и классификация МСП

Малые и средние предприятия играют ключевую роль в экономике, обеспечивая гибкость, инновационность и создание рабочих мест. Согласно Федеральному закону № 209-ФЗ от 24 июля 2007 г. «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [Федеральный закон], к категории МСП относятся предприятия, соответствующие установленным критериям, таким как численность работников и объем годовой выручки. В рамках законодательства Российской Федерации малые и средние предприятия классифицируются на основании численности работников и объемов выручки. Например, малые предприятия подразделяются на микропредприятия, где численность сотрудников не превышает 15 чел., и непосредственно малые предприятия с численностью до 100 чел. К средним предприятиям относятся организации с численностью до 250 сотрудников. Эти критерии позволяют четко разграничить предприятия по их размерам и определить их роль в экономической системе. Одним из важных аспектов функционирования МСП является влияние информационной асимметрии на финансовые рынки.

4. История вопроса

Исследования развития МСП на Юге России за последние годы охватывают широкий спектр от отраслевой специализации и влияния кризисных факторов до роли государственной поддержки и цифровизации.

Анализировались отраслевые специализации МСП в зависимости от региональной экономической структуры. Так, по мнению исследователей, в Республике Калмыкия и Ростовской области основной вклад вносят агропромышленные предприятия [Даваева, Хубаева 2022; Курочкин 2014], в Ставропольском крае — виноделие и туристический бизнес [Пароконная и др. 2015; Сарафанова, Сарафанов 2014], в Астраханской области — логистика, рыбопереработка и портовые услуги [Волынский, Титов 2016; Ходоревская, Некрасова 2019], а в Волгоградской области — кооперация с промышленными предприятиями [Деточенко 2018].

Уделялось внимание также влиянию кризисных факторов и государственной поддержки. Рассматривалось влияние пандемии на сектор МСП и применение антикризисных мер для смягчения последствий [Зубаревич 2020; Земцов, Михайлов 2021]. Цифровые аспекты поддержки предпринимательства анализировались в работах: [Митрофанова, Иванова 2023; Земцов, Михайлов 2021; Цыркаева 2024]. Исследователи рассматривали социально-экономические функции МСП в сельских территориях, где малый бизнес компенсирует отсутствие крупных работодателей и обеспечивает занятость населения [Балашова и др. 2022]. С. П. Земцов отмечал феномен «вынужденного предпринимательства» в слаборазвитых регионах, где регистрация индивидуальных предпринимателей часто связана не с реальной деловой активностью, а с необходимостью выживания [Земцов 2020].

5. Сравнительный анализ МСП в выбранных регионах

МСП в анализируемых регионах имеет свои особенности, обусловленные экономической и социальной спецификой региона. По данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, в 2022 г. в исследуемых регионах насчитывалось более 376 тысяч субъектов МСП [Единый реестр], что составляет 6,3 % от общего числа МСП в России за указанный период. В 2024 г. насчитывалось более 419 тысяч зарегистрированных субъектов МСП [Единый реестр], что составляет 6,4 % от общего числа по России. Эти предприятия играют ключевую роль в обеспечении занятости и развитии местной экономики. В 2020 г. в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство» было выделено более 12 млрд руб. на поддержку МСП в регионах [Национальный проект], что свидетельствует о значимости сектора для регионального развития.

Анализ занятости населения в МСП продемонстрировал наличие обратной зависимости между уровнем урбанизации региона и удельным весом занятых в секторе МСП. Так, субъекты с относительно низким показателем доли городского населения (Республика Калмыкия, Ставропольский край) характеризуются значительным вкладом малых и средних предприятий в общую занятость населения. Например, несмотря на низкую долю городского населения (47 % и 61 % в Республике Калмыкия и Ставропольском крае соответственно) (см. табл. 2), указанные регионы демонстрируют высокую

концентрацию трудовых ресурсов именно в сфере малого и среднего бизнеса (56 % и 32,8 % соответственно) (см. табл. 5). Этот феномен свидетельствует о важной социальной функции данного сегмента экономики в аграрных регионах, где дефицит крупных производственных комплексов восполняется малыми формами хозяйствования.

Рассмотрим количество зарегистрированных субъектов МСП в каждом из регионов за период с 2020 г. по 2024 г. (см. табл. 6).

Таблица 6. Количество юридических лиц и предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства, 2020–2024 гг.

Год	Российская Федерация	Южный Федеральный округ	Республика Калмыкия	Астраханская область	Волгоградская область	Ростовская область	Ставропольский край
2020	5 684 561	665 412	8 550	28 421	72 366	167 268	94 615
2021	5 866 703	678 129	9 811	28 049	72 605	170 274	94 488
2022	5 991 349	682 676	11 861	27 598	71 638	171 137	93 944
2023	6 347 771	720 158	20 226	28 582	74 340	178 450	98 671
2024	6 588 535	752 436	28 022	30 278	76 153	182 600	102 745

Источник: [Единый реестр].

Все пять регионов показывают стабильный рост числа зарегистрированных субъектов МСП за указанный период. Это подтверждает общую позитивную динамику развития сектора малого и среднего бизнеса на Юге России. Ростовская область стабильно занимает первое место по числу субъектов МСП среди анализируемых регионов. Это может свидетельствовать о благоприятных условиях для ведения бизнеса, доступности финансовых ресурсов и поддержке со стороны местных властей.

Ставропольский край также входит в тройку лидеров, демонстрируя устойчивое увеличение числа субъектов МСП. Астраханская область продемонстрировала относительно умеренное увеличение числа субъектов МСП, что может говорить о наличии определенных сдерживающих факторов для роста данного сектора экономики. Республика Калмыкия показала резкий скачок в 2023 г., увеличив количество субъектов МСП почти вдвое по сравнению с предыдущими годами. Это может указывать на активизацию усилий по поддержке предпринимательства на региональном уровне и может быть связано с введением налоговых послаблений. Очевидно, что налоговая политика существенно влияет на развитие малого и среднего предпринимательства. Так, в Республике Калмыкия с 1 января 2023 г. вступил в силу закон «Об установлении налоговых ставок для налогоплательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения (УСН)», которым установлены минимальные налоговые ставки для всех налогоплательщиков, применяющих УСН [Закон от 11.10.2022]. В Астраханской области в 2024 г. была внедрена новая система налоговых льгот для субъ-

ектов МСП [[Закон от 27.12.2023](#)], что стимулировало развитие бизнеса и привлекло новых предпринимателей. Такие инициативы могут значительно снизить налоговую нагрузку на малый и средний бизнес, делая его более конкурентоспособным.

Далее проанализируем количество людей, работающих в сфере МСП, ежегодно по каждому региону (см. табл. 7). Эти данные помогут оценить вклад малого и среднего бизнеса в обеспечение занятости населения.

Таблица 7. Количество людей, работающих в сфере малого и среднего предпринимательства, 2020–2024 гг.

Год	Россий- ская Феде- рация	Южный Феде- ральный округ	Респу- блика Калмы- кия	Астра- ханская область	Волго- град- ская область	Ростов- ская об- ласть	Ставро- поль- ский край
2020	15 491 144	1 476 431	11 515	68 926	181 331	406 668	214 475
2021	14 662 197	1 409 666	13 184	62 960	172 641	385 393	201 544
2022	15 191 543	1 450 875	16 794	63 912	173 261	385 136	205 026
2023	15 080 528	1 432 409	26 368	62 298	168 578	379 376	198 155
2024	15 065 593	1 409 145	33 893	62 210	163 168	367 753	189 838

Источник: [[Единый реестр](#)]

Проведенный сравнительный анализ структуры занятости населения в сфере МСП за 2023 г. позволил выявить следующие ключевые тенденции и закономерности:

1) относительная доля работников, трудоустроенных в секторах малого и среднего бизнеса по отношению к общей численности экономически активного населения страны, составила: Российская Федерация — 43,1 %, Республика Калмыкия — 56,0 % (рекордный показатель среди субъектов Российской Федерации), Ставропольский край — 32,8 % (минимальное значение среди регионов Южного федерального округа) (см. табл. 5);

2) в Республике Калмыкия зафиксирован значительный рост занятого населения в секторе МСП (+66,1 %), обусловленный эффективностью реализации государственных программ поддержки предпринимательства. Регистрируется снижение показателей занятости в регионах с высокой концентрацией промышленного производства (например, Волгоградская область — 8,3 %) (см. табл. 7);

3) доля совокупной численности работников сферы МСП Южного федерального округа (далее — ЮФО) составляет лишь 9,5 % от общенационального показателя, тогда как вклад данного региона в валовый внутренний продукт страны достигает отметки в ~7%, что свидетельствует о сравнительно низкой производительности труда и недостаточной эффективности использования трудовых ресурсов в малом бизнесе региона (см. табл. 4).

Несмотря на общий рост числа занятых в МСП в субъектах, это число в большинстве анализируемых регионов демонстрирует снижение. Это может быть связано с оптимизацией процессов внутри компаний, автоматизацией производства, переходом на цифровые технологии, влиянием введенных санкций против Российской Федерации и общего мирового экономического кризиса. Исключением является Республика Калмыкия, где занятость в сфере МСП значительно выросла в 2023–2024 гг., что коррелирует с увеличением числа субъектов МСП в регионе (см. табл. 6). Ростовская область и Ставропольский край остаются лидерами по уровню занятости в МСП. Астраханская область и Волгоградская область показали значительное сокращение числа занятых, что может сигнализировать о структурных изменениях в экономике этих субъектов (см. табл. 7).

Рассмотрим сальдированный финансовый результат МСП (см. табл. 8), что отражает финансовую устойчивость и эффективность работы подобных предприятий.

Таблица 8. Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности организаций (млн руб.), 2020–2023 гг.

Год	Российская Федерация	Южный Федеральный округ	Респ. убли-ка Калмыкия	Астраханская область	Волгоградская область	Ростовская область	Ставропольский край
2020	13 418 848	598 958	980	67 161	86 121	119 895	60 422
2021	33 915 821	941 865	2 259	165 455	40 613	137 013	124 394
2022	22 313 616	994 903	-456	218 162	85 268	126 976	137 730
2023	35 378 535	1 579 603	2 073	189 243	129 372	311 222	167 540

Источник: [Регионы России 2021: 530; Регионы России 2022: 534; Регионы России 2023: 532; Регионы России 2024: 534].

Большинство регионов имеют положительную динамику сальдированного финансового результата в 2020–2023 гг., несмотря на временные убытки в отдельные годы (например, в Республике Калмыкия в 2022 г.). Лидером по финансовым показателям остается Ростовская область, показывающая устойчивый рост прибыли. Астраханская и Волгоградская области имеют значительные отклонения в показателях прибыли, что может быть связано с влиянием макроэкономических факторов и изменениями в налоговой политике.

Для установления взаимосвязи между численностью малых и средних предприятий и географическими / демографическими характеристиками регионов Южного федерального округа РФ был выполнен детальный корреляционно-регрессионный анализ, позволивший количественно оценить степень влияния пространственных и демографических факторов на развитие малого предпринимательства. Рассчитанные показатели включают следующие индикаторы: число предприятий на единицу

площади территории региона — 1 тыс. км², количество субъектов МСП на 10 тыс. жителей региона. На основе данных индикаторов автором были произведены расчеты и представлены в табл. 9.

Таблица 9. Пространственные и демографические факторы и субъекты МСП

Регион	Число предприятий на единицу площади территории на 1 тыс. км ²	Относительное количество субъектов МСП на 10 тыс. жителей региона
Республика Калмыкия	375	1 048
Астраханская область	618	320
Волгоградская область	675	313
Ростовская область	1 808	441
Ставропольский край	1 552	356

Источник: рассчитано автором.

Анализ выявил следующую зависимость показателей от территориальных характеристик:

1) отмечена низкая значимость коэффициента детерминации ($R^2 = 0.18$) между площадью региона и числом зарегистрированных субъектов МСП, что свидетельствует о минимальной статистической значимости данного фактора;

2) установлена высокая прямая корреляционная связь ($R^2 = 0.92$) между численностью населения региона и плотностью распределения субъектов МСП, отражающая тенденцию роста числа предпринимателей пропорционально численности населения;

3) отдельного внимания заслуживает Республика Калмыкия, где наблюдается значительное превышение плотности субъектов МСП относительно уровня остальных регионов Южного федерального округа в 2,5 раза. Данный феномен обусловлен сочетанием эффекта низкой базовой обеспеченности региона субъектами предпринимательской деятельности и мер государственной поддержки малого бизнеса.

6. Инфраструктура и доступ к финансированию

«Развитие инфраструктуры, создание стимулов для инвестиций в малый и средний бизнес являются основополагающими на пути к устойчивому экономическому будущему России» [Цыркаева 2024: 88]. Так, транспортная и логистическая инфраструктура играют ключевую роль в обеспечении устойчивого развития МСП, особенно в регионах с высокой долей товарного производства. В Астраханской области в 2022 г. была запущена программа по модернизации транспортной инфраструктуры, направленная на улучшение логистических возможностей предприятий [Постановление от 23 декабря 2022 г.]. Эта инициатива позволила улучшить доступность транспортных узлов и повысить эффективность грузоперевозок, что в свою очередь способствовало повышению конкурентоспособности местных субъектов МСП.

Цифровая инфраструктура становится все более важным фактором для развития малых и средних предприятий, открывая новые возможности для ведения бизнеса и взаимодействия с клиентами. В Республике Калмыкия в 2024 г. провели тестирование проекта по поддержке бизнеса с помощью цифровых технологий, что может значительно улучшить доступ к информационным и финансовым ресурсам. Такие инициативы открывают новые перспективы развития условий для МСП. Вместе с тем, несмотря на значительные усилия, направленные на улучшение инфраструктуры и финансирования, остаются проблемы, требующие решения.

7. Особенности структуры развития МСП в регионах

Факторы, способствующие успеху малых и средних предприятий, варьируются в зависимости от региона, однако можно выделить общие тенденции. Одним из ключевых факторов является наличие благоприятной экономической среды, что подтверждается данными Росстата за 2021 г. [[Регионы России 2021](#)], согласно которым количество зарегистрированных МСП на Юге России увеличилось на 3 % по сравнению с 2020 г. В Ростовской области, например, высокая доля МСП в общем валовом региональном продукте (далее — ВРП) — 18 % в 2022 г. — свидетельствует о значительном вкладе сектора в экономику региона. Это может быть связано с активной поддержкой предпринимательства и наличием развитой инфраструктуры.

В Республике Калмыкия экономика традиционно основывается на сельском хозяйстве, в частности на разведении скота и выращивании зерновых культур. Это накладывает отпечаток на структуру МСП, где большинство предприятий занято в агропродовольственном секторе [[Даваева, Хубаева 2022: 14](#)]. Несмотря на выход к Каспийскому морю, рыболовство не имеет те показатели, какие были в прошлом, что связано с выдавливанием республики из этой отрасли [[Максимов 2023: 378-379](#)], о чем свидетельствуют, например, нормы вылова, которые утверждены в разрезе субъектов для Республики Калмыкия за 2023 г. — 270 820 т, за 2024 г. — 254 380 т, в то время как для Астраханской области нормы вылова за 2023 г. — 8 714 107 т, за 2024 год — 10 014 107 т [[Агентство](#)].

Близость к Каспийскому морю и наличие крупного порта делают Астраханскую область важным транспортным узлом [[Волынский, Титов 2016](#)]. Логистика и грузоперевозки стали одной из ведущих сфер деятельности МСП. Рыболовство и переработка морепродуктов также занимают значительное место в экономике региона, создавая дополнительные возможности для развития малого бизнеса [[Ходоревская, Некрасова 2019](#)].

Развитая промышленность в Волгоградской области, включающая машиностроение, химию и металлургию, формирует особую среду для МСП [[Деточенко 2018: 59](#)]. Многие предприятия работают в качестве поставщиков для крупных заводов и фабрик. Высокий уровень урбанизации и наличие образовательных учреждений способствуют развитию высокотехнологичных стартапов и IT-компаний.

Агропромышленный комплекс играет ключевую роль в экономике Ростовской области [Курочкин 2014: 57]. Производство зерна, подсолнечника и мяса птицы создает условия для активного развития МСП в пищевой индустрии.

Курорты Кавказских минеральных вод привлекают туристов со всей страны, что способствует развитию гостиничного бизнеса, сферы услуг и торговли [Сарафанова, Сарафанов 2014]. Винодельческая отрасль также является одной из значимых составляющих экономики Ставропольского края, открывая возможности для малого бизнеса в производстве и сбыте алкогольной продукции [Пароконная и др. 2015].

Основные проблемы, с которыми сталкиваются малые и средние предприятия в регионах Юга России, включают недостаток финансирования, сложность административных процедур и высокую налоговую нагрузку. В условиях кризиса 2020 г. малый и средний бизнес столкнулся с серьезными рисками, такими как сокращение налоговых поступлений и угроза банкротства [Зубаревич 2020: 6]. Эти препятствия требуют внимания со стороны органов власти, чтобы создать более благоприятные условия для ведения бизнеса.

Если говорить об асимметрии развития между регионами, то мы можем наблюдать парадоксальную ситуацию в Калмыкии, где, несмотря на исходно низкие показатели ВРП (см. табл. 4) (низкая плотность населения и ограниченные ресурсы), отмечается максимальный рост МСП (+228 %) (2020–2024 гг.) (см. табл. 6) и занятости населения (+66,1 %) (см. табл. 7). Ростовская область и Республика Калмыкия демонстрируют разные модели роста (органический и субсидируемый соответственно). В Калмыкии снижение налоговых ставок привело к резкому росту МСП, часть¹ которых реально не работает в регионе, а лишь зарегистрирована в связи на территории субъекта. С одной стороны, республика имеет дополнительные налоговые поступления, а с другой — подобные субъекты МСП не вносят вклад в развитие экономики региона, не влияют на повышение уровня занятости местного населения. В Ставропольском крае и Ростовской области, экономически более сильных регионах, эта мера оказалась менее эффективной. В 2020 г. в Волгоградской и Астраханской областях наблюдалось наибольшее падение показателей, связанное с пандемией коронавируса, — занятость сократилась примерно на 15 %. Регионы с экономикой разной направленности, такие как Ростовская область, смогли быстро восстановить свою прибыльность (см. табл. 8).

Для смягчения последствий кризисов правительство России в 2020 г. выделило более 81,1 млрд руб. на поддержку МСП [Распоряжение от 8 мая 2020 г.]. Эти меры включали субсидии, налоговые послабления и программы кредитования на льготных условиях. Благодаря этим инициативам многие предприятия смогли сохранить свою деятельность, несмотря на сложные экономические условия.

¹ Выявить реальное количество предприятий МСП практически невозможно, так как данный критерий не учитывается в официальной статистике.

После кризисных периодов многие МСП в Южном федеральном округе начали адаптироваться к новым условиям. Исследование Института статистических исследований и экономики НИУ ВШЭ показывает, что 78 % предприятий внедрило цифровые технологии, и это способствовало улучшению бизнес-процессов и расширению доступа к рынкам [Цифровая экономика]. Предприниматели связывают улучшение хозяйственной деятельности малых и средних предприятий в первую очередь с автоматизацией учетных и управленческих процессов. Восстановление деятельности также сопровождалось изменением стратегий управления и диверсификацией услуг, что подчеркивает высокую гибкость и способность предпринимателей адаптироваться к изменениям в экономической среде.

8. Заключение

Были проанализированы количественные показатели, такие как число зарегистрированных субъектов МСП, объемы производства и уровень занятости. Проведенный анализ показал, что развитие МСП на Юге России характеризуется значительными региональными различиями и особенностями. Каждый из рассматриваемых регионов — Республика Калмыкия, Астраханская область, Волгоградская область, Ростовская область и Ставропольский край — обладает уникальной спецификой, определяющей направление и темпы развития МСП. Влияние внешних факторов, включая пандемию COVID-19, а также меры государственной поддержки, оказали существенное воздействие на динамику показателей. Эти выводы подчеркивают важность комплексного подхода к анализу и поддержке МСП.

Наблюдался устойчивый рост числа зарегистрированных субъектов МСП во всех регионах, однако темпы роста варьируются. Наибольшее увеличение наблюдалось в Ростовской области и Ставропольском крае, что свидетельствует о благоприятных условиях для ведения бизнеса. Вместе с тем снижение занятости в ряде регионов указывает на структурные изменения в экономике и оптимизацию бизнес-процессов. В Республике Калмыкия большая часть деловой активности сконцентрирована в г. Элисте, что естественно для административного центра. Однако некоторые муниципальные районы также проявляют активность, что свидетельствует о наличии потенциальных точек роста вне столицы. Различия в территориальном распределении организаций указывают на неоднородность экономического ландшафта республики и необходимость более детального анализа причин и следствий таких диспропорций. В урбанизированных регионах субъекты МСП ориентированы на прибыль (высокие финансовые результаты в Ростовской области и Ставропольском крае). В регионах, где преобладает сельская местность, субъекты МСП выполняют социальную функцию — сохранение занятости (Республика Калмыкия, Астраханская область). При этом важно учитывать, что в России существует высокая доля неформальной занятости и вынужденного предпринимательства, особенно в наименее развитых регионах [Земцов 2020: 168].

Регионы с высокой плотностью населения (Ростовская область — 41 чел/ км²) показывают меньшее число МСП на душу населения (441 субъектов МСП на 10 тыс. населения), чем регионы с низкой плотностью (Республика Калмыкия — 1 048 на 10 тыс. населения) (см. табл. 9). Можно предположить, что в густонаселенных областях выше конкуренция со стороны крупного бизнеса.

Одной из ключевых особенностей региональной экономической политики является значительная разница в уровне развития МСП между регионами. Например, Ростовская область демонстрирует устойчивый рост числа МСП и их вклада в экономику региона, в то время как Республика Калмыкия сталкивается с ограничениями, связанными с меньшей численностью населения и узостью внутреннего рынка. Региональные различия также проявляются в структуре и специализации МСП. В Ставропольском крае наблюдается рост в аграрном секторе, тогда как Волгоградская область акцентирует внимание на промышленности. Эти особенности подчеркивают необходимость учета региональной специфики при разработке мер поддержки.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение влияния инновационных технологий на развитие МСП в различных секторах экономики. Это позволит выявить перспективные направления для инвестиций и поддержки. Также целесообразно провести углубленный анализ факторов, препятствующих развитию МСП в наиболее уязвимых регионах, таких как Республика Калмыкия. Это поможет разработать наиболее адресные и эффективные меры поддержки.

Источники и литература

- Агентство — Федеральное агентство по рыболовству [электронный ресурс] // URL: <https://fish.gov.ru/otraslevaya-deyatelnost/organizacziya-rybolovstva/osvoenie-rekomendovannyh-obemov-vylova/> (дата обращения: 17.04.2025).
- Балашова и др. 2022 — *Балашова Н. Н., Коробейников Д. А., Колпакова Е. А.* Сельские территории Юга России: тенденции, проблемы и перспективы устойчивого развития // Региональная экономика. Юг России. Т. 10. № 3. С. 121–132.
- Валовой региональный продукт по субъектам РФ — Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации [электронный ресурс] // URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1753193529&tld=ru&lang=ru&name=VRP_s_1998.xlsx&text=БПП%20по%20субъектам%20рф&url=http%3A%2F%2Fssl.rosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FVRP_s_1998.xlsx&lr=1094&mime=xlsx&l10n=ru&sign=2f5f39c4089541d792c42aaba9b15658&keyno=0&nosw=1&serpParams=tm%3D1753193529%26tld%3Dru%26lang%3Dru%26name%3DVRP_s_1998.xlsx%26text%3D%25D0%2592%25D0%25A0%25D0%259F%2B%25D0%25BF%25D0%25BE%2B%25D1%2581%25D1%2583%25D0%25B1%25D1%258A%25D0%25B5%25D0%25BA%25D1%2582%25D0%25B0%25D0%25BC%2B%25D1%2580%25D1%2584%26url%3Dhttp%253A%2F%2Fssl.rosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FVRP_s_1998.xlsx%26lr%3D1094%26mime%3Dxlsx%26l10n%3Dru%26sign%3D2f5f39c4089541d792c42aaba9b15658%26keyno%3D0%26nosw%3D1 (дата обращения: 17.04.2025).
- Волынский, Титов 2016 — *Волынский И. А., Титов А. В.* Предпосылки формиро-

- вания транспортно-логистического кластера в Астраханской области // Научные проблемы водного транспорта. 2016. № 46. С. 139–147.
- Даваева, Хубаева 2022 — *Даваева Б. С., Хубаева Д.* Агропромышленный комплекс Республики Калмыкия // Вестник магистратуры. 2022. № 54 (128). С. 13–16.
- Деточенко 2018 — *Деточенко Л. В.* Экономико-географический анализ развития промышленности Волгоградской области на современном этапе // Псковский регионологический журнал. 2018. № 1(33). С. 53–70.
- Единый реестр — Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [электронный ресурс] // URL: <https://rmsp.nalog.ru/> (дата обращения: 05.03.2025).
- Закон от 11.10.2022 — Закон от 11.10.2022 № 243-VI-3 «Об установлении налоговых ставок для налогоплательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения (УСН)» [электронный ресурс] // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn08/about_fts/docs/13237582/ (дата обращения: 03.03.2025).
- Закон от 27.12.2023 — Закон от 27.12.2023 № 121/2023-03 «О внесении изменений в статью 2 Закона Астраханской области «Об установлении ставки налога, уплачиваемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения» [электронный ресурс] // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn30/about_fts/docs/14182722/ (дата обращения: 03.03.2025).
- Земцов 2020 — *Земцов С. П.* Институты, предпринимательство и региональное развитие в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 2(46). С. 168–180.
- Земцов, Михайлов 2021 — *Земцов С. П., Михайлов А. А.* Тенденции и факторы развития малого и среднего бизнеса в регионах России в период коронакризиса // Экономическое развитие России. 2021. № 4. С. 34–45.
- Зубаревич 2020 — *Зубаревич Н.* Региональные риски нового кризиса для занятости и бюджетов регионов // Мониторинг экономической ситуации в России. 2020. № 7(109). С. 1–4.
- Курочкин 2014 — *Курочкин В. Н.* Анализ тенденций развития АПК Ростовской области // Вестник аграрной науки Дона. 2014. Т. 1. № 25. С. 56–70.
- Максимов 2023 — *Максимов К. Н.* Перевод рыбной промышленности Калмыкии во второй половине 1930-х гг. в положение военного времени // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 2. С. 375–387. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-375-387
- Митрофанова, Иванова 2023 — *Митрофанова И. В., Иванова Т. Б.* Региональные институты развития: состояние и результативность (на примере малого и среднего предпринимательства в регионах Юга России) // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2023. № 3. С. 51–64.
- Национальный проект — Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» [электронный ресурс] // URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/ (дата обращения: 26.02.2025).
- Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований — Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований. Количество организаций и индивидуальных предпринимателей по данным государственной регистрации по муниципальным образованиям за 2024 год [электронный ресурс] // URL: <https://30.rosstat.gov.ru/folder/40833> (дата обращения: 06.03.2025).
- Оценка численности населения — Предварительная оценка численности насе-

- ления на 1 января 2025 г. [электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/PrPopul2025_Site.xlsx (дата обращения: 17.04.2025).
- Пароконная и др. 2015 — *Пароконная Е. С., Павловская Д. А., Кенпль О. И.* Развитие винодельческой отрасли Ставропольского края: перспективы, возможности и ограничения // Крымский научный вестник. 2015. № 6. С. 181–190.
- Площадь субъектов — Площадь субъектов Российской Федерации [электронный ресурс] // URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Площадь_субъектов_Российской_Федерации (дата обращения: 17.04.2025).
- Постановление от 23 декабря 2022 г. — Постановление от 23 декабря 2022 г. № 685-П «О государственной программе «Развитие транспортной системы Астраханской области» [электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/406455981?marker=1RH6GGA§ion=text> (дата обращения: 04.03.2025).
- Распоряжение от 8 мая 2020 г. — Распоряжение от 8 мая 2020 г. №1229-р [электронный ресурс] // URL: <http://static.government.ru/media/files/z5Hi2mkalSimBAFd4hvaauvaA5pJDvbM.pdf> (дата обращения: 07.03.2025).
- Регионы России 2021 — Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021 [электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf (дата обращения: 12.03.2025).
- Регионы России 2022 — Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022 [электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf (дата обращения: 12.03.2025).
- Регионы России 2023 — Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023 [электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2023.pdf (дата обращения: 12.03.2025).
- Регионы России 2024 — Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024 [электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf (дата обращения: 12.03.2025).
- РИА рейтинг — Рейтинг регионов по вовлеченности населения в малый и средний бизнес [электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20240826/biznes-1968270218.html> (дата обращения: 17.04.2025).
- Сарафанова, Сарафанов 2014 — *Сарафанова А. Г., Сарафанов А. А.* Развитие туризма на Кавказских Минеральных Водах // Евразийский Союз Ученых. 2014. № 7–8. С. 46–48.
- Статистические данные — Статистические данные по субъектам РФ [электронный ресурс] // URL: <https://www.ididb.ru/runet/map/> (дата обращения: 17.04.2025).
- Федеральный закон — Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25971/page/1> (дата обращения: 25.02.2025).
- Ходоревская, Некрасова 2019 — *Ходоревская Р. П., Некрасова С. О.* Современное состояние и перспективы воспроизводства водных биологических ресурсов для промышленной аквакультуры в Астраханской области // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Рыбное хозяйство. 2019. № 3. С. 107–116.
- Цифровая экономика — Цифровая экономика [электронный ресурс] // URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/820948305.pdf> (дата обращения: 07.03.2025).

Цыркаева 2024 — *Цыркаева Е. А.* Развитие малого бизнеса в регионах Российской Федерации // Достижения вузовской науки: от теории к практике: Мат-лы VII Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Кумертау, 24 апреля 2024 г.). Кумертау: Кумертауский филиал ОГУ, 2024. С. 88–96.

УДК / UDC 316.422.4

**Рецензия на коллективную монографию
«Жизненный мир работников:
устойчивость versus прекарность» /
под ред. чл.-корр. РАН Ж. Т. Тощенко).
М.: Весь Мир, 2024. 462 с.**

Сергей Владимирович Козин¹, Татьяна Павловна Жидяева²

**Review of the Collective Monograph
“The Life World of Workers:
Sustainability versus Precarity”
(Edited by Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences Zh. T. Toshchenko). Moscow: All
World, 2024. 462 p.**

Sergey V. Kozin¹, Tatiana P. Zhidyayeva²

¹ Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Большая Садовая, 344082 Ростов-на-Дону, Российская Федерация) ¹Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya St., 344082 Rostov-on-Don, Russian Federation)

кандидат социологических наук, доцент

Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor

 0000-0002-8398-8805. E-mail: mister.svk92[at]yandex.ru

² Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова – Алатырский филиал (д. 70, ул. Первомайская, 429820 Алатырь, Российская Федерация) ² I. N. Ulyanov Chuvash State University – Alatyr Branch (70 Pervomayskaya St., 429820 Alatyr, Russian Federation)

старший преподаватель

Senior Lecturer

 0000-0002-8238-193X. E-mail: tanya21_84[at]mail.ru

Аннотация. Данная статья-рецензия целиком и полностью посвящена разбору и осмыслению ключевых положений и идей, поднимаемых в рамках новой коллективной монографии «Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность», которая издана известным в нашей стране издательством «Весь Мир» под редакцией члена-корреспондента РАН Ж. Т. Тощенко. В рамках этой коллективной монографии представлены положительные и отрицательные аспекты, присущие современному характеру труда. Читатель данного академического произведения сможет четко проследить, как эволюционировала отечественная научная мысль в изучении класса «прекариата», какие продвижения были реализованы в этом направлении и над чем еще предстоит работать. Обширная эмпирическая база современных первичных и вторичных репрезентативных данных, полученных в ходе всероссийских социологических опросов трудоспособного населения, проведенных такими организациями, как Государственный академический университет гуманитарных наук (2017, N=75), Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (2021, N=4 241), Левада-Центр¹ (2022, N=1 618), Российского государственного гуманитарного университета (2012, N=1 201; 2013, N=1 200; 2014, N=1 750; 2015, N=1 000; 2016, N=1 350; 2018, N=1 200; 2019, N=900; 2020, N=900; 2021, N=800; 2022, N=1 200), ФОМнибус (2012, N=1 500; 2020, N=1 500; 2021, N=1 000; 2023, N=1 500), Всероссийского центра изучения общественного мнения (2013, N=1 600; 2018, N=1 600; 2020, N=1 600; 2021, N=1 600) и др., позволяет сделать ряд важных выводов. В сущности, понятие «жизненный мир» предоставляет возможность всесторонне изучить и описать все аспекты человеческой жизни в их единстве. Если в качестве отправной точки взять трудовую деятельность как фундаментальную составляющую «жизненного мира», то ее изучение дает возможность проследить ее эволюцию во всей сложности и неоднозначности. Это включает в себя как адаптацию к вызовам четвертой промышленной революции и шестого технологического уклада, так и влияние субъективного аспекта — значения осознанности и действий работников и управленцев. Подчеркнем, что осуществленный анализ трудовой деятельности позволил обнаружить неиспользованные возможности для решения значимых вопросов, таких как повышение эффективности труда и новые модели вовлечения людей в работу (включая самозанятость, гиг-экономику и экономику совместного потребления). Многочисленные исследования смогли показать то, что граждане России стремятся к достижению как долгосрочных, так и краткосрочных задач.

Ключевые слова: жизненный мир, заработная плата, работники сельского хозяйства, работники, Российский государственный гуманитарный университет, социальные гарантии, трансформация занятости, устойчивость

Для цитирования: Козин С. В., Жидяева Т. П. Рецензия на коллективную монографию «Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность» / под ред. чл.-корр. РАН Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2024. 462 с. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 1. С. 164–170. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-164-170

Abstract. This review article is entirely devoted to analyzing and comprehending the key points and ideas raised in the framework of the new collective monograph “The Life World of Workers: Sustainability versus Precarity”, published by the well-known publishing house “The Whole World” in our country, edited by

¹ АНО «Левада-Центр» внесено в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Corresponding member of the Russian Academy of Sciences Zh. T. Toshchenko. This collective monograph presents the positive and negative aspects inherent in the modern nature of work. The reader of this academic work will be able to clearly trace the way Russian scientific thought has evolved in the study of the “precariat” class, what progress has been made in this direction and what remains to be done. An extensive empirical database of modern primary and secondary representative data obtained during the All-Russian sociological surveys of the working-age population conducted by organizations such as the National Research University of Economics (2017, N=75), the Institute of Sociology of the Federal Research Research Center of the Russian Academy of Sciences (2021, N=4 241), the Levada Center (2022, N=1 618), the Russian State University of Economics (2012, N=1 201; 2013, N=1 200; 2014, N=1 750; 2015, N=1 000; 2016, N=1 350; 2018, N=1 200; 2019, N=900; 2020, N=900; 2021, N=800; 2022, N=1 200), FOMBus (2012, N=1 500; 2020, N=1 500; 2021, N=1 000; 2023, N=1 500), All-Russian Center for the Study of Public Opinion (2013, N=1 600; 2018, N=1 600; 2020, N=1 600; 2021, N=1 600), etc., allows us to draw a number of important conclusions. In fact, the concept of the “life world” provides an opportunity to comprehensively study and describe all aspects of human life in their unity. If we take work as a fundamental component of the “life world” as a starting point, then studying it makes it possible to trace its evolution in all its complexity and ambiguity. This includes both adaptation to the challenges of the fourth industrial revolution and the sixth technological order, as well as the influence of the subjective aspect — the importance of awareness and actions of employees and managers. We emphasize that the analysis of labor activity has revealed untapped opportunities for solving significant issues, such as improving labor efficiency and new models of involving people in work (including self-employment, gig economy and sharing economy). Numerous studies have shown that Russian citizens strive to achieve both long-term and short-term goals.

Keywords: life world, wages, agricultural workers, workers, Russian State University for the Humanities, social guarantees, employment transformation, sustainability

For citation: Kozin S. V., Zhidyayeva T. P. Review of the Collective Monograph “The Life World of Workers: Sustainability versus Precarity” (Edited by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Zh. T. Toshchenko). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025. No. 1. Pp. 164–170. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-1-33-164-170

Летом 2024 г. московское издательство «Весь Мир» презентовало научной общественности новую коллективную монографию, выпущенную в свет под редакцией члена-корреспондента РАН Ж. Т. Тощенко «Жизненный мир работников: устойчивость *versus* прекарность» [[Жизненный мир работников 2024](#)] (тираж которой составил 500 печатных экземпляров).

Переходя к рецензированию данного произведения, вначале хотелось бы сказать несколько слов о его внешнем виде. Прежде всего, коллективная монография вышла в свет в твердой обложке, которая запоминается своим темным фоном с изображением больших ярких стрел, поднимающихся по спирали и своим видом символизирующих рост прекарности в современном обществе. Следующее — это внушительный объем коллек-

тивной монографии в 462 страницы, который потребует от читателя не только внимания, но и времени.

К настоящему моменту работа удостоилась внимания таких рецензентов, как А. Н. Данилов, И. И. Осинский, И. Л. Сизова, К. В. Воденко, М. И. Добрынина, Р. Т. Насибуллин и др., получив в целом положительную оценку от представителей научного сообщества. На момент написания рецензии, согласно официальным данным Российского индекса научного цитирования, данная коллективная монография была процитирована 19 раз. Не повторяя анализ, уже предложенный коллегами, мы постараемся осветить аспекты, оставшиеся вне их поля зрения. В тоже время в рамках отведенной нам рецензии не представляется возможным в существенной мере охватить в анализе данное произведение. Ввиду этого мы лишь дадим общую характеристику и остановимся на нескольких главах.

Данная коллективная монография является логичным окончанием целой цепочки предыдущих фундаментальных монографий «Прекариат: от протокласса к новому классу» [Тощенко 2018], «Прекариат: становление нового класса (опыт социологического анализа)» [Прекариат 2020], «Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности» [Прекарная занятость 2021], «От прекарной занятости к прекаризации жизни» [От прекарной занятости 2022]. В тоже время данное произведение стало закономерным завершением гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00024 «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества»).

Структура рецензируемой коллективной монографии состоит из предисловия (Г. А. Тосунян), введения (Ж. Т. Тощенко); двух больших частей — «Основные черты жизненного мира работников в современном Российском обществе» (гл. 7), «Особенности жизненного мира социальных общностей и социальных групп» (гл. 9); заключения; трех приложений (И. А. Полякова) и именного указателя.

В гл. 1 (Ж. Т. Тощенко) представлен скрупулезный анализ исторической, социологической, философской, классической и современной научной зарубежной и отечественной литературы, изучающей «жизненный мир» в его многообразии. Систематизируя полученную информацию, Ж. Т. Тощенко дает собственную трактовку понятию «жизненный мир». И вот: «Жизненный мир — это комплексная характеристика многообразия сущностных сил человека, социальных групп и общностей, включающих в себя как созидательную, так и исполнительскую деятельность в сфере труда, политики, культуры, в повседневной жизни» [Жизненный мир работников 2024: 30].

Автор главы постепенно переходит от классических теоретических основ в изучении данной проблематики, разработанных такими известными учеными, как В. Дильтей (1833–1911), Э. Дюркгейм (1858–1917), А. Бергсон (1859–1941), Э. Гуссерль (1859–1938), М. Вебер (1864–1920), А. Шюц (1899–1959) и др., к анализу российской реальности, где фиксирует явные противоречия в отношении к труду. В частности в современном обществе

в последние годы наблюдается возникновение целого ряда новых профессий: IT-специалистов, робототехников, проектировщиков 3D-печати, биотехнологов и т. д. [[Жизненный мир работников 2024: 32–33](#)]. Однако, наряду с этим, в сфере трудовых взаимоотношений, увы, возникли и неблагоприятные аспекты, в частности, остро встал вопрос о социально-юридическом статусе работников. Об этом явлении указывают такие российские ученые, как С. В. Козин, Р. Р. Закиева, Т. П. Жидяева [[Козин и др. 2021](#); [Козин, Жидяева 2023: 186–187](#)].

В гл. 5 (А. В. Кученкова) дается анализ социальных гарантий и определяется их место в преодолении прекаризации социального положения. По мнению автора, социальные гарантии могут рассматриваться в двух смыслах. Во-первых, это определенные гарантии, регламентированные трудовым договором: оплата труда соответственно занимаемой должности, гарантии занятости, защита от безработицы и т. д.; во-вторых, это непосредственно социальные права граждан на оплату труда, пособие по временной нетрудоспособности, по беременности, родам и т. д.

Согласно заключению А. В. Кученковой, перспективы развития личности тесно связаны с уровнем и стабильностью оплаты труда. В российской действительности заработок, получаемый по основному месту занятости, является главным финансовым источником для большинства граждан [[Жизненный мир работников 2024: 141](#)].

Таким образом, подчеркивается значимость достойной и регулярной заработной платы как фундамента для реализации человеческого потенциала, который важен представителям «ряда больших социальных общностей: рабочих, инженерно-технической интеллигенции, крестьянства, работников сферы образования, науки и культуры» [[Козин, Жидяева 2024: 214](#)]. Финансовая уверенность, обеспечиваемая стабильным доходом, формирует подходящую «почву» для личностного роста и профессионального развития. В контексте российской экономики, где заработная плата играет ключевую роль в формировании семейного бюджета, этот фактор приобретает особую актуальность.

Несмотря на общее снижение заработной платы как трудоустроенных работников, так и работников, осуществляющих свою деятельность без заключения договора (как в 2018 г., так и в 2022 г.), более высокую заработную плату имеют сотрудники с официальным трудоустройством. Это объясняется тем, что чаще всего в оформлении своих трудовых обязанностей заинтересованы высококвалифицированные специалисты и административно-управленческий персонал. Низкая квалификация как следствие низкой юридической грамотности влечет за собой отсутствие договора с работодателем (или оформление краткосрочного договора) и, как результат, низкую заработную плату.

Гл. 15 (Г. В. Ниорадзе) посвящена острому и актуальному вопросу дискриминации по возрасту, проливает свет на эйджизм, разъедающий повседневную жизнь пожилых людей [[Жизненный мир работников 2024: 364](#)]. Эта коварная форма предрассудков неразрывно связана

с шаткой занятостью: предубеждения, словно тень, нависают над способностями и возможностями сотрудников старшего возраста, приводя к болезненным увольнениям или вынуждая соглашаться на менее достойные должности. Один из выводов заключается в том, что пожилых граждан обеспечивают социальными гарантиями, включающими регулярные выплаты, льготы и различные компенсации. Благодаря этому пенсионеры обладают более широким спектром базовой защиты по сравнению с трудоспособным населением, что способствует смягчению возрастной дискриминации [[Жизненный мир работников 2024: 371](#)].

В рецензируемой коллективной монографии, к сожалению, присутствуют немногочисленные, но ощутимые погрешности в виде опечаток и мелких неточностей [[Жизненный мир работников 2024: 32, 33, 36, 40, 42, 63, 240, 311, 398, 399, 400](#)]. В частности на странице 40 автор приводит сведения, полученные от Всероссийским центром изучения общественного мнения за 2023 г., и делает необходимую ссылку, однако данного источника нет в списке литературы к этой главе. В ссылках к различным иллюстрационным материалам (таблицам, рисункам) зачастую отсутствует указание соответствующих страниц [[Жизненный мир работников 2024: 98, 106, 229](#)]. Помимо этого, в коллективной монографии не хватает единого сводного списка использованных источников. Вместо этого библиография приводится именно в каждой главе.

Итак, из монографии в монографию кочует идея о том, что прекариат является «социально опасным классом», однако каких-либо более точных оснований в раскрытии этого вопроса по-прежнему не имеется. Продолжая эту тему, интересно было бы узнать, где та самая черта (граница), пересекая которую российский прекариат становится этим самым «опасным классом». Далее было бы не менее интересно узнать, на какой стадии (этапе) находится сегодня класс прекариат. Прошел ли он стадию из «класса в себе» в «класс для себя», о котором писал Ж. Т. Тощенко в своей монографии «Прекариат: от протокласса к новому классу», вышедшей в 2018 г. [[Тощенко 2018: 244](#)]. И если нет, то по каким причинам?

Данная коллективная монография, как нам кажется, будет интересна экспертам, докторантам и студентам, занимающимся изучением и анализом социальных вопросов, связанных с трудоустройством, а также вовлечением трудовых ресурсов в экономические, общественные, политические и культурные процессы. Надеемся, данная рецензия, опубликованная на страницах «Бюллетеня Калмыцкого научного центра РАН», пробудит интерес у его читательской аудитории к прочтению данного произведения. В завершение нам хотелось бы искренне поблагодарить научный авторский коллектив настоящей рецензируемой коллективной монографии, а также сотрудников московского издательства «Весь Мир» за огромную проделанную работу, выполненную на высоком научном, теоретическом, методологическом и эмпирическом уровнях. Данное произведение, по нашему мнению, было бы справедливо выдвинуть на соиска-

ние премии Российской академии наук [Козин, Жидяева 2024: 208–220]. Чтобы в полной мере оценить вклад авторского коллектива в изучение прекариата современной России, необходимо внимательно прочитать данную коллективную монографию (а для пытливого читателя — возможно, и перечитать ее).

Литература

- Жизненный мир работников 2024 — Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2024. 462 с.
- Козин и др. 2021 — Козин С. В., Закиева Р. Р., Жидяева Т. П. Прекариат — новый угнетенный класс XXI века? // Философия хозяйства. 2021. № 3(135). С. 199–213. DOI: 10.61726/8767.2024.85.98.001
- Козин, Жидяева 2023 — Козин С. В., Жидяева Т. П. [Рец. на кн.] От прекарной занятости к прекаризации жизни / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2022 // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1. С. 177–191. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.10
- Козин, Жидяева 2024 — Козин С. В., Жидяева Т. П. Член-корреспонденту РАН Ж. Т. Тощенко 90 лет: очередной этап для новых свершений // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6. № 4. С. 208–220. DOI: 10.19181/smtp.2024.6.4.11
- От прекарной занятости 2022 — От прекарной занятости к прекаризации жизни / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2022. 364 с. DOI: 10.55604/9785777708861
- Прекариат 2020 — Прекариат: становление нового класса (опыт социологического анализа) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЦСПиМ, 2020. 400 с.
- Прекарная занятость 2021 — Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2021. 400 с.
- Тощенко 2018 — Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. 350 с.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**БЮЛЛЕТЕНЬ
КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН
BULLETIN
OF THE KALMYK SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS**

Главный редактор: В. В. Куканова

2025. № 1

Переводчик: *Номинханова Б. О.*
Компьютерная верстка: *Когданов А. Н.*

Дата выхода 01.09.2025. Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 14,61. Тираж 100 экз. Заказ 41-25.
Подписной индекс 33086. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,

Тел. +7(84722) 3-55-06
Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>
E-mail: publ.kscras@gmail.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8